

СЛАВЯНОСЛОВ

ISSN 0132-1366

№

Славяно

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2009

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2009

СЕНТЯБРЬ •

ОКТАБРЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

<i>Виноградов В.Н.</i> (Москва). На пути к Адрианопольскому миру.....	3
<i>Воронкова И.Е.</i> (Орел). Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века.....	18
<i>Костин А.А.</i> (Киров). Дипломатия США и борьба за власть в Югославии в 1945 году.....	29
<i>Кайчев Н.</i> (София). Политика Болгарии по отношению к обществам македонских беженцев (1944–1989).....	39
<i>Михалев О.Ю.</i> (Воронеж). Вопрос о вступлении в НАТО в польском политическом дискурсе (1989–1993 годы).....	51
<i>Содоль В.А.</i> (Тирасполь). Монастыри Молдавской ССР в 1945–1948 годах: экономическая деятельность.....	59
<i>Мальцев Л.А.</i> (Калининград). «Дневник» Витольда Гомбровича: реформа жанра.....	69
<i>Сорокина А.Ю.</i> (Москва). К проблеме славяно-еврейских языковых контактов в славистике и иудаике.....	78
<i>Боронникова Н., Овчинникова Е.</i> (Пермь). Оценочная семантика неопределенного местоимения <i>еден</i> в македонском языке.....	86

СООБЩЕНИЯ

<i>Шницер И.Е.</i> (Ужгород). Неудавшаяся попытка поставить словацкий вопрос на Парижской мирной конференции 1919 года.....	96
---	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Досталь М.Ю.</i> (Москва). Славистическое литературоведение и идеологические кампании конца 1940-х годов.....	104
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ямбаев М.Л.</i> Македонското прашање во советската надворешна политика (1922–1940). Документи. Едиција документи за Македонија.....	117
<i>Величко О. Н.Н.</i> Станков. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии. 1918–1924.....	120

ЮБИЛЕИ

Демина Е.И., Ермакова М.И., Калнынь Л.Э. К юбилею Татьяны Вениаминовны Поповой..... 122
Тыртова Г.П. К юбилею Владимира Павловича Гудкова 124

НЕКРОЛОГИ

Чуркина И.В., Кирилина Л.А. Академик Василий Мелик (1921–2009)..... 126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков.
Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2009 г.
© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2009 г.

© 2009 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

НА ПУТИ К АДРИАНОПОЛЬСКОМУ МИРУ

Император Александр I, один из отцов-основателей Священного союза и автор его устава, довольно быстро убедился, что заложенные в последнем принципы легитимизма, поддержки повсюду законных монархов связывают ему самому руки на важнейшем балканском направлении отечественной внешней политики. Султанский режим в Османской империи отвечал всем требованиям легитимизма – пятьсот лет правления в раскиданных по трем континентам, Азии, Африке и Европе, владениях. И столько же лет униженного положения райи (стада по-арабски), христианского населения Балкан. Чаша их терпения переполнилась, XIX век начался для империи с великих потрясений. За двумя Сербскими восстаниями (1804–1813 и 1815 гг.) в марте 1821 г. – восстание в Греции, положившее начало национально-освободительной революции. Кровь повстанцев лилась рекой. Вся сознательная Россия горой встала за героев-эллинов. Присутствовать в роли зрителя при расправах не позволяла совесть. Царь воззвал к союзникам с просьбой о вмешательстве. 1 июня 1821 г. в обращении к австрийскому императору Францу он писал: «Россия не может смотреть на то, что полному истреблению [...] предадут единоверный народ, поставленный торжественными актами под ее покровительство» [1. Т. 2. Ч. 1. С. 57]. Он напрасно рассчитывал на солидарность венценосцев, кайзер остался глух к его призыву. Канцлер Габсбургской монархии князь К. Меттерних не дрогнул и доверял свои мысли бумаге: «За нашими восточными границами триста или четыреста тысяч человек, повешенных, расстрелянных или посаженных на кол, не считаются ни во что» [1. Т. 2. Ч. 1. С. 309]. А глава Форин Офис лорд Р. Каслри предписывал послу в Константинополе П. Стрэнгфорду «побуждать правительство Порты к необходимости укреплять свое влияние над пришедшим в ярость народом», как он именовал революционеров [2. Т. 12. С. 189–190]. Стремясь привлечь внимание Европы к творившемуся геноциду, статс-секретарь по иностранным делам К.В. Нессельроде писал о «непрекращающейся страшной резне», о «посягательстве на христианскую религию» и на «существование греческой нации», о «мученической гибели главных епископов» [3. С. 125; 4. С. 56]. Напрасно.

Александр I встал перед выбором: или сотрудничество с Европой на фоне распятой Греции, что было равносильно попранию национальных интересов России, или возвращение к курсу на поддержку христианских народов, что означало попрание принципов Священного союза. Император избрал последнее. Он знал –

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

пренебрегать мнением общественности нельзя, печальная судьба деда и отца, вышедших из воли дворянства и поплатившихся за то жизнью, говорила сама за себя. И он начал поиск путей отстаивания национальных интересов в обход принципов Священного союза. Он предпочел бы отступить от них коллективно, в виде некоей разновидности крестового похода, но понимал, что сие недостижимо. Однако рассчитывал на получение индивидуальной индульгенции на защиту христиан. Ничего не вышло, терпение царя истощилось. 18 июля посланник в Константинополе Г.А. Строганов предъявил Высокой Порте ультиматум. Восстание в нем осуждалось, но предлагалось прекратить преследование тех греков, которые «либо не вышли из повиновения, либо принесут повиновение в известный срок». Отказ Турции удовлетворить ультиматум, говорилось далее, узаконит защиту истребляемых со стороны христианских государств, не могущих спокойно взирать на «уничтожение целого христианского народа» (царь все еще пытался выступать от имени Европы). Требования не ограничивались Грецией, предлагалось вывести турецкие войска из Дунайских княжеств, восстановить в Черноморских проливах свободу судоходства, прекратить покупку прибывавших в Стамбул товаров из подчиненных провинций по заниженным ценам или даже их конфискацию.

Вслед за нотой К.В. Нессельроде направил депеши в Лондон, Париж, Вену и Берлин с просьбой поддержать российскую позицию, в случае провала демарша в Турции царь испрашивал у Европы мандат на войну, заверяя, что ее цели будут заранее оговорены с державами (отказываясь тем самым от экспансионистских излишеств).

Взять турок на испуг не удалось. Высокая Порта отвергла ультиматум. Строганов затребовал паспорта и вместе с составом миссии покинул Стамбул. Демарш в европейских столицах завершился полным провалом. Р. Каслри дал понять российскому послу в Лондоне Х.А. Ливену, что «британский кабинет хотел бы видеть Оттоманскую Порту взявшей верх» и таким «простейшим способом» прекратить «осложнения» на Востоке. В сентябре четыре державы учинили демарш, но не перед турками, а перед греками, в котором поучали мятежников: «Всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью Святого Евангелия, так и принципами чистой политики» [2. Т. 12. С. 229, 279, 313; 5. С. 204–205; 6. С. 143]. Российские оппоненты выступали в соответствии с постулатами Священного союза, включая Великобританию, в нем не состоявшую.

Полная международная изоляция, угроза противодействия держав, трудное финансовое положение, неготовность армии к новым тяжелым испытаниям, не зажившие еще после 1812 г. раны, не восполненные еще потери – все эти факторы беспокоили царя. Тревожило его и внутреннее положение в стране. В 1820 г. произошли волнения в привилегированном Семеновском полку, вызванные жестокостью командира, но Александру Павловичу чудилось нечто более зловещее, и он не скрывал перед А.А. Аракчеевым своих опасений: «И в России под государственное здание подведена пороховая мина карбонаризма» [6. С. 123]. Государь не пошел ва-банк, не прислушался к советам горячего греческого патриота И.А. Каподистрии, занимавшего пост статс-секретаря, ведавшего восточными делами и считавшего войну, совершенно дипломатически не подготовленную, неизбежной.

Пришлось расстаться с Каподистрией¹ и возвращаться к старой тактике уговаривания оппонентов без надежды на успех. Петербургский кабинет после раз-

¹ В 1822 г. Каподистрия ушел в длительный отпуск с сохранением содержания и уехал в Швейцарию.

рыва отношений с Портой ощутил все неудобство позиции «ни мира, ни войны». Нет смысла блуждать вместе с отечественной дипломатией по бесконечному лабиринту, именовавшемуся поисками путей умиротворения Греции. В отличие от древнегреческого, выход из него вообще отсутствовал ввиду непримиримости сторон: нити Ариадны не существовало. Четыре года прошли в суете. Полная безысходность ситуации побудила Петербург обратиться к посредническим услугам лорда П. Стрэнгфорда, британского посла в Константинополе, хотя тот был известен своими протурецкими симпатиями.

Это было все равно, что пустить козла в огород стеречь капусту. Какое-то время переговорный бег на месте продолжался с участием англичанина. В поисках выхода из тупика К.В. Нессельроде в январе 1824 г. сочинил записку, в которой предложил образовать на территории Греции три автономных княжества. В плане историческом следует отметить ее положительную сторону – впервые великая держава предлагала восстановить государственность эллинов на столь значительном пространстве, включающем Морею, о. Крит, Акарнанию, бывшее венецианское побережье Адриатики, Беотию, Фессалию и Аттику [5. С. 232–233].

Инициатива повисла в воздухе, привлечь державы к обсуждению проекта не удалось, турки встретили в штыки идею коллективного вмешательства Европы в отношения султана с его взбунтовавшимися подданными. Неожиданный афронт творение Нессельроде получило со стороны греков, добивавшихся полной независимости в рамках единого государства и в то время успешно сражавшихся с османскими карателями. «Ноту с севера» они сочли несправедливой и жестокой, и свой протест, направленный в Форин Офис, заключили знаменательными словами: «Разве сегодня можно сомневаться в том, что греки достойны независимости?» [7. 1824. Д. 5933. Л. 319–320]. Свои взоры в поисках поддержки эллины обратили к Лондону.

В 1822 г. Р. Каслри, страдавший манией преследования, покончил жизнь самоубийством – будучи оставлен без присмотра в загородном доме, он зарезался перочинным ножом. Ему на смену пришел Джордж Каннинг, крупнейший государственный муж Британии в XIX в., и в Форин Офисе задул свежий ветер. Он не участвовал, подобно своему предшественнику, в конгрессовой дипломатии и относился критически к Священному союзу.

Англией тогда безоговорочно управляли лэндлорды и сквайры, используя для этого сохранившуюся с времени Средневековья систему округов, при которой депутатов в палату общин посылали многочисленные захиревшие и даже почти вымершие «гнилые» и «карманные» местечки (которые владелец держал «в кармане»), а не рожденные промышленной революцией большие города. Могушественная торговая, промышленная и банковская буржуазия к власти не допускалась. Тори (консерватор) Каннинг стремился смягчить ее недовольство и умерить оппозиционность учетом ее экономических интересов. Он поверг в оцепенение традиционалистов в собственной партии во главе с герцогом А. Веллингтоном, признав независимость сражавшихся против испанского владычества латиноамериканских государств и распахнув тем самым доступ британскому капиталу на рынки Южной Америки. 25 марта 1823 г. Каннинг поразил европейские дворы, признав восставших греков воюющей стороной. Свое решение он представлял как акт, направленный на поддержание коммерции: «Турки не способны обеспечить безопасность британской торговли, следовательно мы должны были рассматривать греков или как воюющую сторону, или как пиратов» [8. Р. 326].

Относиться к борцам за свободу как к морским разбойникам и вешать их при поимке по стародавнему обычаю на реях не годилось.

Объективно он нанес тяжелый удар по принципам Священного союза, сильно ободривший повстанцев. В Лондон прибыли делегаты их временного правительства А. Орландос и А. Луриотис с целью переговоров о получении займа на 800 тыс. фунтов стерлингов. Каннинг отказал им в официальном приеме, но запросил у них информацию о положении в Греции, а банкирский дом Лонгэм, О'Брайан и Ко взялся за размещение займа [9. С. 56].

Британские акции на Балканах поднимались, российские падали. В Лондоне не вспоминали о запальчивом заявлении Каслри – отдать мятежников на растерзание османским карателям как простейшем способе умиротворить их. Открылась перспектива прочного утверждения Великобритании на земле эллинов и, желательно, без помех с российской стороны. Все потуги Петербурга сколотить общий фронт держав провалились. Посол в Вене Д.П. Татищев именовал позицию союзников «системой надувательства». Форин Офис паразитировал на бессилии царской дипломатии [3. С. 64; 7. 1824. Д. 6941. Л. 251; Д. 6942. Л. 57; 2. Т. 13. С. 683]. Но всякому терпению приходит конец.

В декабре 1824 г. Татищев получил указание высказать свое личное предположение, что Россия может и одна, без постороннего содействия, завершить дело. У ведущих дипломатов запросили мнение о дальнейших шагах по выходу из кризиса. Представитель в Англии Х.А. Ливен считал, что четыре года переговоров с «самым бессильным из правительств», турецким, ничего не принесли, и остается одно – война. Посол России в Париже К.О. Поццо ди Борго был не менее критичен: на Балканах все руководствуются своими интересами, только у России «нет ни места, ни роли. Ни Европа, ни турки, ни греки не обращают на нас никакого внимания». Он полагал, что открытого противодействия надвигающейся войне со стороны «союзников» ожидать нечего, даже Меттерних ограничится «изворотливостью и интригами» [7. 1824. Д. 6941. Л. 115–117; 10. С. 44, 49; 11. С. 141–142].

Упоминания о монархической солидарности исчезли из российской дипломатической переписки, одолевали земные заботы, нависала угроза вытеснения с Балкан. Александр I доживал последние месяцы. Вечный странник («провел всю жизнь в дороге и умер в Таганроге») скончался в ноябре 1825 г., Николай быстро, решительно и жестоко подавив восстание декабристов, вступил на престол, будучи, по собственному признанию, совершенно не подготовлен к исполнению высокой царской миссии. Новому венценосцу предстояло доказать стране, на что он способен, его личный авторитет пока что равнялся нулю. В дворянских кругах царило беспокойство, недавнее восстание показало распространение революционных настроений в офицерском корпусе, армию следовало занять победоносной войной, перед общественностью предстать защитником национальных интересов, для чего не существовало более действенного средства, нежели выступление в поддержку героических и страдающих греков.

В Лондоне тревожились: пускать российский корабль в свободное плавание по греческим водам опасно, решать проблему в узком кругу – Лондон, Стамбул, Навплия – не удастся, надо связаться с Петербургом и попытаться ограничить его самостоятельность. Каннинг стал наведываться в салон Дарьи (Доротеи) Христофоровны Ливен, в девичестве Бенкендорф, супруги посла и сестры шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, дамы просвещенной, острого ума и, по мнению многих современников и историков, подлинного представителя России в Англии. Каннинг в своих беседах усвоил доверительный тон: не следует полагаться на

«двусмысленную правдивость лорда Стрэнгфорда» (что правда, то правда!), Вена прикрывается «тенью нейтралитета, но верить ей нельзя, ее агенты помогают туркам» (совершенная истина!). При вручении Х.А. Ливеном новых верительных грамот король Георг IV вышел за рамки протокола и рассыпался в похвалах императору Николаю: «Твердое и величественное поведение посреди достойных сожаления сцен 14 декабря вызвало у него восхищение» [7. 1826. Д. 6956. Л. 18–20, Д. 6939. Л. 37–38].

В Петербурге встретили британские авансы благосклонно, сознавая, что позиции Лондона и Вены отличаются не только в нюансах. Габсбургская монархия отвергала даже идею образования христианских государств на Балканах, поскольку они могли стать центром притяжения для проживавших в ней сербов и румын. У Великобритании подобных опасений не существовало. Каннинг допускал государственное строительство в регионе, но осторожное и ограниченное, чтоб оно не угрожало существованию Османской империи. Он решил прекратить саботаж российских усилий по урегулированию балканских дел и перейти к более тонкому маневрированию. Раз предотвратить выступление России безнадежно, следовало лишить его одностороннего характера, связать партнера, взять под свой контроль процессы, замедлить их ход, изыскать приемлемую для Англии и Высокой Порты формулу договоренности с греками.

Надо было спешить. Военное счастье отвернулось от инсургентов. Султан обратился за поддержкой к своему могущественному вассалу, правителю Египта Мухаммеду Али. В феврале 1825 г. в Море, на юге Балканского полуострова, высадились две вооруженные по-европейски египетские дивизии под командованием сына паши, способного полководца Ибрагима. Они заняли Сфакерию, крепость и порт Наварин. Временную столицу Греции Навплию (Навплион) Ибрагиму захватить не удалось, но вся Морея подверглась разгрому. Ибрагим обращал в пепел города и села, вырезал их обитателей, обращал в рабство женщин и детей. В Лондон поступило прошение об установлении над страной британского протектората («акт подчинения»). Предложение в таком виде Уайтхолл не устраивало, кабинет не собирался ссориться с Портой. Дабы смягчить недовольство Стамбула, появилась королевская прокламация о нейтралитете. Но и сидеть сложа руки не годилось, можно было досидеться и до русско-турецкой войны с ее непредсказуемыми последствиями к ущербу для Лондона. Под градом неудач инсургенты поскромнели. Форин Офису удалось выяснить, что они готовы удовлетвориться автономией. Чтобы не терять контроль над событиями на русском фланге Каннинг снарядил в Петербург герцога А. Веллингтона под самым благовидным предлогом – поздравить Николая с восшествием на трон, а по сути – для обсуждения всех восточных дел. В частности, фельдмаршал должен был предложить британское посредничество в греко-турецком урегулировании. В случае отказа от этой услуги одной из сторон в конфликте предусматривалось вмешательство обеих держав. И тут выглядывала ахиллесова пята инструкции, которой Каннинг снабдил своего маститого коллегу, – в ней не предусматривалось действенных средств для побуждения Высокой Порты к сговорчивости, зато вполне определенно говорилось, что отказ Стамбула не дает России права на войну [12. Р. 469–474], что сулило перспективу удаления в дремучие дебри нескончаемых переговоров.

Молодой царь был польщен приездом знаменитого фельдмаршала, трудно было избрать более подходящую персону для переговоров (если не учитывать отсутствия у Веллингтона дипломатических дарований). В результате вместо

того, чтобы устранить угрозу русско-турецкой войны, герцог ее приблизил. Император усыпил его бдительность горячим заверением, что «пока Оттоманская империя существует, он будет рассматривать греков как взбунтовавшихся подданных».

Приезд в Петербург столь импозантной особы в Европе сочли признаком англо-русского сближения, что побудило Порту к уступчивости. Руководствуясь тем же соображением, кабинеты Парижа и Вены присоединились к нажиму на султана. Особенно старался Меттерних, вообразивший, что таким путем можно избежать «вторжения» России в греческие дела. Встревоженное турецкое правительство реагировало быстро, реис эфенди выразил согласие на открытие переговоров.

Как нельзя более кстати для России в Стамбуле взбунтовались янычары, в их ортах (ротах) были перевернуты суповые котлы, что означало призыв к мятежу. Султан обошелся с этой вольницей истинно по-янычарски: бунтарей обезглавливали, душили (давили, как тогда говорили), топили в водах Босфора, число жертв доходило до 20 тыс. Янычарское войско подверглось истреблению, следовало найти ему замену, что требовало времени.

В июле в Бессарабии открылись переговоры, 25 сентября (7 октября) была подписана Аккерманская конвенция, восстановившая в полной силе Бухарестский мирный договор 1812 г. В ней подробно оговаривались права и льготы Дунайских княжеств, включая семилетний срок правления господарей, предусматривалось введение в Сербии автономного правления. На Кавказе утверждалась пограничная линия с закреплением за Россией Анаклии, Сухума и Редут-кале, уточнялось разграничение по Дунаю. Ст. 7 обязывала Порту не чинить «никаких преград свободному плаванию купеческих судов под российским флагом во всех морях и иных водах Империи Оттоманской» [2. Т. 14. С. 632–643].

В беседах с герцогом Веллингтоном весной царю удалось сдвинуть с места и греческий камень преткновения, и меньше всего споров вызывал вопрос о статусе будущего государства. Фельдмаршал собственноручным письмом информировал Нессельроде о пожеланиях временного правительства. Министр от имени российской стороны выразил с ними полное согласие. И тем не менее в подходе к проблеме существовало труднопреодолимое различие, британский – носил теоретический характер и обуславливался согласием турок на задуманную комбинацию, на что, без применения силы, существовало мало надежды. Используемые средства, настаивал герцог, должны «ограничиться представлениями» [1. Т. 11. С. 123]. Вырисовывалась перспектива бесконечной говорильни.

В российском представлении обретение Грецией автономии являлось конкретной целью, достигаемой активно, причем из способов не исключалась война. Царским переговорщикам удалось изыскать формулу, позволявшую прибегнуть к «последнему доводу королей», и 23 марта (4 апреля) 1825 г. был подписан протокол, определивший расстановку сил в Восточном вопросе на ближайшие и решающие годы. По его условиям греки должны были управляться властями, ими самими избранными или назначенными, но в назначении которых Порты будет иметь «известное участие». Провозглашалась свобода совести и торговли и, главное, полная самостоятельность в делах внутреннего управления. Зависимость от Турции фактически ограничивалась выплатой фиксированной дани [2. Т. 14. С. 450]. Перечисленные условия были благоприятны для греков, учитывая в особенности то обстоятельство, что восстание дышало на ладан. Важно подчеркнуть, что положения о статусе создаваемого государства являлись не плодом творчества

тандема Нессельроде – Веллингтон, а почти совпадали с пожеланиями повстанцев, высказанными с учетом сложившейся обстановки. Правда, протокол умалчивал о пространственном распространении Греции, а временное правительство претендовало на все земли, где греки проживали, даже на места, на которые нога повстанцев не вступала, что было явно нереально.

Ключевым протоколом параграфа, с российской точки зрения, являлся третий, предусматривавший, что стороны, в случае неудачи посредничества, будут считать изложенные условия «за основания для примирения, имеющего состояться при их участии, общем или единоличном, между Портой и греками» [1. Т. 11. С. 341–343]. Запрета прибегать к военным действиям при единоличном участии параграф не содержал. Завершался документ заверением участников об их полном бескорыстии – они не станут «искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких выгод для своих подданных». Российская сторона не скрывала, что в случае тупика она не остановится перед применением военных операций.

Подписанный акт, несмотря на скромное название, – всего лишь протокол, только два участника, – имел для Петербурга геостратегическое значение, ибо знаменовал рождение новой концепции балканской политики России, означал отказ от территориального расширения в Юго-Восточной Европе и намерение создать здесь в пограничной зоне цепь дружественных христианских княжеств.

По здравому размышлению к двум кабинетам решил присоединиться третий, парижский. Режим Реставрации во Франции доживал последние годы, оппозиция резко критиковала его внешнюю политику за пассивность и пренебрежение национальными интересами, пугала полным вытеснением с Балкан, и тюильрийский двор решил примкнуть к англо-российскому альянсу.

Союз трех был соткан из противоречий, в Петербурге убедились – «исключительно желанием Англии остановить одностороннее вмешательство России в пользу греков было бы можно объяснить подписание герцогом Веллингтоном мартовского протокола» [1. Т. 11. С. 395]. Третий параграф похоронил это намерение. Как писал И.А. Каподистрия, «протокол останется мертвой буквой без условия, которого герцог Веллингтон не понял и которое давало России право осуществлять его сепаратно» [13. Р. 98].

Но и затягивать урегулирование до бесконечности Лондон и Париж не могли, так можно было дожидаться истребления опекаемых, что грозило покровителям Греции скандалом.

Заклученный 7 июля 1827 г. трехсторонний договор в секретной своей части предусматривал использование побудительных мер с целью заставить Порту пойти на уступки. Соглашение явилось плодом борьбы и компромисса, но, «продавив» это решение, отечественная дипломатия не сумела добиться четкого определения указанных мер. В итоге адмиралам трех эскадр – британской, российской и французской – было предписано пресечь снабжение турецко-египетских войск боеприпасами и продовольствием, применяя в случае необходимости силу, но не прибегая к военным действиям [8. Р. 398–404]. Трех флагманов полученные указания повергли в недоумение, но истолковали они их по-боевому. Возможно, влияние оказал психологический фактор. Какой моряк не мечтает о воинской славе, а она так редко осеняет флотоводцев! Крупные баталии на море в XIX в. можно перечислить по пальцам: Трафальгарская (1805), Наваринская (1827), Синопская (1853). Но как же упустить шанс и не вписать свое имя в скрижали морской славы?

30 октября 1827 г. соединенная эскадра под командованием адмиралов Э. Кодрингтона, Л.М. Гейдена и А. де Риньи уничтожила укрывшийся в Наваринской бухте на юге Мореи турецко-египетский флот.

Петербург приветствовал славную баталию колокольным звоном, а в Лондоне погрузились в печаль, – так далеко в ссоре с Османской империей здесь заходить не собирались. Дж. Каннинг только что ушел из жизни, сменившие его посредственности считали, что переусердствовали в побудительных мерах. Король Георг досадовал: он послал Кодрингтону ленту (орденскую, как-никак великая победа), хотя тот заслужил веревку (понятно для чего). В тронной речи монарх назвал сражение досадным происшествием. А Высокая Порта еще обострила ситуацию, потребовав у трех держав возместить ей ущерб от потери кораблей и принести извинения султану, иными словами – признать битву актом разбоя. Пойти на подобное унижение значило для держав выпороть самих себя. 8 декабря 1827 г., исчерпав все меры воздействия, их представители в Стамбуле объявили о разрыве отношений с Портой. Самодержавие подвело своих лондонских и парижских партнеров к порогу войны с Османской империей. Но не воевать же ради ее разрушения и укрепления на Ближнем Востоке и Балканах российских позиций! Единственно, что оставалось сделать, – это отмежеваться от опасного союзника. Глава Форин Офиса лорд Дадли поспешил еще раз перестраховаться, предложив подписать так называемый протокол о бескорыстии (от 30 ноября/12 декабря 1827 г.), в котором стороны вновь засвидетельствовали отсутствие у них территориальных претензий к Порте (что вполне соответствовало российской внешнеполитической концепции). Союзники-соперники очутились в тупике: после трех актов о сотрудничестве с Россией и Наваринского сражения они не могли поворачивать фронт на 180° и выступать в защиту Турции. Самое большее, что оставалось сделать, – это покинуть Россию накануне войны, что и произошло. Диву даешься, читая рассуждения А.В. Фадеева в его солидном труде, в котором он, во имя классового подхода и изблечения самодержавия, писал: «Нессельроде и его сотрудники не сумели должным образом обеспечить в политическом отношении новую войну» [3. С. 238]. На самом деле в плане дипломатическом войну удалось подготовить превосходно.

Ждать оставалось недолго. 27 декабря того же 1827 г. последовал указ падишаха, в котором Россия объявлялась исконным врагом Османской империи, подстрекавшим греков на мятеж против «кроткого турецкого правления». Султан призывал правоверных «отвергнуть нелепые требования трех держав», «восстать поголовно за веру и империю свою, вспомнить славу предков и затмить ее своею» [14. С. 106–107].

14 (26) апреля 1828 г. началась восьмая по счету русско-турецкая война.

Разразившийся на балканской почве в посленаполеоновскую эпоху кризис поучителен в плане международном. В ходе его сошел со сцены Священный союз как политическая и организационная структура, разбившись о балканские утесы, и немалая «заслуга» в падении принадлежала России. В борьбе между поддержкой принципа легитимизма и помощью православным народам Юго-Восточной Европы самодержавие мучительно и с колебаниями избрало последнее. Подобного удара по принципам Священный союз не выдержал, его Веронский конгресс (1823) оказался последним, хотя участники разошлись под громкие здравницы и бодрые пожелания ему долгой жизни и процветания. На самом деле строй держав смешался, никогда больше Россия, Франция, Австрия, Пруссия не выступали в одном строю, каждый тянул одеяло на себя. Но духовно, как выразитель начал

легитимных и охранительных, союз продолжал существовать. Различные комбинации правых сил, сражавшихся с революцией, нарекали его именем.

Балканы рано вышли из тени Священного союза, оказавшись в развилке между постулатами легитимизма и государственными интересами России. Сомкнулись соображения стратегической безопасности, коммерческой выгоды, народной симпатии к православным и стремление избавиться их от османского гнета. В кои-то веки раз власть пошла вместе с обществом (подробнее см. [15]).

Лишь уникальное стечение обстоятельств подвигло самодержавную власть занять на Балканах разрушительную для Священного союза позицию. Во всей остальной Европе государственный интерес усматривался в другом. Николай I мнил себя стражем мира и освященных Богом порядков, его цель – «поддерживать священный огонь 1815 года» и сражаться с «адскими принципами революции». Беда заключалась в том, что отстаиваемые порядки подгнили и рушились, несмотря на самоотверженные усилия царя по их спасению. Уже представители старой отечественной историографии пришли к выводу о тщетности и бессмысленности его подвигов. Отстаиваемые порядки, свидетельствовал вполне благонамеренный проф. Ф.Ф. Мартенс, давным-давно утратили право на существование.

Тонкий покров союза Англии, России и Франции прикрывал их взаимное недоверие и соперничество, что в полной мере проявилось во время войны 1828–1829 гг. В Лондоне ее вообще расценивали как «нашествие на бедняжку Турцию», глава Форин Офиса лорд Дадли считал ее беспочвенной: «Неразумно и несправедливо идти на риск сокрушения империи (Османской) ради попытки улучшить участь ее подданных (греков)». Министр заявил, что в отношении Греции Россия связана достигнутыми соглашениями, и «цель должна остаться прежней».

К.В. Нессельроде поспешил заверить встревоженных британцев: Россия не стремится к расширению своих пределов, а в отношении Порты «ни свержение этого правительства, ни завоевания не являются целью, они принесут больше неприятностей, чем пользы». Взгляды государя не изменятся, даже если Османская империя «по воле божественного Провидения» развалится [7. 1828. Д. 6975. Л. 231–232, 291]. Британский кабинет занял позицию пристального и отнюдь не беспристрастного наблюдателя за противоборством, будучи обуреваем стремлением добиться наименее болезненного для Турции урегулирования.

В Англию в помощь Х.А. Ливену назначили опытного дипломата А.Б. Матушевича в ранге посланника. Важно было не допустить развала формального альянса держав, гарантировавшего Петербургу, по крайней мере, что два его участника – Англия и Франция – не перебегут на сторону неприятеля. Глубокую тревогу вызвало их решение восстановить дипломатические отношения с Высокой Портой. Возвращение двух послов в Стамбул было воспринято там, как свидетельство разногласий в среде неверных и желание двух из них достичь согласия с Портой.

Кампания 1828 г. не оправдала надежд на быструю капитуляцию турок. Их армия оказывала ожесточенное сопротивление. В Дунайских княжествах шесть недель понадобилось на осаду и штурм крепости Брэила (Браилов). 27 мая произошло форсирование Дуная у Исакчи. Старый и осторожный военачальник фельдмаршал П.Х. Витгенштейн приступил к осаде крепостей, дабы после их взятия двинуться вперед. Армия оказалась распыленной и застряла под стенами Варны, Шумлы, Силистрии, а турки слыли большими мастерами обороны. Наступать было просто некому. 29 сентября (11 октября) ценой больших потерь удалось взять Варну. На том кампания и завершилась, основная масса войск

переправилась на левый берег Дуная на зимние квартиры. Витгенштейн, ввиду явного несоответствия занимаемой должности, получил отставку.

От фельдмаршала можно было избавиться, чего нельзя сказать о царском брате, великом князе Михаиле Павловиче (армейская кличка – Рыжий Мишка), прославившемся крылатой фразой: «Наука в военном деле – не более чем пуговица к мундиру». Он провалил осаду Силистрии, погубив тысячи солдат в плохо подготовленных, а потому и бессмысленных приступах. Не удержался от соблазна появиться если не на поле боя, то на операционном театре сам император. Его сопровождала «Золотая орда» – толпа генералов, флигель- и просто адъютантов, штатских лиц, включая К.В. Нессельроде и обслуги во главе с церемониймейстером. Казна финансировала действующую армию скуповато, министр финансов Ф.Ф. Канкрин скопировал запросы военных с 73 до 48 млн рублей. К осени армия ощущала недостаток в оружии, снаряжении, продовольствии, фураже. Начался падеж конского состава. А на обслуживание царской квартиры требовалось 10 тыс. лошадей – число, достаточное для формирования двух кавалерийских дивизий.

К счастью, в 1829 г. Николай Павлович воздержался от экскурсии на театр военных действий. Соперники не без удовольствия отметили отсутствие в первой кампании сколько-нибудь значительных успехов. В январе 1829 г. газета «The Times» опубликовала важную статью: воля султана негибаема, Англия, Австрия и, желательно, Франция должны помешать сокрушению его державы дипломатическим путем, а в случае нужды, и более энергичным способом [16]. Существовали, однако, внутренние причины, побуждавшие английское правительство к сдержанности. Непрестававшиеся волнения в Ирландии, агитация за предоставление избирательных прав католикам доставляли ему немало хлопот. Глава кабинета, герцог А. Веллингтон, решил выступить с биллем о предоставлении этого права, чем возбудил недовольство в собственной консервативной партии. В первый и единственный раз в британской истории ему, как премьер-министру, пришлось защищать свою политику с оружием (дуэльным пистолетом) в руках. Обошлось без кровопролития, фельдмаршал промахнулся, его противник выстрелил в воздух и принес требуемые извинения. Герцогу удалось преодолеть сопротивление совершенно замшелого ретрограда, короля Вильяма IV. В апреле 1829 г. закон об эмансипации католиков вступил в силу.

Ввязываться в конфликт с Россией не желала деловая Англия, экспорт товаров в нашу страну в три раза превышал вывоз в Турцию и Грецию. Посол Х.А. Ливен получил два письма от владельца могущественного банкирского дома Натаниэла Ротшильда с выражением готовности вместе со своим братом Жаком, главой парижского дома фирмы, предоставить заем в 1 млн фунтов стерлингов. И на Уайт-холле считали серьезную и далеко идущую ссору с самодержавием шагом непродуманным и рискованным.

Успокоительные сигналы поступали из Парижа. Посол К.О. Поццо ди Борго сообщал: Бурбоны не желают плестись в хвосте у кабинетов Лондона и Вены, ставить себя в зависимость от двух дворов. Доживавший последние месяцы режим Реставрации боялся испортить отношения с Николаем I, представлявшимся гарантом устойчивости, легитимизма и порядка.

Успокоительная информация приходила и из Вены от Д.П. Татищева: состояние финансов, «медлительность и чрезвычайная осмотрительность ее кабинета» дают гарантии того, что за пределы интриг она не выйдет. Еще до войны канцлер Меттерних попытался побряцать оружием, объявив об увеличении армии на 60 тыс. чел., но наскрести на это денег не удалось. Его призыв (декабрь 1828 г.)

созвать конгресс с явным намерением сколотить на нем антироссийский фронт отклика не встретил. Австрия самостоятельной силы не представляла, бросить вызов самодержавию не смела, и в Зимнем дворце заговорили о ее ничтожестве. С этой точкой зрения солидаризировался виконт Г.Д. Пальмерстон, восходящая звезда либеральной партии Великобритании: «Австрия по причине узости своих взглядов и несчастных предрассудков своей политики довела себя, в смысле влияния, почти до уровня второстепенной державы» [17. Р. 43]. Попытки Меттерниха натравить на самодержавие его союзников провалились, и ему оставалось пугать Николая революцией, в ответ на что царь любезно обещал Габсбургам помощь, если те окажутся в беде.

«Дружеским» излияниям Меттерниха в Петербурге не верили: в глубине души он жаждет объединить дворы против России. После провала идеи конгресса канцлер стал хлопотать о посредничестве. К.В. Нессельроде выражал желание, чтобы его австрийский коллега «впредь вкладывал меньше жара и больше осмотрительности в свои демарши с целью вмешаться в российско-турецкий конфликт» [7. 1829. Д. 2701. Л. 45–48].

В Петербурге успокоились – открытой перебежки союзников-соперников в неприятельский лагерь удастся избежать. Опасение как бы самодержавие не вышло за согласованные рамки побудило трицу вновь сесть за стол совещаний. 3(15) марта 1829 г. состоялось подписание очередного протокола. В нем говорилось, что послы Англии и Франции в Константинополе будут вести переговоры от имени трех держав, чем ограничивалась их самостоятельность. При содействии французов удалось заручиться британским согласием на включение в состав Греции земель Балканского полуострова до линии между заливами Волос и Арта и островов Кикладских и Эвбеи (прежде Форин Офис ограничивал пределы создаваемого государства Мореей (Пелопоннесом). Сюзеренные права султана ограничивались получением дани, выражалось желание установить в стране наследственную монархию [1. Т. 11. С. 401–409].

В Зимнем дворце поздравили себя с успехом. Протокол, торжествовал Нессельроде, «обеспечивает полную безопасность наших операций в начинающейся кампании, он парализует зловредные намерения держав, которые хотели бы воспрепятствовать нам и остановить наш прогресс, он сохраняет между тремя державами видимость союза, оказывающего столь оздоровительный моральный эффект на общее спокойствие в Европе, наконец, он предоставляет в руки России решение греческого вопроса. Сравнивая это решение вопроса с тем раздражением против нас, которое в конце прошлого года повсеместно царило, бесконечными опасностями в связи с вероломными инсинуациями Австрии и высокомерными заявлениями Англии, нужно признать, что наше политическое положение чувствительно улучшилось» [7. 1829. Д. 2701. Л. 207–208]. В этом высказывании прозвучали нотки самоуспокоенности. Если заглянуть в «последрианопольскую» пору, станет ясно, что Форин Офис собирался установить в Греции свое решающее влияние, а вовсе не предоставлять России решение греческих дел.

Подоспели долгожданные победы на поле боя. У нового командующего армией на Дунае И.И. Дибича – сравнительно скромные силы – 125 тыс. штыков и сабель при 450 пушках, но действовал он смело и напористо, разбил армию Решида паши при Кулевче, добился капитуляции ключевой крепости Силистрия. В июле командующий двинул войска (35 тыс. чел.) за Балканы. Неприятель в панике отступал, теряя людей от болезней даже больше, чем от пуль. К Адрианополю Дибич привел всего 17-тысячный отряд, но противник сдал крепость без сопротивления 8 (20) ав-

густа. До Константинополя оставалось всего несколько переходов. Очевидец так описывал настроения в столице: «Всяк норовил удрать подальше от широких равнин Адрианополя, и возглас «Спасайся, кто может!» больше всего подходил к создавшейся обстановке» [18. С. 91]. На Кавказе корпус И.Ф. Паскевича занял Карс, Ардаган, Ахалцих, Поты, Баязет (1828) и Эрзерум (1829) и подошел вплотную к Трапезунду (Трабзону). Победа была полной на обоих фронтах. Малочисленные силы Дибича шли на Стамбул, не встречая сопротивления.

Реис эфенди Пертев паша обратился к послам Великобритании и Франции Р. Гордону и А.Ш. Гильомино с просьбой о посредничестве. Его предложения содержали два совершенно неприемлемых для российской стороны пункта – заключить перемирие (чтобы выиграть время и собрать силы) и исключить греческий вопрос из переговоров, дабы решить его в дальнейшем вчетвером, с участием Лондона и Парижа. Два посла «от имени всей Европы» предостерегали Дибича (а через него и царя) о последствиях, могущих произойти в случае крушения султанской власти – тогда «ужасающая анархия распространится беспрепятственно [...] и с самыми пагубными последствиями для существования как христианского, так и мусульманского населения». И баланс сил в Европе рухнет [10. С. 459; 14. С. 105–107].

Игра была шита белыми нитками. И.И. Дибич докладывал: «Придерживаясь смысла данных мне инструкций, буду, насколько возможно, самым вежливым образом избегать постороннего вмешательства в переговоры». Никакого перемирия и никаких «дружеских советов» по ходу урегулирования! Выбор (удачный) государя в качестве первого уполномоченного пал на знаменитого впоследствии Алексея Федоровича Орлова. Утром 2 (14) сентября состоялось подписание трактата, нареченного Адрианопольским. По нему граница между двумя империями в Европе по-прежнему проходила по реке Прут. Тем самым подтверждался зафиксированный в одной международной конвенции и двух протоколах отказ России от территориальных приращений на Балканах. Предусматривался, однако, переход к России островов в протоках Дуная, ничтожных по площади, но позволявших контролировать выход из реки. Тщательно сформулированная статья обязывала Турцию обеспечить полную свободу плавания в Черном море и Проливах для кораблей под российским флагом и «всех держав, состоящих в дружбе с Блистательною Портою». Значение этой статьи выступало особенно рельефно в связи с чинившимися османскими властями в 1820-е годы препятствиями для торговли через Босфор и Дарданеллы. А объемная по содержанию статья устанавливала, что «российские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли». Весь комплекс экономических условий трактата способствовал хозяйственному развитию обширного причерноморского региона, причем не только в российских пределах.

Ст. 4 посвящалась территориальным проблемам в Закавказье. К России отходили Ахалцих, Ахалкалаки, «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая включительно». Анапа и Поты остались за Россией, занятые ее войсками Карс, Баязет и Эрзерум возвращались Турции.

Ст. 5 восстанавливала в силе автономные права Дунайских княжеств, попранные после 1812 г. Ст. 7 обязывала султана предоставить самоуправление Сербии. Понадобилось 15 лет дипломатических усилий и война, чтобы возрождение государственности сербского народа стало фактом.

Многострадальной греческой проблеме посвящалась ст. 10 трактата. Турция согласилась принять положения Парижской конвенции от июля 1827 г. и Лондон-

ского протокола от 29 марта 1829 г. Лишь торжество российской армии на поле боя сломили упрямство Высокой Порты, родилось Греческое государство.

Эпопея миротворчества в его важнейшем греческом звене не завершилась подписанием договора. Совещания трех продолжались, и в их ходе британская сторона предложила предоставить Греции статус не автономии, а независимости. Это был беспроигрышный ход: Россия, радетельница балканских христиан, не могла возражать против предоставления эллинам более высокого государственного статуса. Сами греки только и мечтали о независимости, и лишь по причине сыпавшихся на них неудач согласились на автономию. Но право покровительства России распространялось только на «турецких христиан», а греки перестали быть таковыми. Самодержавие утратило единственный правовой рычаг для поддержания своего влияния. Все преимущества в борьбе на греческой почве оказались на стороне Англии: морская мощь, финансовое могущество, возможности предоставления займов, обширный рынок, привлекательная для прогрессивных афинских кругов конституционная система, одним словом – все предпосылки для прочного утверждения в Греции, что и произошло.

Отечественной науке приходится сейчас продирааться сквозь дремучие дебри классового подхода. Это целиком относится и к балканским сюжетам. «Советская историческая энциклопедия» бестрепетно утверждала: «Русско-турецкая война 1828–1829 гг. была вызвана борьбой держав за раздел владений Османской империи!» [19. С. 383]. Автор ценной фактическим материалом монографии А.В. Фадеев в разоблачительном порыве декларировал: «Даже свою восточную политику самодержавие подчинило политике «жандарма Европы»» [3. С. 38]. Не щадил он и командующих, И.Ф. Паскевича и И.И. Дибича, представляя их ничтожествами в генеральских мундирах, изобличая в стратегической близорукости, укоряя за тактические упущения, а Дибича наделяя дополнительно внешностью уродливого карлика. Позволительно, однако, предположить, что победоносная кампания осуществлялась при их участии и под их руководством, а не вопреки их усилиям провалить задуманные операции.

5–6 (17–18) сентября, когда мир уже был заключен, но весть о нем еще не поступила в Петербург, Николай I созвал совещание по всему кругу проблем, которые тогда называли восточными. Участвовали в совете люди, пользовавшиеся его особым доверием: председатель Комитета министров и Государственного совета граф В.П. Кочубей, глава военного ведомства граф А.И. Чернышев, князь А. Голицын, граф П.А. Толстой, статс-секретарь Д.В. Дашков и присутствовавший по должности К.В. Нессельроде. Николай Павлович хорошо помнил судьбу деда и отца, поплатившихся жизнью за то, что не сработались с дворянством, и в решающий момент прибег к консультации с его влиятельными представителями, разделив с ними ответственность за вырабатываемый курс.

Секретный комитет заслушал меморандум, зачитанный Нессельроде и выразивший точку зрения царя (иного мнения докладчик не имел), и обсудил «плоды размышлений некоторых лиц, осведомленных в Восточном вопросе». Нессельроде начал с фразы: конечно, если водрузить крест на храм Святой Софии, подвижников богоугодного дела осенит вечная слава. Но торопиться не следует, ибо «сохранение Турции более выгодно, чем вредно действительным интересам России: [...] никакой другой порядок вещей, который займет ее место, не возместит нам выгоды иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное успешною войною подчиниться воле победителя». Д.В. Дашков присоединился к мнению, вы-

разив убежденность в территориальной насыщенности России. Стране «нужны не новые приобретения, не распространения пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседственными народами, чего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях» (желательно, ее подчинения) (подробный анализ договора см. [5], а также см. [11. С. 202–203]). В принятом единогласно решении комитет разделил указанную точку зрения, предопределив стратегический курс в восточных делах на обозримое будущее. Сие означало отказ от территориальной экспансии на Балканах. Сбравшиеся сознавали: еще один шаг, и Россия окажется в изоляции и, что еще хуже, столкнется с союзниками. Идти на риск европейской войны они не желали.

Император Николай был в восторге от подписанного мира. Лъстецы от дипломатии в лице Ливена и Матушевича курили ему фимиам: «Европа с Англией во главе склонится перед решением, которое соизволит принять император». Обессиленная Турция превратится в послушного сателлита, надо лишь «навязать ей все условия, которых требуют наши интересы, наша честь, наша торговля и абсолютная необходимость утвердить наше преобладание в Леванте» [7. 1829. Д. 7003. Л. 97, 71].

Не ведали тогда обитатели Зимнего дворца, какие сюрпризы преподнесет им следующее десятилетие. Держава султана стала полем столкновения, в котором у соперников России оказались все преимущества – экономическое преобладание, широкий выбор промышленных товаров, обширный рынок, свободные капиталы, морская мощь, идеологический багаж в богатом ассортименте для оснащения им поднимавшейся балканской буржуазии.

Но пока что и Петербург, и Лондон, и Вена оценивали Адрианопольский договор с точки зрения своих непосредственных выгод или потерь, и все обнаружили историческую близорукость. В Австрии его восприняли кисло, но протестовать канцлер Меттерних не посмел и прислал требуемые поздравления. Французский министр-президент Ж. Полиньяк расценил условия мира как «снисходительные» [20. С. 29]. Резко и раздражительно встретили трактат в Лондоне – и кабинет, и парламент, и пресса. Смысл газетных высказываний, по словам Х.А. Ливена, сводился к тому, что «султану будет оставлена видимость самостоятельного существования», но отсутствие союзников и наличие лишь дипломатических средств воздействия склоняли к осторожности. И Петербург проявлял явную склонность к примирению.

В мирной процедуре оставалось сделать заключительный «греческий аккорд». Российская сторона не имела ни причин, ни повода для протеста против предоставления новорожденной Греции статуса независимости, хотя это играло на руку Великобритании. Три державы в полном согласии решили превратить ее в наследственную монархию. Поиски кандидата на трон натолкнулись сперва на трудности, соискателей пугало мятежное состояние страны. Выбор покровители остановили на принце Оттоне Виттельсбахе, за которого хлопотал отец, баварский король Людвиг, убежденный филэллин. В конвенции от 6 мая 1832 г. упоминалось о выработке в дальнейшем в Греции конституции, Ливен и Матушевич уверяли царя, что не следует пугаться самого слова, оно употреблено для обозначения государственного устройства и ничего подрывного в себе не несет. С российской стороны были предприняты немалые усилия, чтобы католик Оттон перешел в православие как религию своих подданных. Угодным православию делом занималась необычная для подобной миссии тройка: лютеранин Х.А. Ливен, католик

А.Б. Матушевич и приверженец совсем редкой в России англиканской церкви К.В. Нессельроде. Ничего у них не получилось.

Адрианопольский мир положил начало эпохе, которую называют балканским Возрождением: возрождалась, развивалась, укреплялась государственность населявших регион христианских народов, ускорило экономическое развитие, происходил невиданный ранее подъем культуры во всех ее сферах – от школьного образования до высот науки и искусства. Все шло в борении с отсталостью, преодолении трудностей, со срывами и неудачами, но шло. И не так уж далек от истины был просветитель, писатель, драматург, литературный критик А. Руссо, заметивший, что его родная Молдавия проделала тогда за 15 лет больший путь, чем за предшествовавшие полтысячелетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. Ч. 1; 1895. Т. 11.
2. Внешняя политика России XIX – начала XX в. М., 1980. Т. 12; 1982. Т. 13; 1985. Т. 14.
3. *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958.
4. *Виноградов В.Н.* Лорд Каслри и Балканы // Советское славяноведение. 1979. № 1.
5. *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972.
6. *Гуткина И.Г.* Греческий вопрос и дипломатия великих держав в 1821–1822 г. // Уч. зап. ЛГУ. Л., 1951. Сер. Истор. Вып. 18. Т. 130.
7. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия.
8. *Temperley H.* The Foreign Policy of Canning. London, 1925.
9. *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
10. *Шильдер Н.К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т. 1.
11. *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887.
12. *Stapleton A.G.* The Political Life of George Canning. London, 1831.
13. *Crawley C.W.* John Capodistria's Unpublished Letters. Thessaloniki, 1970.
14. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1972.
15. *Виноградов В.Н.* Балканы – выход из тени Священного союза // Геополитические факторы во внешней политике России. М., 2007.
16. The Times. 1829. 12 I.
17. Speech of Viscount G.J. Palmerston. London, 1829.
18. Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978.
19. Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12.
20. *Дамянов С.* Френската политика на Балканите 1829–1853. София, 1977.

© 2009 г. *И.Е. ВОРОНКОВА*

ПАРТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ О ЦЕЛЯХ И ТЕКУЩИХ ЗАДАЧАХ БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Общие положения программы Партии конституционных демократов (ПКД, кадеты) довольно хорошо изучены в современной российской историографии (см. [1]). Однако вопросам внешней политики в идеологии кадетов до сих пор уделяется явно недостаточное внимание. Между тем ориентация на защиту национальных интересов России, в числе которых приоритетными кадеты называли достижение преобладающего влияния на Балканах, на пути к которому предстояла борьба с австро-германизмом и уничтожение остатков турецкого владычества, совпала с новыми задачами, вставшими перед российской дипломатией после поражения в русско-японской войне (1904–1905).

Новый министр иностранных дел А.П. Извольский, вступивший в должность 28 апреля (11 мая) 1906 г., провозгласил курс на возвращение России в Европу. Надеясь на дружбу с Англией, министр «стремился выйти на путь более активной политики на Балканах» [2. 1909. 30 X]. Однако, по справедливому замечанию лидера партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, Россия возвращалась туда «ослабленной и потерявшей значительную часть своего [...] влияния на славянские народности» [3. С. 301]. За время ее увлечения Дальним Востоком здесь успели возникнуть новые комбинации. Партийная газета «Речь» замечала: «Взамен влияния [...] России и Австрии, судьба балканского вопроса переходит в руки европейского концерта. Англия стала защитницей славян, тогда как роль друга султана после избиения армян взял на себя германский император. Такой политикой Германия приобрела экономические выгоды. Вслед за Германией выступила и Австрия, которая предъявила претензии на свою долю барыша на Балканах» [2. 1908. 27 X].

Политики Австрии строили планы по аннексии Боснии и Герцеговины. Своего рода катализатором событий послужила младотурецкая революция в июле 1908 г., которая по прогнозам кадетов должна была «вызвать серьезные изменения в международных отношениях, связанных с балканским вопросом». Австрия, указывал П.Н. Милюков, почувствовала, что «это тот момент, которого нельзя пропустить» [2. 1908. 14 IX].

Российское правительство, заявляя своим государственным интересом обеспечение мирного развития на Балканах, считало возможным строить балкан-

Воронкова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Орловского государственного института экономики и торговли.

скую политику в «дружеском единении с Австро-Венгрией в делах Турецкого Востока» [4. Ф. 151. Оп. 482. Д. 76. Л. 25об.]. На встречу с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталем в Бухлау А.П. Извольский ехал с пониманием формальности уступки Боснии и Герцеговины, однако оценивал ее как «дело громадной важности и трудности», которому предстояло разрушить Берлинский трактат. В обмен на непротиводействие аннексии А.П. Извольский рассчитывал получить соответствующие гарантии и компенсации для России и Балканских государств, в ряду которых стояло бы «изменение в нашу пользу и согласно нашей формуле, постановлений о проливах» [4. Ф. 133. Оп. 470. Д. 204. Л. 11об.]. Переговоры 2–3 (15–16) сентября были весьма напряженными, но, по словам русского министра, он смог «привести» А. Эренталю к желаемому результату. Австро-Венгрия признала право России требовать пересмотра режима проливов Босфор и Дарданеллы в обмен на обещание, что Россия по факту аннексии Боснии и Герцеговины не сделает *casus belli* (основание для войны). Правда, А.П. Извольский оговорил, что в конечном итоге решение вопроса будет зависеть от держав, которые, скорее всего, потребуют определенных компенсаций за нарушение Берлинского трактата. Когда о содержании переговоров в Бухлау стало известно русскому правительству, оно выказало крайнее неудовольствие тем, что «так поздно» узнало о деле «громадного национального и исторического значения». Суммируя сказанное на правительственном совещании, В.Н. Коковцов 20 сентября написал А.П. Извольскому в Париж: «Нам следует ответить на Aide Memoire (вспомогательный (краткий) меморандум, который посол вручает министру иностранных дел по окончании беседы. – *И.В.*) мотивированным протестом против присоединения Боснии и Герцеговины [...] Мы должны дать ясное доказательство Турции и державам, что не участвуем в нарушении современного положения, и, если присоединение состоится, то против нашего согласия и за собственный риск Австрии» [4. Ф. 133. Оп. 470. Д. 204. Л. 89об.–90]. А.П. Извольскому рекомендовали прервать тур по Европе, но на свой страх и риск он продолжил поездку в надежде решить вопрос о проливах на предполагаемой к созыву конференции. В то время, пока он «ездил осведомляться, как смотрят на вопрос в Италии, Франции и Англии, – отмечала позднее «Речь», – болгарская независимость и аннексия сделались совершившимися фактами» [2. 1909. 23 IX], о которых русский министр узнал в Париже.

Когда 5 октября Болгария объявила независимость, А. Эренталь заторопился, заявив о присоединении Боснии и Герцеговины 6 октября, ранее намеченного Францем-Иосифом срока. С юридической точки зрения австрийское циркулярное сообщение об аннексии носило односторонний характер. Советник А.П. Извольского профессор М.А. Таубе, отмечая данный факт, указывал, что кроме признания аннексии или ее отрицания для России существует средний путь – «такая политическая комбинация в Балканском вопросе, при которой могла бы быть допущена значительная автономия Боснии и Герцеговины и известные удовлетворения Сербии и Черногории» [4. Ф. 340. Оп. 611. Д. 30. Л. 17]. Сам министр вынашивал идею «возложить ответственность и, так сказать, одиум за нарушение Берлинского трактата на Австрию. Из этого само собою и естественным образом, – писал он своему заместителю Н.В. Чарыкову, – возникнет мысль о конференции, на которую Австрия явится как бы в качестве обвиняемой, мы же выступим в роли защитников интересов Балканских государств и даже самой Турции» [4. Ф. 133. Оп. 470. Д. 204. Л. 34об.].

Проекту А.П. Извольского о созыве международной конференции для обсуждения незаконных действий Австро-Венгрии не суждено было осуществиться. Поддержанная Германией, Австрия категорически отказалась передать вопрос об аннексии на международное обсуждение. Генеральный консул России в Вене Л.В. Иславин констатировал, что все попытки «поставить австрийскую политику в известные рамки и дать ей направление, не вредящее нашим интересам [...] разрушены самоуверенно-легкомысленным Эренталем. Он зарвался, и всякий более или менее ясно чувствует, что даром это не обойдется, и с тревогой ожидается приближение весны» [5. Ф. 813. Оп.1. Д. 261. Л. 8об.–9].

Действительно, Сербия, лелеявшая мечту создать югославянское государство с Боснией и Герцеговиной как составной частью, не желала признавать факта аннексии, требуя автономии для Боснии и Герцеговины под суверенитетом султана. Однако в конце февраля 1910 г. Турция подписала соглашение с Австрией, отказавшись от своих номинальных прав на провинции. Тогда Сербия, воспользовавшись идеей А.П. Извольского о «территориальных компенсациях», стала требовать отделения в юго-восточной части Боснии, по верхнему Дрину, узкой полосы земли, которая соединила бы территории Сербии и Черногории, дав непрерывный выход к морю. Это вознаграждение, как заметит П.Н. Милюков, первоначально не вдохновило сербов, но было одно обстоятельство, компенсирующее унижительность «подачки» – «Сербия этим приобретала нравственное право на поддержку России» [6. С. 141], что стало, на взгляд лидера партии, самым печальным недоразумением политики А.П. Извольского. Печальным потому, что, во-первых, мы, не имея достаточных оснований, обнадежили сербов, а во-вторых, сами оказались перед опасностью того, что Европа принудит сербское правительство быть уступчивее. Осознание возможности последнего привело к появлению 17 февраля официальной ноты России, в которой сербам предложили отказаться, как можно скорее, не дожидаясь европейского обсуждения, от «территориальных компенсаций». В данном случае действия А.П. Извольского были вызваны тем, что в вопросе о поддержке России в случае войны с Австро-Венгрией из-за Сербии и Франция, и Англия ответили отказом. Через неделю, признав свой шаг неудачным, А.П. Извольский помог сербскому министру М.Г. Миловановичу составить ноту, в которой речь шла о вынесении спорных пунктов на суд европейского «трибунала».

Тем временем обстановка на австро-сербской границе накалилась до предела. Угроза военного конфликта между Австрией и Сербией с возможностью его перерастания в европейскую войну становилась все более реальной. Противостоящие друг другу европейские блоки пытались примирить стороны: Англия советовала сербскому правительству выбрать корректную форму для ответа Австрии, А. Эренталь пригрозил предать гласности секретные документы, доказывающие, что русский министр не только дал согласие на аннексию, но и подталкивал австрийского коллегу к этому шагу. Тактика А. Эрентала оказалась более действенной. Пытаясь выручить А.П. Извольского из неприятного положения, русский посол гр. К.И. Остен-Сакен обратился за посредничеством к канцлеру Германии Б. Бюлову, который впоследствии вспоминал: «Я сказал русскому послу, что я охотно соглашусь на дружественное посредничество не только, чтобы выручить Извольского из тупика, в который он зашел, но и чтобы сохранить мир для всего мира» [7. С. 337].

План Б. Бюлова был прост – Австрия просит у великих держав, подписавших Берлинский трактат, формальную санкцию на отмену 25-й статьи. Россия, в свою

очередь, соглашается принять это изменение. В конечном итоге Сербия лишается законных оснований опротестовать аннексию, и конференция, как таковая, теряет свой смысл. А.П. Извольский принял протянутую Германией руку помощи, но в Австрии все еще был силен соблазн покончить с сербскими притязаниями военным путем. Поэтому германская сторона поспешила ускорить события – 7(22) марта она потребовала от России прямого признания или непризнания факта аннексии. Понимая безвыходность ситуации, А.П. Извольский, после доклада Николаю II, дал положительный ответ.

Итак, Австрия получила все, что хотела, но, замечала «Речь», все еще оставалась недовольна. Кадеты были уверены в том, что признанием аннексии кризис не завершится. Это был лишь «первый этап уступок», которых Австрия добилась дипломатическим путем. Она предполагала провоцировать Сербию, постоянно нагнетая военную угрозу, цель которой – «безусловный отказ Сербии от всяких претензий и немедленное разоружение» [2. 1909. 14 (27) III]. И вот здесь, в решающей фазе, дело взяли в свои руки союзники России, заслугу которых в ликвидации кризиса П.Н. Милуков оценивал высоко.

17 (31) марта 1909 г. представители Англии, Франции, России, Италии и Германии предъявили Миловановичу формулу ответа Австрии, которую он должен был переписать целиком. В обмен Сербия получила «формальные» уверения в том, что она не подвергнется неожиданному нападению, что ее территория не будет уменьшена, что государственные права ее не будут умалены. 26–27 марта 1909 г. державы, подписавшие Берлинский трактат, особыми нотами дали Австро-Венгрии запоздалую санкцию на отмену ст. 25, т.е. на признание аннексии Боснии и Герцеговины. В более поздних оценках П.Н. Милуков скажет, что эта аннексия, нарушившая международный договор, «была первой попыткой германских наций самовольно вычеркивать постановления, на которых покоилось равновесие Европы» [5. Ф. 579. Оп. 1. Т. 1. Д. 2213. Л. 30], и, надо признать, попытка удачная.

На момент объявления аннексии либеральная оппозиция в целом позитивно оценивала попытки царской дипломатии вынести боснийский вопрос на международное обсуждение, считая, что государственные интересы и престиж не позволяют России оставаться безучастной к изменениям Берлинского трактата в пользу Австрии. П.Н. Милуков подчеркивал, что значительная часть населения аннексированной Боснии и Герцеговины желает получить полную политическую автономию, и это дает основание поднять проблему до европейского уровня, поставив «своей задачей достижение международных гарантий для этой формы дальнейшего политического существования Боснии» [8. Ч. 1. Стб. 2694]. Однако тактика действий, выбранная А.П. Извольским в разгар кризиса, была подвергнута критике.

На взгляд либералов, министр не смог в полной мере использовать возможности блоковой политики – естественного и выгодного способа совместных с союзниками шагов. Своей неопределенной, а по словам П.Н. Милукова «никакой позицией» в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины А.П. Извольский «сам себя изолировал». Его встреча с германским послом в России Ф. Пурталесом и последовавшее за ней признание аннексии пришлось по времени на самую середину английских переговоров о тексте сербской ответной ноты Австрии, что, по замечанию кадетов, ослабило позиции Англии и Франции. «Ни с кем не справляясь, в состоянии полной паники, мы заявили, что [...] признаем аннексию, – говорил в думском выступлении П.Н. Милуков. – Мы были в такой панике, что не только забыли сговориться с союзниками и друзьями, несказанно

удививши их нашей нотой² и поставивши их в неловкое положение, мы и сами, после всего сделанного, все-таки продолжали бояться, как бы и крайняя наша мера все-таки не оказалась недействительной» [8. Ч. 2. Стб. 2771–2772]. Русский министр не смог обнаружить «той выдержки и стойкости, благодаря которым Франция в Алжезирасе не только отбросила с уроном германский bluff (с англ. – обман, блеф. – *И.В.*), но и заставила объединиться около своих требований всю Европу, включая даже и Австро-Венгрию» [2. 1909. 25 III]. Отсутствие единства и согласованности действий в блоке усилило напор противников, что привело, указывали кадеты, к фактическому признанию аннексии – ведь «для того, чтобы стать на путь протеста и непризнания [...] для этого надо располагать военной силой», которой у России на данный момент не было [6. С. 134]. Вынужденный характер уступки осознавался либералами в полной мере, но моральная сторона вопроса действовала ошеломляюще. «Это, – писал П.Б. Струве, – национальный позор. Австрия, а за ее спиной Германия угрозами, *адресованными* формально к Сербии, а *по существу* к России, систематически требовали от нашего правительства того безусловного признания аннексии Боснии и Герцеговины, которого оно давать не хотело. И они достигли этого, Россия совершила этот шаг не как свободная договаривающаяся сторона, а как держава, которая настолько утратила свое великодержавное положение, что ее достаточно напугать, для того чтобы достигнуть от нее желаемого» [9. С. 115].

Двойственное отношение партии к аннексии с особой отчетливостью проявилось на заседании Центрального комитета ПКД в марте 1909 г. Ф.И. Родичев, О.Я. Пергамент, В.М. Гессен, А.И. Шингарев, А.С. Изгоев, П.Н. Милюков, признавая, что «нам ни в коем случае не следует бить в барабаны и демонстрировать свою силу», что «всякая война будет для нас разгромом», что «воевать мы бессильны», пытались найти ту «золотую середину», при которой аргументация неподготовленностью к войне позволила бы сохранить национальную гордость. «Бывают моменты, – говорил в своем выступлении П.Н. Милюков, – когда даже маленькие государства решаются на войну с крупными, поэтому и нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, что бы ни произошло, воевать не должна и не будет» [10. Т. 1. С. 133]. Учитывая, что в данном случае антиавстрийская борьба сербов шла в русле российских интересов, оказание моральной поддержки признавалось необходимым, но при этом подчеркивалось, что славянскую политику следовало проводить «лишь в пределах собственных интересов». Кадеты предупреждали об опасности воскрешения старых идей славянофильства и, тем более, панславизма. В поведении Белграда, считал П.Н. Милюков, присутствовал большой элемент риска, и поддержка его требований силой оружия грозила обернуться втягиванием в военное противостояние с Австро-Венгрией и стоявшей за ее спиной Германией. В государственных интересах было занять сдержанную позицию, поскольку «всякий наш отголосок, всякое выражение сочувствия здесь толкуется как обещание там» [8. Ч. 1. Стб. 2696]. «Зигзаги» царской дипломатии, которая то провоцировала Сербию, то «бросала ее в критическую минуту на произвол судьбы» [2. 1910. 9 III], были, по мнению кадетов, явно неуместны. Однако сам А.П. Извольский оправдывал «извилистость» выбранного курса указанием на то, что в случае продления австро-сербского конфликта агрессивное наступление

² Речь, видимо, идет о телеграмме Николая II кайзеру Вильгельму II о согласии России с требованием Германии признать аннексию Боснии и Герцеговины и прекратить дипломатическую поддержку Сербии.

Австрии может принять характер действительной опасности и потому, с одной стороны, «необходимо [...] повлиять сдерживающим образом на Сербию», но, с другой – «по возможности пощадить национальное самолюбие последней, а также оберечь ее от вовлечения на путь прямых переговоров с соседней монархией, как грозящий при крайнем неравенстве сил нарушением ее жизненных интересов» [4. Ф. 151. Оп. 482. Д. 82. Л. 40об.]. На взгляд кадетов, для того чтобы удержать Сербию в орбите России, существовал более эффективный способ: обозначение перспективы борьбы – создание балканского союза, но не только славянских государств, а и Турции, – «все, что мы нашими советами и содействием можем в этом отношении сделать, должно быть сделано», – подчеркивал П.Н. Милюков. [8. Ч. 1. Стб. 2697]. Сближение балканских государств способствовало бы появлению нового крупного фактора международной политики, который Россия могла бы использовать в борьбе с ростом австро-германского влияния.

Создание союза балканских славянских государств и Турции, по мнению кадетов, могло значительно ускорить достижение целей внешней политики России на Балканах и Ближнем Востоке. Во-первых, включение Турции в славянский союз не только значительно усиливало последний, но и выводило ее из орбиты германской политики. Во-вторых, либералы предполагали, что данная политическая комбинация дает больше шансов договориться с Турцией в вопросе о проливах – «главной задаче нашей официальной политики». В-третьих, «одностороннее славянское движение на Балканах будет движением против Турции и поведет к обострениям» [8. Ч. 1. Стб. 2775], которые в настоящую минуту для России «чрезвычайно невыгодны».

Идея либералов о союзе балканских государств питалась надеждами на то, что младотурецкое правительство сможет совместить принцип единого государства со стремлением народов к национальной независимости. Но «первоначальный период увлечения переворотом как обещавшим полное равенство народностей, как гарантировавшим наилучшее решение восточного вопроса» завершился, оставив чувство «полного разочарования» [11. Стб. 2289–2290]; младотурецкий национализм «сеял ненависть и пожинал ее сторицею [...] сеял ветер и пожинал бурю» [2. 1912. 29 VIII]. Позднее кадеты признали, что идея политического и гражданского равноправия, провозглашенная младотурками, была «либо вовсе неосуществима, либо должна была привести к прекращению господства турок в Оттоманской империи», ибо в начале XX в. было «уже слишком поздно» создавать единую «оттоманскую» нацию, а осуществление национального равноправия неминуемо влекло за собою «низведение турок с уровня господствующей нации на положение племени, которое могло бы претендовать только на права национального меньшинства в государстве» [12. 1912. № 9. С. 8–9].

В выступлении в Думе 13 апреля 1912 г. Милюков подверг анализу две, циркулировавшие в официальных дипломатических кругах, точки зрения на балканский вопрос. Мысль о федерации балканских государств с Турцией во главе, продиктованная желанием поставить преграду растущему влиянию Австрии, признавалась лидером кадетов утопией – оттоманская государственность, не сумевшая примирить с собою интересы христианских народностей на Балканах, сделала союз с участием Турции невозможным. Чтобы его создать, требовалась децентрализация, по крайней мере, самых беспокойных местностей Турции – Албании и Македонии.

Вторая альтернатива – «пусть более или менее отдаленная, пусть более или менее академическая» – раздел Балканского полуострова на «сферы влияния». «При

этом будущем дележе сфер влияния или территориальных приобретений что же останется нам? [...] Вопрос о проливах, который не раз ставился, а поставленный много раз затухевывался» [11. Стб. 2227]. П.Н. Милоков был уверен, что время для решения этого вопроса еще не пришло, а потому «мы должны стоять на сохранении целостности турецких областей до тех пор, пока не наступит комбинация, при которой они могут стать автономными и при которой может быть открыта дорога [...] идее федерации балканских народностей» [11. Стб. 2231]. При этом лидер партии кадетов оговаривал, что после 1908 г. «политическая свобода на Балканах – азбука и чувство национальной независимости – сильнейший народный инстинкт» [5. Ф. 579. Оп. 1. Т. 2. Д. 3420. Л. 2], когда балканский союз может стать орудием «самой местной политики самих югославянских государств как могущественное средство для ликвидации остатков турецкого владычества в Европе» [2. 1913. 26 II].

Действительно, обострение критского, македонского, албанского вопросов – этих «пороховых нитей» Балкан, ускорило оформление союза славянских государств, надежды которых покончить с турецким господством базировались на видимых проявлениях слабости Порты: безропотная уступка Австрии Боснии и Герцеговины, признание независимости Болгарии. В ряду противников Турции, по замечанию кадетов, первой стояла Болгария, воинственные планы которой, «ее надежды на победоносный поход к Константинополю не скрываются ни ее прессой, ни ее политическими деятелями» [2. 1910. 17 IX]. Еще в 1909 г. кадетская пресса отмечала участвовавшие визиты в Сербию «царя болгар» Фердинанда Кобургского, предполагая активную разработку последним идеи балканской федерации «в духе более тесного славянского сближения, с исключением как Турции, так и Румынии и Греции» [2. 1909. 18 XI]. Последующее посещение России Фердинандом и поворот «государственной ладьи Болгарии в сторону Петербурга», были, на взгляд либералов, отрадными фактами, ибо географически и политически Болгария находилась на Балканах в привилегированном положении. Однако, понимая цель болгарского визита – обеспечить свой тыл на случай войны с Турцией, кадеты считали возможным указать на риск возрождения настроений «плевненских торжеств», поскольку ближайшим исходом войны могло стать полнейшее крушение балканского равновесия. Но царская дипломатия, как станет известно позднее, рассудила иначе, приняв самое деятельное участие в выработке условий предварительного соглашения славянских народов на Балканах.

13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе с секретным приложением, по которому предусматривалось вооруженное выступление сторон против Турции и последующий раздел Македонии. В Петербурге он получил поддержку в надежде на разрешение македонского вопроса, и, с некоторой долей вероятности, активизацию борьбы против Австрии. На взгляд П.Н. Милокова, расчищая дорогу к союзу, российские дипломаты расчистили путь к войне с Турцией. Расчет на то, что союз балканских славянских государств будет направлен своим острием против Австрии, был не оправданным – для балканских политиков первоочередной задачей являлось сокрушение Турции. Уже 29 мая 1912 г. оборонительный договор против Турции заключили Болгария и Греция, и в сентябре этого же года было достигнуто аналогичное по содержанию устное соглашение между Болгарией и Черногорией.

Перед угрозой войны приходилось менять планы. Как ранее Россия активно налаживала союз, так теперь пыталась разладить отношения союзников. «Безнадежной» назвали кадеты идею уговорить Порту и союзников воздержаться от столкновения. В условиях, когда страны балканского союза планировали совмест-

ные военные операции против Турции, время для «академических» разговоров и подачи советов благоразумия прошло. Кадеты предлагали выбрать либо тактику энергичного вмешательства «с целью достижения широкой автономии для христианских областей Турции» [2. 1912. 12 IX], либо «предоставить балканским державам это удовольствие (остаться с Турцией один на один без содействия. – И.В.) с тем условием, что Австро-Венгрия не будет включена в число балканских держав» [2. 1912. 13 IX].

С попыткой предотвратить военное столкновение выступили министр иностранных дел России С.Д. Сазонов и премьер-министр Франции Р. Пуанкаре, разработавшие заявление, которое было сообщено представителям России и Австро-Венгрии для доведения до сведения ответственных лиц в Белграде (Сербия), Софии (Болгария), Афинах (Греция) и Цетинье (Черногория), содержавшее обещание проведения административных реформ в Европейской Турции и предупреждавшее, что в случае войны никаких изменений территориального status quo Европейской Турции допущено не будет. Должного воздействия оно не возымело. «Европа, – констатировала «Речь», – [...] не успела придумать нового решения. Европе оставалось посторониться и открыть путь игре новых, творческих сил» [2. 1912. 26 IX].

8 октября 1912 г. Черногория объявила войну Турции и 18 октября армии союзников перешли турецкую границу. В России борьба славян с турками вызвала мощный всплеск общественного сочувствия. Партии кадетов, понимавшей всю опасность втягивания России в войну, было важно определиться в своем отношении как к организованным, так и к стихийным проявлениям славянских симпатий. П.Н. Милюков, поддержанный А.М. Коллюбакиным, считал опасным для партийцев принимать участие в работе уже возникших славянских обществ и Комитета. В основание своей позиции он положил три аргумента: 1) «темный» состав участников Комитета, в том числе и славистской закваски; 2) необходимость сохранить индивидуальность и личную ответственность; 3) могущее возникнуть стихийное, патологическое движение в обществе, с которым трудно будет совладать [10. Т. 2. С. 94–95]. Однако большинство участников заседания ЦК партии подвергли линию П.Н. Милюкова резкой критике, указывая, что партия не вправе уклоняться от этой формы проявления прогрессивного настроения русского общества. Д.Д. Протопопов подчеркнул, что кадеты должны занять места «лоцманов», а А.И. Шингарев заметил, что «если мы будем так строги, рискуем остаться в стороне, и это неудобно для удельного веса партии» [10. Т. 2. С. 97]. В конечном итоге была признана и «благословлена и материальная, и идейная поддержка славянам». Хотя и с опозданием, но в партийной «Речи» появилось воззвание П.Н. Милюкова «Поддержите наших друзей».

Тем временем в балканских событиях наблюдалось, по словам П.Н. Милюкова, нечто «необычайное и неожиданное». «Предоставленные самим себе, – писал в своих воспоминаниях лидер партии, – балканские славяне, без помощи России и Европы, освободили себя сами от остатков турецкого ига. И притом они совершили это с такой быстротой, что Европа не успела опомниться и была поставлена перед свершившимся фактом» [3. С. 351]. На взгляд кадетов, в стремительной победе союзников далеко не последнюю роль сыграл «принцип воздержания от единоличных действий», принятый Австрией и Россией, который «обеспечил балканским государствам невмешательство других держав и дал им возможность свободно развернуть свои военные операции» [2. 1913. 29 III].

Первые успехи союзников ПКД приветствовала, указывая, что «победа христиан на Ближнем Востоке есть торжество России» [12. 1912. № 12. С. 156],

поскольку является не только оправданием ее традиционной ближневосточной политики, но и дает реальный прирост внешнеполитическому значению России, ставя преграду политическому расширению Австрии на Восток. Удержать и стойко защищать приобретенное балканскими народностями положение, по мысли кадетского публициста С.А. Котляревского, являлось для России «политической необходимостью» [12. 1913. № 1. С. 21].

Однако затягивание военных действий, указывали кадеты, грозит не только изменить характер войны, превратив ее из освободительной в завоевательную, но и пробудить в союзных государствах страсть к стяжательству, пересмотру основ союза и, в конечном итоге, создать предпосылки для начала междоусобной войны. Впрочем, как сообщала русская военная агентура, уже на конец 1912 г. в среде балканских государств назревал конфликт, суть которого состояла в стремлении усилить свои позиции на полуострове и не допустить укрепления соседей. Особой остротой отличались болгарско-сербские и болгарско-греческие противоречия. Сербия, считая себя обделенной в вопросе выхода к Адриатическому морю, требовала компенсаций в Македонии, а Греция рассчитывала на территориальные приращения в Южной Македонии и Западной Фракии. «Речь» прогнозировала: «Если раздел Македонии не ограничится условленной уступкой (по сербо-болгарскому договору 1912 г. – *И.В.*), если, в самом деле, как требует шовинистическая печать в Белграде и в Афинах, Сербия захочет продвинуться на юг от условленной черты или оставить за собой весь запад [...] тогда можно предусматривать большое замешательство» [2. 1913. 12 III].

Не добавляло оптимизма и нарастание напряженности в отношениях Болгарии и Румынии. Представитель военной разведки в Румынии полковник Е.А. Искрицкий сообщал: «Одним из главных базисов румынской внешней политики после приобретения страной независимости в 1878 г. является поддержание существующего между Румынией и Болгарией равновесия, т.е. стремление не допустить какое-либо усиление этой последней без соответственного же усиления Румынии» (цит. по [13. С. 382]. За нейтралитет в войне Бухарест требовал от Софии южную Добруджу, установление границы по линии Туртукай–Балчик, а затем, умерив требования, по линии Силистрия–Балчик. Русская дипломатия призывала болгар к уступкам, и П.Н. Милюков отмечал, что в Софии данными советами были «поражены». Болгары «не ожидали такой просьбы и видят в этом неожиданном повороте банкротство их (русофильской) политики» [14. Стб. 356.]. Партийный орган – газета «Речь» также считала, что для всяких уступок есть пределы. «С первым румынским солдатом, перешедшим болгарскую границу, европейский восток будет уже одною ногою в войне» [2. 1913. 5 II]. Не без содействия России Болгария сохранила большую часть требуемых Румынией территорий – ей передали только Силистрию.

30 мая 1913 г. был подписан мирный договор между Турцией и балканскими странами, но уже на следующий день, 1 июня, Греция и Сербия объединились для совместной борьбы против Болгарии. Заключение договора и двусторонней военной конвенции между Грецией и Сербией стало следствием неразрешенных болгаро-сербских и болгаро-греческих споров, причем первый представлял, по мнению кадетов, наибольшую опасность. Еще в феврале 1913 г. сербское правительство потребовало от Болгарии пересмотра договора 1912 г., по ст. IV которого все спорные вопросы сторон должны были передаваться на верховный арбитраж России. Учитывая непримиримость позиций союзников, либералы считали важным настаивать на соблюдении договора как «единственно прочной основы дальнейших мирных отношений между сербами и болгарами» и

способствовать разрешению только частичных пограничных споров [2. 1913. 3 V]. Царская дипломатия попыталась найти какой-то компромисс между неприемлемыми по существу точками зрения, что только усложнило ситуацию, вызвав подозрения в субъективности российского правительства.

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков был уверен, что для России в этом споре выгодней было ориентироваться на Болгарию, ставшую самым сильным государством на Балканах. Поощрять сербские притязания означало «войну в настоящем и бесконечный ряд волнений в Македонии – в будущем» [2. 1913. 30 V]. Дополнительным аргументом в пользу предложенной тактики выдвигалось положение, что «сила Болгарии [...] выгодна и для Сербии в том случае, если Сербия совместно с Болгарией захочет осуществить свои дальнейшие национальные задачи в союзе» [15. Стб. 1035.]. Однако болгарофильская позиция П.Н. Милюкова вызвала резкую критику партийцев, считавших, что истинным «славянским авангардом» на Балканах является Сербия. Ставку на сербо-греческую сторону сделала и царская дипломатия. Не имея твердой уверенности в неизменности русофильской политики Фердинанда, она была озабочена возможностью чрезмерного усиления Болгарии на Балканском полуострове.

Не сумев склонить Россию занять антисербскую позицию и завершив подготовку к боевым действиям, Болгария 30 июня 1913 г. без объявления войны атаковала сербские позиции на реке Брегалница. На стороне Сербии выступили Греция, Черногория, чуть позднее к ним присоединились Румыния и Турция. Уверенность в превосходстве своей военной мощи подвела болгарских политиков. Наблюдая за стремительным продвижением союзников, кадеты призывали царскую дипломатию не допустить «чрезмерного умаления и унижения» Болгарии и в этом смысле «воздействовать одинаково и в Афинах, и в Белграде. Только к Афинам и Белграду в этом контексте следовало бы непременно прибавить и Бухарест [...] Если теперь Румыния предъявляет к Болгарии требования, далеко выходящие за пределы Петербургского протокола (по Петербургскому протоколу от 9 мая 1913 г. Румынии передавался г. Силистрия. – *И.В.*), то это, – считали либералы, – не может быть безразличным для русского правительства» [2. 1913. 10 VII]. Однако Россия отклонила болгарскую просьбу о помощи и, более того, оказала содействие Румынии, российский и румынский монархи в личных посланиях заверили друг друга в общности интересов своих стран.

Уже в конце июля Болгария запросила мира. 28 июля 1913 г. Болгария, Греция, Сербия, Румыния и Черногория подписали Бухарестский мир, по которому Греция увеличила свою территорию почти вдвое за счет включения Южной Македонии вместе с Салониками и Кавалой, Сербия получила Вардарскую Македонию, Румыния – Добруджу. Константинопольской договор 16 сентября 1913 г. между Болгарией и Турцией закрепил за последней Восточную Фракию с г. Кирк-Килиссе, Люле-Бургас и Адрианополь.

Заключение невыгодного Бухарестского мира легло тяжелым грузом на русско-болгарские отношения. София считала Россию главным виновником своих военных и дипломатических неудач. «Союз Румынии, Сербии и Греции, – подчеркивал П.Н. Милюков, – это договор страхования несправедливо захваченной добычи. Болгария изолирована, ей нанесена смертельная обида, в ней создано резкое антирусское настроение, она отброшена к Австрии и Турции» [14. Стб. 349]. Впрочем, кадеты не снимали вину развязывания войны с Болгарии, поддавшейся «этому непонятному ослеплению, этой дерзкой самоуверенности, этому желанию не только вернуть несправедливо отнятое, но и добиться первенства, добиться

гегемонии на Балканском полуострове» [14. Стб. 352]. Позднее, в своих воспоминаниях П.Н. Милюков напишет: «Юридически ответственной за обращение к оружию оказалась Болгария – и она же явилась первой жертвой» [3. С. 358].

Анализируя итоги балканской политики за период с 1908 по 1913 г., кадеты были вынуждены констатировать, что поставленная цель – восстановление бывшего российского влияния на Балканах – не была достигнута. Отступление в боснийском вопросе означало столь нежелательное для России усиление позиций Австрии и, одновременно, падение российского престижа в славянских государствах. Объединившись в союз для борьбы с Турцией, Болгария, Сербия, Греция и Черногория пренебрегли советами царской дипломатии проявить «благоразумие», открыв военные действия против Порты. И образование союза, и Первая балканская война показали, что главным действующим лицом на Балканах постепенно становятся сами балканские государства, которые «освободились сами, без помощи России и даже вопреки ее политике» [3. С. 365].

Не снимая с министерства иностранных дел России заслуг по локализации войны, дипломатическим поражением назвали конституционные демократы безуспешные попытки российских политиков сохранить балканское единство и предотвратить междоусобную войну бывших союзников, завершившуюся подписанием мира, так и не разрешившим всех проблем в комплексе. «Пока не пересмотрен Бухарестский договор, – считал П.Н. Милюков, – положение на Балканах будет неустойчивым. Огонь будет тлеть и вечно грозить пожаром» [14. Стб. 365]. В данном случае позиция лидера оппозиционной правительству партии полностью совпала с точкой зрения главы российского МИДа С.Д. Сазонова, уподобившего Бухарест «пластырю, наклепленному на незалеченные балканские язвы» [16. С. 120].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы (материалы международной научной конференции). Москва, 27–29. 05. 1998. М., 1999; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX в. М., 1996.
2. Речь.
3. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
4. Архив внешней политики Российской империи.
5. Государственный архив Российской Федерации.
6. Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910.
7. Бюлов Б. Воспоминания. М., 1936.
8. Государственная Дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1908. Ч. 1; СПб., 1910. Ч. 2.
9. Струве П.Б. Унижение России // Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
10. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии (1905 – сер. 30-х гг.). М., 1994. Т. 1–2.
11. Государственная Дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1912.
12. Русская мысль.
13. Сергеев Е., Улунян А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. М., 2003.
14. Государственная Дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1914.
15. Государственная Дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913.
16. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

© 2009 г. А. А. КОСТИН

ДИПЛОМАТИЯ США И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ЮГОСЛАВИИ В 1945 ГОДУ

Одним из переломных моментов в истории южных славян, как, впрочем, и многих других народов, явилась Вторая мировая война. В оккупированной и расчлененной многонациональной Югославии образовались два политически враждебных друг другу лагеря Сопротивления – четники Д. Михайловича и партизаны Й. Броз Тито. Первый являлся военным министром эмигрантского правительства короля Петра II и главнокомандующим так называемой Армии на Родине. Второй был генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и командовал Народно-освободительной армией.

Отсутствие единства среди сил Сопротивления привело к появлению в оккупированной стране нескольких органов власти, альтернативных королю и его правительству в эмиграции. Возглавляемые коммунистами партизаны создали Антифашистское вече национального освобождения (АВНОЮ) и Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ). В ходе изгнания из страны оккупантов и вооруженных столкновений партизан и четников фактическая власть оказалась в руках коммунистических лидеров во главе с Тито. Пытаясь сохранить свои позиции в Югославии, эмиграция под нажимом англичан была вынуждена пойти на контакты с партизанским лидером.

1 ноября 1944 г. премьер-министр королевского правительства И. Шубашич и глава НКОЮ Й. Броз Тито заключили соглашение о создании единого коалиционного правительства. Югославия воссоздавалась как независимое государство на федеративной основе. Король Петр II не мог вернуться в страну, пока народ не выразит свое отношение к монархии. На этот период королевская власть передавалась регентскому совету, назначенному королем по предложению правительства и с согласия Тито и Шубашича. 7 декабря были подписаны два дополнения к соглашению. Первое оговаривало порядок выборов в Учредительную скупщину в течение трех месяцев после освобождения страны. До ее созыва законодательная власть передавалась АВНОЮ. Второе дополнение касалось регентского совета [1. Р. 340–341; 2. Р. 1417; 3. Р. 253–254; 4. Р. 242–243].

7 марта 1945 г. единое югославское правительство из представителей НКОЮ и эмигрантского кабинета было сформировано в составе 28 человек: шесть министров прежнего правительства Шубашича, 20 представителей Национального комитета и два новых члена, которые были сторонниками Тито. В правитель-

стве оказалось девять коммунистов, в том числе четыре члена политбюро ЦК КПЮ. Кроме того, пять министров – Зечевич, Смодлака, Рибникар, Прибичевич и Флор – по своим политическим убеждениям были близки к коммунистам. Тито занял пост премьер-министра.

Из шести членов предыдущего правительства два были назначены уже после переговоров Шубашича и Тито на о. Вис летом 1944 г., а третий, С. Косанович, будучи сотрудником информационного центра королевства Югославия в Нью-Йорке, являлся главным пропагандистом Тито в Соединенных Штатах. В народно-освободительном движении не участвовали и были сторонниками прозападной ориентации только сам И. Шубашич и еще три министра (М. Грол, Ю. Шутей и В. Чубрилович). Последний, Васо Чубрилович, являлся членом Союза земледельцев и до выборов в Учредительную скупщину занимал выжидательную позицию, а затем поддержал новую власть.

Таким образом, только Шубашич, Грол и Шутей представляли группы, не связанные с партизанами, но их влияние в новом правительстве было фактически нулевым. Шубашич получил пост министра иностранных дел, Грол стал вице-премьером, а Шутей – министром без портфеля [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 49. Л. 62об.–63; 6. Р. 1219–1220; 7. С. 330; 8. Р. 307; 9. Р. 317; 10. Р. 39]. На этих трех политиков были устремлены взоры всех, кто не хотел прихода коммунистического лидера к власти и революционных преобразований в стране, именно им пришлось возглавить оппозицию новому режиму. Поэтому Шубашич, Грол и Шутей не могли не обратить на себя внимание американцев, неизбежно вынужденных присматриваться к оппозиционным лидерам и оценивать возможности их использования в своей югославской политике. Каковы же были перспективы оппозиции в борьбе за власть в Югославии?

Милан Грол – лидер Сербской демократической партии – перед началом войны занимал пост министра социальной политики в правительстве генерала Д. Симовича. С начала оккупации Югославии он вместе с правительством эвакуировался в Лондон, где находился до образования правительства Тито. Грол долгое время поддерживал тесную связь с Дражей Михайловичем. Юрай Шутей также в течение всей войны находился в Лондоне, но был членом исполкома Хорватской крестьянской партии и ближайшим соратником ее лидера В. Мачека. Шутей был министром в ряде довоенных правительств [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 49. Л. 62 об.].

Иван Шубашич, как и Шутей, был одним из лидеров Хорватской крестьянской партии. В 1939–1941 гг. являлся баном Хорватской бановины в королевской Югославии. С началом германо-итальянской оккупации он перебрался в США, где проводил активную работу по объединению различных югославских организаций. В годы войны бывший хорватский бан не раз заявлял о необходимости проведения в Югославии широких либеральных реформ и установления контактов с освободительным движением. Однако при этом он считал, что республиканский строй в стране невозможен, так как народы Югославии в состоянии объединить только монарх. Таким образом, Шубашич воспринимался эмигрантской оппозицией как человек авторитетный, лояльный к королю и династии [2. Р. 1360, 1362–1364; 11. Р. 115–116; 4. Р. 213–214]. Именно эти особенности его позиции определили выбор англичан, убедивших короля Петра II 1 июня 1944 г. назначить Шубашича премьер-министром югославского эмигрантского правительства.

Премьер сразу же оказался под бдительным оком американского Управления стратегических служб (УСС), в бумагах которого он фигурировал под кодовым

именем «Shepherd», то есть «пастух» или «пастырь»: видимо, американцы видели роль Шубашича в том, чтобы контролировать и ограничивать политические амбиции Тито, как бы «пасти» югославских коммунистов и направлять их действия в нужном направлении.

26 апреля 1945 г. бывший бан Хорватии рассказал сотруднику УСС Бернарду Ярроу о переговорах югославской делегации с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым в Москве во время заключения югославо-советского договора о дружбе. Шубашич пожаловался на «большие трудности, с которыми он столкнулся в настоящем, так как его страной пытаются управлять экстремистские элементы, которые не имеют никакого опыта». Министр иностранных дел правительства Тито советовал американцам в отношении нового премьера «действовать неторопливо и осторожно, чтобы сохранить мир» [12. Р. 639].

Эти высказывания Шубашича выдают его негативное восприятие властных притязаний югославских партизан, к военному сотрудничеству с которыми он призывал, находясь в эмиграции. Кроме того, видна неготовность лидера Хорватской крестьянской партии к активной борьбе с КПЮ, стремление избежать открытых столкновений с Тито, что свидетельствует о неопределенности и некоторой противоречивости позиции Шубашича: нежелание уступить власть коммунистам и в то же время неспособность противодействовать их усилению.

В августе 1945 г. советник американского посольства в Белграде Гарольд Шанц, являвшийся помимо дипломатической работы сотрудником УСС, обратил внимание государственного департамента на нерешительность Шубашича, который к тому же, по мнению дипломата, будучи хорватом, не мог стать политическим лидером для сербов и организовать проявления общественного недовольства [13. Р. 165; 6. Р. 1251–1252].

Но вряд ли причиной неспособности Шубашича повести за собой сербов является хорватское происхождение. Во-первых, хорватом был и Тито. Во-вторых, бывший хорватский бан тем и отличался от многих других лидеров югославской эмиграции, что всегда стремился к единству народов Югославии. Еще 13 июля 1942 г. член Сената от штата Флорида Клод Пеппер сообщил сенаторам, что Шубашич во время выступления перед югославской общиной г. Питтсбурга 28 июня 1942 г. призывал не слушать вражескую пропаганду об убийствах сербов усташами, радуя за единение всех южнославянских народов [14. Р. А2704–А2705].

Но Шанц был прав, говоря об отсутствии у Шубашича необходимой твердости. Объяснить это можно тем, что бывший премьер по политическому весу и авторитету в стране не мог стать фигурой равной Тито даже в условиях существования демократических свобод. Но политическая ситуация в Югославии была иной. В телеграммах в Вашингтон советник американского посольства сообщал о цензуре печати, лишении половины электората избирательных прав и сети агентов и шпионов Органов защиты народа (ОЗНА), вызывавших у населения тотальное чувство страха.

Своеобразным было отношение Шубашича к Михайловичу, выступавшему за создание Великой Сербии. Еще в годы эмиграции в Соединенных Штатах ради освобождения своей Родины хорватский бан допускал установление связей королевского правительства с партизанами и объединение усилий четнического и народно-освободительного движений в общем деле борьбы с оккупантами. Вместе с тем, когда Шубашич был назначен премьер-министром, он сразу же снял Михайловича с поста военного министра. По мнению основателя и редактора авторитетного американского журнала «Foreign Affairs» Гамильтона Фиша

Армстронга, который являлся членом организации «Американские друзья Югославии», этот акт правительства Шубашича стал основанием для сотрудничества с Тито [15. Р. 42].

После создания единого правительства бывший бан Хорватии в должности министра иностранных дел возглавил югославскую делегацию на конференции в Сан-Франциско. 10 мая 1945 г. в интервью газете «Chronicle» Шубашич заявил: «Когда Михайловича возьмут в плен, его расстреляют. Михайлович – предатель. Он будет судим перед лицом всего мира. Мы вызовем в качестве свидетелей всех, кто пожелает выступить. Но я буду прокурором. Я знаю, что уже имеющиеся документы являются достаточной уликой для вынесения ему смертного приговора» [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 177. Л. 8].

Эти слова не должны оставлять сомнений в позиции лидера Хорватской крестьянской партии. Его поддержка позиции коммунистов в деле обличения Михайловича ставит под вопрос традиционную для отечественной и зарубежной историографии оценку Ивана Шубашича как оппозиционера власти Тито. Хотя интервью журналисту «Chronicle» могло и не отражать истинных настроений и взглядов Шубашича. Бывший югославский посол в Вашингтоне К. Фотич неоднократно заявлял прессе о расколе среди членов югославской делегации. Фотич и другие противники Тито в США публично говорили о том, что Шубашич должен учитывать, что, «левые элементы в составе делегации угрожают его жизни» [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 177. Л. 8]. К свидетельствам бывшего посла югославского королевского правительства следует относиться с осторожностью. Он был известен своими выпадами в адрес Тито. Секретный справочник «Группы национальных меньшинств в США», изданный в феврале 1945 г. Отделом национальных групп УСС, характеризует Фотича как главного идеолога кампании сербских националистов против партизан, игравшего наиболее видную роль в борьбе против Тито [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 640. Л. 201–202].

Процесс над Михайловичем и его соратниками, завершившийся 15 июля 1946 г. вынесением смертных приговоров, был далек от беспристрастности: западных свидетелей, выступавших в защиту четнического генерала, на суд не допустили, а их письменные свидетельства были проигнорированы. Как это ни странно звучит, но на одной скамье с обвиняемыми легко мог оказаться и сам Шубашич: за месяц до расстрела Михайловича, 14 июня 1946 г. югославский посол в СССР В. Попович сообщил заместителю министра иностранных дел СССР А. Лозовскому, что Шубашич и Грол сильно напуганы теми фактами, которые вскрылись на процессе Михайловича [16. Ф. 7. Оп. 11. П. 30. Д. 503. Л. 47]. Утверждение Поповича выглядит несколько странно на фоне заявления Шубашича в период работы Сан-Франциско конференции, хотя и не противоречит ему.

Но почему же на эти факты не отреагировали югославские компетентные органы? Вероятно, ответ прост: в мае 1945 г. министр иностранных дел являлся значимой фигурой в коалиционном правительстве Тито. Власть партизанского лидера в стране тогда еще не получила конституционного закрепления и международного признания. Годом позже ситуация была уже совершенно иной. Шубашич ушел с государственных постов и никакого веса в стране не имел. Тито, наоборот, контролировал все рычаги власти. Поставить в один ряд с «военным преступником» Михайловичем теперь уже бывшего лидера оппозиции означало дать лишний повод для очередной волны критики нового югославского режима на Западе. Мотивы самого Шубашича, в начале лета 1945 г. занимавшего еще

твердые позиции «человека № 2» в едином правительстве, но отказавшегося поддержать бывшего военного министра и командующего «Армией на Родине», не совсем ясны. Сделал он это по убеждениям, либо вынужденно, понимая шаткость своего будущего в случае укрепления в стране власти коммунистов? Скорее всего, заявление бывшего премьера журналисту сан-франциской «Chronicle» было обусловлено как достаточно либеральными взглядами, так и желанием сохранить свой политический вес, а может даже и жизнь.

В сложившихся условиях США лишь ограничились требованием выполнения «соглашения Тито–Шубашич» с целью проведения в Югославии, в их понимании, законных и демократических выборов в Учредительную скупщину и соблюдения прав и свобод граждан: прекращения действия цензуры, наделения всех граждан за исключением коллаборационистов избирательными правами независимо от их классовой принадлежности, роспуска тайной полиции ОЗНА и т.д. Только в этом и состояла поддержка Соединенными Штатами югославской оппозиции во главе с Шубашичем.

Свои требования США доводили до сведения югославских коммунистов по дипломатическим каналам напрямую и опосредованно, пытаясь воздействовать на Кремль. Но всегда сталкивались с отклонением любых обвинений в невыполнении «соглашения Тито–Шубашич» и нарушении гражданских прав и свобод. Поэтому Вашингтон был вынужден делать основной упор на доведение своей позиции до мирового общественного мнения, стремясь через СМИ повлиять не только на западную общественность, но и «достучаться» до населения Югославии.

В ответ от Югославии и Советского Союза на Соединенные Штаты сыпались обвинения во вмешательстве в дела суверенного государства. Взаимные упреки вылились в острое пропагандистское противоборство. Когда Шубашич в мае 1945 г. «отрекся» от Михайловича, последний тоже дистанцировался от бывшего хорватского бана и 20–23 июля в горах «освобожденной» Югославии созвал совещание так называемого Центрального национального комитета Югославского королевства, на котором было заявлено об отказе подчиняться Шубашичу и о верности королю Петру II. Итоговое коммюнике этого совещания было оглашено в западной прессе.

Сразу вслед за этим начался процесс над группой сторонников Михайловича [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 177. Л. 5–9, 13–14, 21–23, 38–41, 50]. В ходе судебного разбирательства выявился следующий факт. Телеграфист Коста Петрович, передавая в штаб Михайловича сведения о политическом положении в Сербии, вставил от себя фразу: «Американцы действуют партизанам на нервы. На них уже было два покушения; англо-американцев народ боится и за ними постоянно следят». Петрович объяснил свой поступок тем, что штаб Михайловича постоянно требовал, чтобы радисты установили связь с англичанами и американцами. По словам телеграфиста, простые четники считали контакты с американцами ненужными, поэтому он специально добавил эту фразу [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 177. Л. 40].

В этой истории много странного. С одной стороны, она свидетельствует о том, что в 1945 г. у Вашингтона и Лондона не было контактов с Михайловичем, и последний не был связан с американцами. Хотя речь могла идти о малоподконтрольных генеральному штабу разрозненных четнических отрядах, руководимых полевыми командирами.

С другой стороны, кого имел в виду Коста Петрович? Какие американцы и англичане могли находиться в 1945 г. в горных районах Югославии, не подчиняющихся Белграду? Вряд ли туда могли проникнуть служащие ЮНРРА (Ад-

министрация помощи и восстановления Объединенных наций), сотрудники посольств или кто-то из членов персонала, обслуживающего радиолокационное оборудование на аэродроме в Земуне.

Правда, по имеющимся архивным материалам нельзя понять, к какому времени относится донесение, переданное Петровичем. С сентября 1941 г. до конца 1944 г. при штабе четников находились представители западных союзников. Следовательно, поиски контактов с американцами и англичанами были возможны только в конце лета 1941 г. или уже в 1945 г. Если речь идет о 1945 г., значит Петрович фальсифицировал не только информацию об отношении рядовых четников к западным представителям, но и сам факт их присутствия в Югославии. Но тогда возникает вопрос: как телеграфист мог так далеко зайти в дезинформации своего начальства?

Складывается впечатление, что эти показания Петровича сфабрикованы в пропагандистских целях. Во-первых, простые четники именуются «партизанами». Тем самым словно подчеркивалось, что рядовой личный состав четнических отрядов, как и члены Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии вели общую борьбу с оккупантами, а предателями являются лишь их командиры, вступавшие в переговоры с врагом. Во-вторых, процесс состоялся на фоне начавшегося охлаждения отношений новой югославской власти с западными союзниками из-за Триестского кризиса мая–июня 1945 г. Тем самым общественное мнение настраивалось против четнического руководства, искавшего покровительства у Запада.

Суд над соратниками Михайловича продемонстрировал оппозиции, что может случиться с противниками установившегося режима. Как минимум, психологически она оказалась в подавленном положении.

В борьбе за власть в Югославии в августе 1945 г. пропаганду использовали и коммунисты Тито, и американцы, добивавшиеся победы прозападных лидеров. 18 августа Милан Грол, занимавший пост вице-премьера, вышел из состава правительства Тито [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 177. Л. 30, 100; 9. Р. 317]. Этот демарш вне всякого сомнения был направлен на подрыв авторитета правительства партизанского маршала. В западных СМИ, в том числе и американских, он вызвал эффект разорвавшейся бомбы. Именно с этого времени Грол, а вскоре и Шутей с Шубашичем получили фактический статус оппозиционеров режиму Тито.

Ответом на отставку Грола стала статья М. Джиласа «О новой демократической законности в Югославии», опубликованная 22 августа в газете «Борба». Рупор коммунистической пропаганды знакомил многонациональное население страны с нелицеприятным портретом лидера оппозиции: «Милан Грол – консервативный интеллигент, по происхождению немец, по культуре француз, по политике великосерб, фразер от демократии, который никогда не умел и не мог понять всей величины событий, произошедших среди наших народов». У югославов не должно было остаться сомнений: правительство покинул человек, являвшийся препятствием для прогрессивного развития их Родины, «маленький, оконфузившийся политик». Джилас заключал, что своим уходом реакционеры больше не смогут «лить воду в вино Тито» [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 177. Л. 49]. Последнее было предупреждением и открыто намекало на все еще остававшихся в составе правительства Шутея и Шубашича.

В условиях, когда позиции лидеров Хорватской крестьянской партии в кабинете коммуниста Тито были в конец расшатаны, югославская политическая

эмиграция предприняла очередное наступление на новую власть. 18 сентября министрам иностранных дел США, СССР, Великобритании и Франции было представлено обращение эмиграции с просьбой создать союзную комиссию для наблюдения за проведением выборов в Югославии. 20 сентября 1945 г. английская газета «Manchester Guardian» ознакомила западную общественность с текстом этого обращения [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 178. Л. 47, 64].

В материалах по Югославии сектора балканских и славянских стран Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) выступление эмиграции получило наименование «меморандума шести иностранных королевских агентов». Речь шла о премьер-министре эмигрантского правительства в 1942–1943 гг. Слободане Йовановиче, председателе Сербской крестьянской партии Милане Гавриловиче, заместителе председателя Югославской национальной партии Йоване Баньямине, а также представителях Независимой демократической, Демократической и Радикальной партий. «Меморандум» содержал два основных требования: 1) чтобы в Югославию была послана союзная военная миссия для поддержания порядка и для создания под ее командованием армии и полиции, находящихся вне политики. Миссия должна была продолжать работу до тех пор, пока в результате выборов не будет создано новое правительство; 2) чтобы была организована союзная гражданская миссия для контроля за подготовкой и проведением выборов [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 905. Л. 45–46].

Появление меморандума югославской эмиграции поставило официальный Вашингтон перед необходимостью определить позицию по этому вопросу, учитывая, к тому же, появление информации, вызывавшей сомнение, о болезни Шубашича. Еще 20 сентября в газете «New York Times» со ссылкой на «заслуживающих доверия путешественников» появилось сообщение о том, что «хотя Белград объявил о болезни Шубашича, в действительности правительство Тито содержит Шубашича под домашним арестом». [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 178. Л. 23].

Югославское посольство в США и ТАНЮГ (Телеграфное агентство новой Югославии) опровергли утверждение газеты: сообщение об аресте Шубашича является «целиком вымышленным и тенденциозным» [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 178. Л. 110]. Вполне вероятно, что министр иностранных дел находился под постоянным наблюдением ОЗНА, и его контакты с другими политическими лидерами, югославской эмиграцией и западными дипломатами были значительно ограничены. Но дело даже не в том: стало ясно, что «соглашение Тито – Шубашич», которого так добивались англичане в 1944 г., не достигло поставленной цели. Довоенная политическая элита Югославии, осевшая в Англии и США и представленная в новом едином правительстве всего лишь тремя членами, теряла последнюю возможность на восстановление своей власти в стране. 11 октября 1945 г. Шубашич и Шутей подали в отставку [16. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 179. Л. 77; 9. Р. 317].

13 октября 1945 г. «Радио Белграда» озвучило содержание письма маршала Тито Шубашичу. Население страны было информировано в соответствующей интерпретации о цели демарша лидеров югославской оппозиции: «Почему вы, господин министр, избрали именно этот момент для подачи в отставку? Вы еще лежите больной и не приступили к своим обязанностям и все же поспешили с отставкой накануне выборов. Не соответствует ли это полностью тем мероприятиям оппозиции и ваших кругов, которые направлены на создание любыми способами такого положения в стране, которое дало бы повод для иностранного вмешательства» [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 905. Л. 49–50].

Справедливости ради следует отметить, что отставка трех министров-оппозиционеров не только была «хлопком дверью» в знак несогласия с действиями новой власти. Она давала возможность новых обвинений в невыполнении соглашений ноября 1944 г. 19 октября и 7 ноября 1945 г. американское посольство в Москве направило в НКВД СССР меморандумы за подписью посла А. Гарримана. Американцы предлагали Кремлю вместе с англичанами потребовать от маршала Тито отложить назначенные на 11 ноября 1945 г. выборы в Учредительную скупщину и начать переговоры с Шубашичем для восстановления их сотрудничества в едином правительстве. Оба меморандума были отвергнуты советской стороной 21 октября и 18 ноября соответственно [16. Ф. 6. Оп. 7. П. 46. Д. 740. Л. 2–3, 7, 8, 10; 17. С. 66–67].

В беседе с советником посольства СССР в ФНРЮ Н.А. Кожевниковым Джилас констатировал, что англо-американцы вели сильную игру в Югославии против Советского Союза. Грол и другие югославские реакционеры были максимально использованы ими в этой игре, но тем не менее они потерпели дипломатическое поражение [7. С. 331].

Выборы в Учредительную скупщину и народный референдум по вопросу о судьбе монархии состоялись, как и было намечено, 11 ноября 1945 г. В выборах участвовало свыше 88 % избирателей, 6,5 млн человек проголосовали за отмену монархии, 700 тыс. – против, 90 % голосов получил Народный фронт Югославии, занявший все места в Скупщине, почти 4/5 ее депутатов были членами КПЮ. 29 ноября 1945 г. новая югославская власть окончательно утвердилась – собрание Учредительной скупщины «в соответствии со свободно выраженной волей народа» упразднило монархию и провозгласило создание Федеративной Народной Республики Югославия. 19 декабря ФНРЮ была признана Советским Союзом [18. Р. 676, 749–751; 19. С. 169; 20. Р. 183].

После выборов советского посла в Белграде И.В. Садчикова посетил министр земледелия В. Чубрилович. Он заявил, что «до самых последних дней на территории Югославии скрещивались линии внешней политики Советского Союза и западных союзников. Это столкновение сильно чувствовалось в стране. Но теперь можно сказать, что это столкновение закончилось победой Советского Союза и Югославии» [7. С. 330–331].

Оценивая результаты политической борьбы 1945 г. в Югославии и ее международного аспекта, А.С. Аникеев резюмирует: «Без того слабая база короля и эмигрантской оппозиции в стране была практически ликвидирована [...] Многочисленные дипломатические демарши США и Великобритании, предпринимавшиеся осенью того года перед СССР с целью возвращения к ялтинским договоренностям по Югославии, не приносили успеха. Результатом настойчивых усилий Москвы и Белграда стало признание 22 декабря 1945 г. ФНРЮ со стороны Великобритании и США» [21. С. 48].

Шубашич, Грол и Шутей сошли с политической арены. Впрочем, Соединенные Штаты в отличие от Британии с самого начала высказывали большие сомнения в возможностях «соглашения Тито–Шубашич», заключенного по инициативе и при активном участии англичан. Об этом говорит меморандум Государственного департамента британскому посольству от 23 декабря 1944 г., подписанный государственным секретарем Э. Стеттиниусом: «Лишенное тщательного закрепления административных, законодательных, избирательных и правовых процедур своим общим характером, соглашение обеспечивает одной наиболее сильной группе фактически полную и исключительную власть в стра-

не. Отношения этой группы с эмигрантским правительством в лице доктора Шубашича вряд ли больше чем уступка, которая необходима для признания ее союзными правительствами.

Хотя соглашение предусматривает участие в работе АВНОЮ различных партий и национальных групп, никаких изменений его состава, все места в котором по желанию Тито принадлежат Освободительному фронту, не произошло. Разработка принципов выборов в Учредительную скупщину в соответствии с соглашением отложена до лучших времен; тем временем АВНОЮ осуществляет законодательные полномочия, а правительство, составленное почти полностью из партизанских представителей, осуществляет исполнительные полномочия и судебную власть». Далее в меморандуме подчеркивалось отсутствие механизмов «защиты эффективного и последовательного соблюдения принципов, сформулированных в соглашении» [3. Р. 255–257]. В письме послу в Белграде Р. Паттерсону в этот же день госсекретарь сообщал, что правительство Соединенных Штатов «не ручается за перспективы реализации этих принципов, так как они полностью зависят от сотрудничества и взаимного уважения персон, которые приступят к решению сложных проблем переустройства страны» [2. Р. 1443–1444].

В Вашингтоне понимали несостоятельность попытки объединения эмигрантского кабинета с руководством народно-освободительного движения. Поэтому, используя отставку трех представителей прежнего королевского правительства, американцы обоснованно заявляли лишь о невыполнении условий «соглашения Тито–Шубашич», и играя на экономических проблемах разрушенной за годы войны Югославии, стремились подорвать авторитет Тито. Затягиванием оформления новой югославской государственности Соединенные Штаты также стремились обеспечить более выгодное для себя решение итало-югославского территориального спора. Используя свое экономическое могущество, возросший международный авторитет и военную мощь, Вашингтон надеялся создать международные механизмы для решения политических проблем Югославии, содержательно и процедурно способные обеспечить поддержку послевоенным установкам Белого дома и Государственного департамента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Documents on International Affairs. 1939–1946. London, 1954. Vol. II: Hitler's Europe.
2. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Washington, 1966. Vol. IV: Europe.
3. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Malta & Yalta. Washington, 1955.
4. King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. New York, 1954.
5. Российский государственный архив социально-политической истории.
6. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Washington, 1967. Vol. V: Europe.
7. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М., 1997. Т. I: 1944–1948 гг.
8. *Fotitch C.* The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. New York, 1948.
9. *Roberts W.* Tito, Mihailovic and the Allies. 1941–1945. New Brunswick, 1973.
10. *Kovrig B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore, 1973.
11. Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. London, 1984. Vol. III: Alliance Declining: February 1944 – April 1945.
12. *Brown A.* The Last Hero: Wild Bill Donovan. New York, 1982.
13. *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980.

14. Congressional Record. Washington, 1942. Vol. 88: Proceedings and Debates of the 77th Congress: Second session.
15. *Armstrong H.F.* Tito and Goliath. New York, 1955.
16. Архив внешней политики Российской Федерации.
17. Советско-американские отношения. 1945–1948. М., 2004.
18. Voices of History, 1945–1946: Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945. New York, 1946.
19. *Губианский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987.
20. *Etheridge M., Black C.* Negotiating on the Balkans, 1945–1947 // Negotiating with the Russians. Boston, 1951.
21. *Аликеев А.С.* Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

© 2009 г. Н. КАЙЧЕВ

ПОЛИТИКА БОЛГАРИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕСТВАМ МАКЕДОНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ (1944–1989)

Легальные общества македонских беженцев в Болгарии являлись наследниками и продолжателями многолетней социально-политической традиции, истоки которой ведут к первым годам существования болгарского государства, возникшего после русско-турецкой войны 1877–1878.

После того как еще в 1880 г. в Русе было создано первое общество македонских переселенцев, подобные организации возникли и в других местах. В 1895 г. они объединились и стали действовать под руководством Верховного македонского комитета. Первоначально в их деятельности преобладал политический аспект, связанный со стремлением добиться автономии Македонии, рассматриваемой как этап на пути воссоединения с Болгарией. Массовая эмиграция македонцев в Болгарию, особенно после балканских войн и Первой мировой войны, привела к тому, что большое место в жизни братств (так часто называли себя общества македонских болгар, особенно в Софии (Прилепское братство, Костурское братство и т.д.) стали занимать вопросы социальной взаимопомощи и адаптации земляков в новой социальной среде. Добавлю, что после 1918 г. политическая деятельность на болгарской территории осуществлялась Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО), выступавшей за объединение трех частей Македонии (Вардарской Македонии, принадлежащей Королевству сербов, хорватов и словенцев, Южной (Эгейской) Македонии, находящейся в составе Греции, и болгарского Пиринского края) в автономное (в перспективе – в независимое) государство. По существу ВМРО ставила своей целью создание второго болгарского государства под названием Македония, чего не могла себе позволить официальная Болгария. В 1918–1924 гг. основным руководителем ВМРО был Тодор Александров. После его убийства, в 1924–1934 гг. одной из самых заметных фигур стал Иван Михайлов (1896–1990). В 1934 г. новое болгарское правительство запретило организацию, что привело к ее расформированию, а Михайлов был вынужден эмигрировать. Несмотря на это, продолжали существовать отдельные полуорганизованные группы. Во время Второй мировой войны, в 1941–1944 гг., присоединение больших частей югославской и греческой Македонии к Болгарии, вызвало споры среди лидеров ВМРО. Михайлов, в отличие от новых властей в Югославии и Болгарии, отстаивал болгарское происхождение славянского населения Македонии.

В 1924–1928 гг. Михайлов делил власть с другими деятелями. Среди них выделялась фигура старого болгарского генерала Александра Протогеровова (1867–

1928). Между ними не было принципиальных стратегических расхождений, но борьба за власть в организации привела к тому, что в июле 1928 г. Протогеров был убит. Противники единоличного лидерства Михайлова, несколько неточно называемые протогеровистами, считавшие, что только они и есть настоящая ВМРО, после смерти генерала попытались, но неудачно, захватить власть в организации. В начале 1930-х годов некоторые протогеровисты, не имевшие ничего общего с взглядами Протогерова, решились на сотрудничество с Белградом. Получая финансирование от соответствующих специальных служб, они выступили за решение македонского вопроса в составе Югославии, а в Болгарии совершали террористические акты против членов ВМРО. Позднее, к концу 1930-х годов, такие протогеровистские деятели, как Петар Шанданов и Лев Главинчев примкнули к Коминтерну и стали союзниками коммунистов. После 9 сентября 1944 г. именно Главинчев, являясь одним из руководителей новой народной милиции в Софии, проводил массовые репрессии столичной буржуазии, включая туда своих врагов из ВМРО.

Коммунисты долгое время рассчитывали своими силами овладеть ВМРО и македонским беженским движением. В 1925 г. болгарские функционеры Коминтерна создали для Македонии новую организацию – ВМРО (объединенная) – чтобы распространить свое влияние на некомунистических деятелей и в народе. Однако по разным причинам, включая активное противодействие со стороны ВМРО, новая прокоммунистическая организация имела очень слабую поддержку в Македонии. К 1937 г. сами компартии от нее отказались. Югославские коммунисты во второй половине 1930-х годов связывали – в целом unsuccessfully – свои надежды на новую организацию студентов из Македонии в Загребе и Белграде – МАНАПО (Македонское народное движение), а их «болгарские товарищи по борьбе» были вынуждены удовлетвориться лишь слабым влиянием в самой болгарской Македонии и некоторых беженских организациях [1–5].

Так как легальные македонские организации мирились с второстепенной ролью в политической жизни, то новые болгарские власти после переворота 9 сентября 1944 г. решили их не расформировывать (как десять лет перед этим попыталось поступить правительство Кимона Георгиева, пришедшее к власти после путча 19 мая 1934 г.), а использовать для своих целей, лишь поменяв руководство. 18 сентября 1944 г. в Софии было организовано собрание представителей беженских организаций, которое заявило о роспуске старого Национального комитета македонской эмиграции в Болгарии, возглавлявшегося генералом Б. Николовым и образовании Временного инициативного комитета, председателем которого избран Г. Саракинов, заместителем председателя – Христо Калайджиев, секретарями – Борис Михов и Георги Денишев. Новое руководство конфисковало архив и кассу старого Национального комитета и получило в свое распоряжение Македонский дом в Софии. Собрание призвало в своем обращении произвести смену руководства во всех братствах [6. С. 33–34].

В конце сентября 1944 г. в Софию прибыли югославские македонские руководители Светозар Вукманович Темпо, Лазар Колишевски и Михайло Апостолски, которые создали Временное представительство Демократической федеративной Македонии. Наряду с партийными активистами такими, как Георгий Деспотов, Георгий Абаджиев и Асен Чаракчиев, там работал также известный протогеровист П. Шанданов. Руководителем этого полуформального представительства новой Македонии был назначен активный вардарский коммунист Кирилл Мильовски, который позднее стал академиком МАНУ (Македонской академии наук и

искусств) и первым ректором университета в Скопье. Представительство стремилось контролировать эмигрантские македонские организации и Македонский научный институт [7; 8. С. 507–525]. Оно установило прямые связи с отдельными братствами в провинции и столице, пыталось распоряжаться построенным беженцами в 1930-е годы Македонским домом.

Свои решения представительство пыталось навязать руководству македонских беженцев через Георгия Деспотова. В конце концов последовала колоритная сцена: Х. Калайджиев, лояльный деятель болгарской компартии, с характерной для времени лексикой поднял вопрос о власти: «Кто «чорбаджия» (хозяин, барин. – *Н.К.*) тут?». В итоге Временное представительство было вынуждено прекратить свое «наступление», а Калайджиев сумел сохранить влияние на эмиграцию [9. Спомени № 800. Воспоминания Хр. Калайджиева. Л. 76–77; 2. С. 34–36].

Деятели бывшей ВМРО Ивана Михайлова были вынуждены примириться с новым руководством македонских беженцев. По основным внутривластным вопросам руководящие органы братств активно поддерживали политику властей. Например, в 1946 г. в специальных окружных циркулярах рекомендовалось на референдуме о государственном устройстве голосовать за республику, а на выборах Великого народного собрания – за Отечественный фронт (ОФ). В обоих случаях в инструкциях осуждалась бывшая ВМРО и ее последователи и подчеркивалась необходимость проведения специальных собраний, на которых следовало «обрисовать преступную роль организации Ивана Михайлова и ее связь с международной и балканской реакцией» [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 26].

С другой стороны, авторитет Югославии в первые послевоенные годы, перспектива объединения двух стран в общую южнославянскую федерацию, в которой Пиринская Македония практически влилась бы в большую по размерам Вардарскую Македонию, самоуверенность и натиск новых «югомакедонских» руководителей привели к тому, что часть коммунистического беженского актива была склонна прислушиваться к советам из Скопья, с 1945 г. столицы Народной республики Македонии (НРМ) в составе СФРЮ. Дружеские и в то же время деликатные отношения с Югославией не позволяли руководству болгарских коммунистов занять твердую позицию по отношению к проскопски ориентированным деятелям эмиграции, активизировавшим свою деятельность в Софии.

Тем не менее в 1944–1950 гг. произошла серия столкновений, связанных с властным противостоянием между Болгарией и Югославией и соответствующими партиями. Эти конфликты были порождены не в последнюю очередь различными взглядами на вопрос о македонской нации и будущем Македонии.

Обе группы в соответствии со взглядами мирового коммунистического движения и своих партий принимали положение о том, что славянское население в Македонии принадлежит к некоей отдельной македонской нации, которая отличается от болгарской. При такой трактовке население Пиринской Македонии считалось «македонским», а эмиграцию в остальных частях Болгарии (т.е. на территории страны в границах до 1912 г., так называемая Старая Болгария), где действовали македонские братства, следовало считать македонским национальным меньшинством. Так, Васил Ивановски в 1934 г. и Ангел Динев в 1938 г. в статьях и брошюрах, озаглавленных соответственно «Почему мы, македонцы, составляем отдельную нацию» и «Македонские славяне», попытались аргументировать наличие самостоятельной македонской нации [5. Р. 159; 10. С. 347–348; 11. С. 192]. В конце 1944 г. А. Динев опубликовал другую брошюру, в которой рассматривал

существование македонского народа как самостоятельной нации еще с XIX в.; начало развития самосознания он связывал с воззрениями Партения Зографского [12. С. 5–7; 13. С. 110]. Таких македонистских деятелей в Болгарии, как В. Ивановски, А. Динев, Г. Абаджиев, М. Сматракалев, А. Чаракчиев объединяла убежденность в глубоких исторических корнях македонской нации. Впрочем, вскоре В. Ивановски испытал «прелести» свободы в «новой Македонии». После своего бегства в июле 1944 г. из Скопской тюрьмы он принял участие в Антифашистском собрании народного освобождения Македонии, как первый главный редактор центральной газеты «Нова Македония» содействовал становлению новой власти. Однако группа новых «югомакедонских» руководителей во главе с Лазарем Колишевским увидела в нем потенциального соперника; к тому же прибывшего из Болгарии и не принимавшего некоторых крайних «югомакедонистских тезисов». В итоге теоретик македонской нации был отстранен от создания на основе македонизма нового государства. Ивановски возвратился в Болгарию и принял участие в руководстве македонскими эмигрантскими организациями [9. Ф. 16. Оп. 1. Д. 527. Л. 6–9; 14. С. 264–277]. Замечу, что большая часть крайней македонистской группы в Софии считала устанавливаемую в Югославии македонскую модель удачнее, нежели в Болгарии.

Этим последовательным македонистам в какой-то мере противостояли так называемые умеренные македонисты, лояльные к руководству коммунистической Болгарской рабочей партии (БРП(к)) (с 1948 г. – Болгарской коммунистической партии – БКП) и ее политике. Эти деятели – Хр. Калайджиев, Й. Анастасов, Г. Денишев, П. Хаджиделев – были хорошо знакомы с прошлым Македонии. Согласно их взглядам, до 1878 г., а в некоторых отношениях и до Первой мировой войны, история македонцев и болгар была общей, происходили процессы национальной консолидации на болгарской основе. Однако постепенно условия развития стали различаться; началось обособление македонской нации, согласно некоторым мнениям – после 1918 г. Эти установки легко воспринимались частью руководства БРП(к), а член Политбюро Владимир Поптомов, который был одним из основных функционеров БРП(к) в Пиринской Македонии (выходец из этого края, из местечка Белица), открыто развивал их в публичных выступлениях. Занимаемая им высокая должность помогала ограничивать влияние крайних македонистов [15. С. 124].

Второй раунд борьбы между последовательными и умеренными македонистами был связан с проведением «первого свободного конгресса» македонской эмиграции в Болгарии (4–5 февраля 1945 г.). Согласно принятым решениям, название будущего центрального руководства останется прежним – Национальный комитет македонской эмиграции в Болгарии. В его новом составе преобладали умеренные, лояльные к БРП(к) лидеры: председатель П. Хаджиделев, заместители председателя Г. Кулишев и Е. Георгиев, политический секретарь Х. Калайджиев.

Претензии Скопье и группы крайних македонистов были удовлетворены только частично: в руководство вошли организационный секретарь Г. Абаджиев, А. Динев и др. [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Эта группа и повела борьбу за ключевые посты. Так, когда 12 апреля 1945 г. председатель П. Хаджиделев подал в отставку и назвал своим заместителем Х. Калайджиева, проскопские деятели попытались, но неудачно, сорвать выборы. Однако через неделю они созвали собрание коммунистов столичных братств, где сумели добиться миниреванша – вынести партийное порицание Калайджиеву – и поставили М. Сматракалева

главным редактором газеты эмиграции «Македонско знаме», которая начала выходить с июня 1945 г. [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 3. Протокол заседания НК МЕБ, 12 IV 1945; 9. Л. 77; 6. С. 36–37; 16. С. 59–65].

На руку крайним македонистам сыграло и принятое под давлением югославских руководителей решение X пленума БРП(к) (август 1946 г.) о создании македонской культурной автономии в Болгарии. Когда в сентябре того же года решался вопрос о переносе останков Гоце Делчева из Болгарии в югославскую Македонию, Национальный комитет македонской эмиграции распространил циркуляр с энергичной поддержкой перезахоронения. В этом документе Скопье определялось как столица «нашей республики» «Нет более достойного монумента великому Гоце чем НРМ», – подчеркивалось в его тексте [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1. Окружное № 15 НК МЕБ, 25 IX 1946].

Знакомство с документами руководства должно было внушить, что НР Македония является настоящей родиной, а к Болгарии македонским эмигрантам следовало относиться как к обычной стране пребывания. Председатель Калайджиев вместе с остальными умеренными македонистами постепенно терял власть, переходившую к крайней македонистской фракции Национального комитета македонской эмиграции. Несколько раз он обращался к ЦК БРП(к) с просьбой освободить его от руководства, так как он не пользуется доверием Скопье [6. С. 48].

В то же время македонская беженская масса предпочитала дистанцироваться от утверждаемого сверху нового курса и нередко проявляла свои традиционные проболгарские чувства. Ивановски признавал на закрытом партийном совещании, что если руководство будет выступать «строго и категорично за македонскую нацию, мы превратимся в секту, изолируем себя от тех масс, которые все еще находятся в плену старых понятий и былых пропаганд в Македонии, потому что “в турское” время они имели болгарские школы» [16. С. 147].

Тем не менее руководство БРП(к) пошло на очередные уступки Белграду в македонском вопросе: в марте 1947 г. Политбюро решило закрыть все действовавшие македонские организации в стране. На Втором конгрессе македонских братств (18 мая 1947 г.) было принято решение об их расформировании, в том числе и центрального Национального комитета (одновременно были закрыты Македонский научный институт и Илинденская организация). Причинами такого шага являлись «великоболгарский дух» македонских братств, препятствовавший развитию македонского национального сознания, и возможность вхождения, согласно уставам, в братства «людей, не обладающих македонским самосознанием». Констатировалось, что центральное руководство не было в состоянии изменить это «печальное» состояние братств, и поэтому их существование становилось беспредметным [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 4. Л. 127–128].

В составленном в мае 1947 г. новом Центральном инициативном комитете доминировали проюгославски ориентированные македонисты: В. Ивановски (председатель), А. Динев (зам. председателя), Г. Абаджиев (секретарь), М. Сматракалев (ответственный за Софийское братство) и др. Прежний председатель Калайджиев не был включен в новый комитет. Уже первый циркуляр нового комитета призывал к саморасформированию действовавших братств и образованию новых инициативных комитетов. В новые структуры могли входить только те потомки эмигрантов, которые считали себя «македонцами», и положительно относились к «собственной родине НР Македонии в ФНР Югославии», поддерживали Отечественный фронт в Болгарии и «ратовали за болгаро-югославское сближение». Первоочередной задачей ставилась популяризация НР Македонии

и приобщение к ее культуре живущих в Болгарии македонцев. В списке задач будущих членов братств можно заметить некоторые формулировки из лексикона югославских коммунистов: «Поддерживать население Пиринской Македонии в его стремлении к полному единству с населением Вардарской Македонии вплоть до включения в НР Македонию; утверждать братство и единство македонского народа с другими народами ФНРЮ и прежде всего с братским сербским народом» [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 4. Л. 123–126; 122, 129].

Эти решения вызвали беспокойство в братствах, так как противоречили их основной социальной функции – взаимопомощи. Некоторые из них – Ениджевардарское, Крушовское и Кривопаланечское – оказали открытое сопротивление и долгое время отказывались расформироваться. Но большинство братств в Софии и провинции были вынуждены подчиниться; на их месте постепенно образовались некоторые новые организации, построенные на основе национального македонистского принципа [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 4. Л. 104; 17. С. 297–298]. Во второй половине 1947 г. и в начале 1948 г. влияние Белграда и Скопье на македонских беженцев достигло своего апогея. Оно шло разными путями, в том числе и через югославское дипломатическое представительство в Софии.

Дальнейшая «македонизация» и «югославизация» дружеств была приостановлена ухудшением советско-югославских отношений. В этой ситуации болгарское правительство было вынуждено пересмотреть свое отношение к Югославии и Й.Б. Тито. Еще в апреле 1948 г. в результате совещаний представителей ЦК с областным руководством в Горной Джумае была начата корректировка политики насильственной македонизации. 12–13 июля 1948 г. специальный XVI пленум ЦК БРП(к) осудил югославских коммунистов и принял решение о приостановке в Пиринском крае приема учителей и культурных эмиссаров из НР Македония. Была отменена практика принудительного изучения македонского языка в этом регионе. Одновременно пленум подчеркнул продолжение процессов по македонизации, созданию культурной автономии македонского населения Пиринского края, но уже на «добровольной основе» [17. С. 410–418, 446–447]. Проще говоря, официальная София не отреклась от македонизма, но дала понять, что он будет распространяться более умеренными методами и уже без оглядки на Белград.

Крайние македонисты из руководства македонских дружеств были уязвлены этими решениями, которые «портили» не только настоящее, но в перспективе вели к преобладанию тезиса умеренных македонистов, согласно которому новая нация оформилась только в последние несколько десятилетий. В. Ивановски составил обстоятельное письмо в ЦК БРП(к) и, используя свой авторитет инструктора агитационно-пропагандного отдела ЦК БРП(к) и председателя Центрального инициативного комитета македонских культурно-просветительных дружеств (ЦИКМКД), убедил часть членов последнего (К. Соколова, П. Хаджиделева, Хр. Михайлова, Т. Кыцеву и А. Динева) поставить под ним свои подписи. Они, дистанцируясь от югославского руководства в Скопье, выразили свое несогласие с решениями XVI партийного пленума. Солидаризируясь по существу с югославской позицией, Ивановски призывал дать Пиринскому краю территориально-политическую автономию; впоследствии этот регион следовало присоединить к НР Македонии (без неперенной связи с возможным образованием южнославянской федерации из Югославии и Болгарии). Ивановски демонстрировал глубокую убежденность в собственной правоте, позволяя себе категоричный и отчасти менторский тон по отношению к ЦК БРП(к). Не отличаясь особенной тактичностью, гибкостью и особенно знанием взаимоотношений внутри комму-

нистических верхов, он выступил открыто не только против В. Поптомова, но осудил и отдельные высказывания Трайчо Костова, Василя Коларова и Вьлко Червенкова [16. С. 375–386].

Но судьба демарша была предрешена: заседание Политбюро 29 июля 1948 г. заслушало и вынесло порицание Ивановскому, который был вынужден согласиться с критикой и просить, обращаясь к присутствующим: «Умоляю ЦК освободить меня от работы в Инициативном македонском комитете, потому что мне будет неудобно проводить эту новую политику, так как мне трудно изменить свои позиции, формирование которых началось 16 лет тому назад». Просьба была удовлетворена, а 27 сентября была принята его отставка и с поста руководителя македонских дружеств [9. Ф. 16. Оп. 6. Д. 527. Л. 1–2; 9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 5. Л. 6]. В 1949 г. Ивановски был привлечен как обвиняемый по делу против Тр. Костова и осужден на 12 лет тюремного заключения. Освобожден и реабилитирован в 1955 г., до конца жизни (1991 г.) оставался лояльным членом БКП [18. С. 307–322; 598–599; 14. С. 136].

Осудил решение XVI пленума ЦК БРП(к) и А. Динев. После переселения в Скопье он опубликовал в газете «Новая Македония» от имени Центрального македонского инициативного комитета письмо-меморандум, хотя оно было подписано только им. Подобно Диневу, в Скопье эмигрировали и некоторые другие активисты: Г. Абаджиев и Б. Спасов. События требовали скорейшего назначения нового руководства. После отказа Ивана Масларова, сославшегося на занятость в организационно-инструкторском отделе ЦК, Политбюро 23 сентября 1948 г. выбрало из своего состава В. Поптомова. В руководство привлекались еще Хр. Калайджиев – зам. председателя, Кр. Стойчев – секретарь, А. Хаджидимова (супруга старого коммунистического деятеля Д. Хаджидимова) и Г. Костов – членами. Четыре дня спустя эти решения были реализованы ЦИК МКД, который по поручению Политбюро принял также декларацию в поддержку курса БРП(к) и осуждавшую А. Динева [9. Ф. 16. Оп. 6. Д. 546. Л. 1–2; 9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–18].

Загруженность нового руководителя – член Политбюро, главный редактор «Работническо дело» (до июля 1949 г.), главный секретарь Отечественного фронта (февраль–июль 1949 г.), министр иностранных дел (июль 1949 – май 1950 г.) и заместитель председателя Совета министров (май 1950 – май 1952 г.) – не позволяла ему детально вникать в дела братств, но в то же время его властные функции давали возможность участвовать в формировании партийно-государственной политики по македонскому вопросу. Фактически В. Поптомов недолгое время пробыв во главе руководства комитетом, передоверив оперативную работу Хр. Калайджиеву, который разделял его взгляды по македонскому вопросу.

Преодоление элементов проюгославского македонизма среди организаций беженцев было окончательно закреплено на национальной конференции в апреле 1950 г., когда было утверждено новое название организации – Союз македонских культурно-просветительных дружеств (братств) (СМКПД). Тогда некоторые из крайних македонистов (М. Сматракалев и А. Чаракчиев) в духе тогдашних политических нравов выступили с публичной самокритикой перед конференцией, предпочтя верность БКП и возможность остаться в Болгарии. Главой СМКПД был избран Хр. Калайджиев, оставшийся на этом посту до своей кончины в 1964 г. В руководство вошли: Д. Кьосев – зам. председателя, Б. Михов – секретарь, Г. Деспотов – *ответственный за культурно-просветительную работу*, Т. Влахов, А. Хаджидимова, Г. Костов, Г. Мадолев, В. Мицев и Л. Йовкова – члены [9. Ф. 16. Оп. 7. Д. 1644. Л. 2–27; 9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 8. Стенографический протокол наци-

ональной конференции СМКПД, 19–21 IV 1950; 9. Ф. 299. Оп. 2. Д. 1. Протокол заседания ЦК СМКПД, 28 IV 1950].

На заседании нового руководства (27 сентября 1948 г.) было заявлено о дистанцировании от господствовавшей до сих пор политики формирования дружеств, при которой в них не допускались «те наши эмигранты, которые чувствуют себя болгарами, хотя и дорожат Македонией». С этого момента открылись двери и для «прогрессивных македонцев, чье македонское национальное сознание еще не сформировано» [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3].

Добавлю, что БКП продолжала считать славянское население в Македонии отдельной македонской нацией. Жителей Пиринской Македонии тоже относили к македонцам. Однако при этом уточнялось, что в НР Македонии нация не формируется на основе естественных процессов: подчеркивался искусственный характер и сильная сербизация литературного языка. Под влиянием новых политических процессов добавилось положение о влиянии на этногенез «истинного социализма» и поддержки СССР. До 1954 г. допускалась возможность, что не Вардарская, а Пиринская Македония будет своеобразным Пьемонтом в деле государственного объединения македонской нации, находящейся в процессе своего развития. Одновременно, несмотря на постоянное подчеркивание «прогрессивности и добродетелей» новой нации, власти в большей степени были склонны к поощрению болгарской самоидентификации населения Пиринской Македонии и македонских переселенцев в Старой Болгарии. В Пиринской Македонии после 1948 г. прекратилось изучение македонского языка, в школах не был введен запланированный специальный предмет «История македонского освободительного движения» [19. С. 90–92; 20. С. 102–105].

В итоге СМКПД был в сложном положении. Сверху «спускалась» директива проведения курса умеренного македонизма. «Как мы боролись против того, чтобы быть объявленными болгарским меньшинством, – инструктировал своих подчиненных Калайджиев, – так нужно бороться решительно и всеми силами против объявления титовцами нас югославским меньшинством [...] Докажем, что в Болгарии македонцы вполне свободны» [9. Ф. 299. Оп. 2. Д. 1. Л. 34]. Сами же члены и активисты дружеств в ряде случаев не стеснялись выражать свои национальные чувства. Так, еще в 1949 г. Г. Хаджиманчев из села Борован Белослатинского округа, в письме к руководству, в Софию, делаясь своими мыслями, писал, что «как болгарин, он, не желая терпеть турецкий гнет, в 1892 году сбежал и пришел в Софию», а С. Василев из Кырджали в просьбе о помощи написал, что он рожден в с. Горенци Костурского округа Южной Македонии и что «по происхождению он болгарин» [9. Ф. 299. Оп. 1. Д. 11. Л. 26, 93–95]. Два года спустя на собрании члены македонского дружества в Велико Тырново риторически спрашивали, что если в 1903 г. в Илинденском восстании боролись «крушевские болгары, греки и влахи [...] не чувствуя никакой нужды в создании отдельной македонской национальности, то, что препятствует тому, чтобы в македонском государстве жили как братья те, кто чувствуют себя “македонцами”, болгарами, турками, валахами и албанцами». Представитель из Софии на собрании М. Сматракалев, докладывая, что особое выступление сделал «Антон Цвятков, старый македонец, который не согласен с тем, чтобы была отдельная македонская национальность» [9. Ф. 299. Оп. 2. Д. 2. Л. 65–67, 94]. Впечатляет нейтральный тон этой информации: два-три года тому назад такие высказывания были бы немислимы.

Однако когда активисты студенческой македонской секции при Софийском университете собирались напечатать свои материалы на македонском языке,

стали утверждать, что македонская нация существовала и в древности, а Николу Вапцарова – македонским поэтом, то СМКПД поспешил охладить их пыл и сменил руководителей секции Георгия Николова, Борислава Владикова и Благо Прангова [9. Ф. 299. Оп. 2. Д. 1. Л. 80–87, 92–93; 9. Ф. 299. Оп. 2. Д. 5. Л. 85–88].

Примером «болгарского поворота» может служить заступничество за писателя Димитра Талева и его товарища Косты Цырнушанова. В конце января 1952 г. Калайджиев обратился к В. Червенкову с письмом, в котором писал, что некоторые бывшие михайловисты, такие как Талев и К. Цырнушанов, «не были торгашами, а фанатично защищали тезис, чтобы македонский вопрос разрешился как болгарский вопрос». Они, продолжал автор, «видят опасность для Болгарии и Македонии в англоамериканцах, а спасение – в близости с Советским Союзом». Калайджиев просил Генерального секретаря БКП дать им «кусочек хлеба» и устроить их на подходящую работу. 7 февраля 1952 г. Червенков поставил свое лаконичное «согласен». Оба уроженца Прилепа вскоре встретились в Софии и продолжили свою литературную деятельность [9. Ф. 16. Оп. 7. Д. 1684. Л. 1–3; 21. С. 109–114]. При всем том председатель СМКПД Хр. Калайджиев остался верным политике умеренного македонизма и отстаивал иллюзорный тезис об утверждении македонской нации на проболгарской основе [22. С. 107–108].

После того как в 1948–1949 гг. БКП окончательно утвердила влияние над македонскими дружествами, их относительное политическое и социальное значение стало уменьшаться. Хр. Калайджиев периодически объяснял своему активу, что деятельность следует ограничивать культурными мероприятиями. В 1955 г. он говорил: «Отношения Болгарии с соседями переживают переходный период. Неясно как они разовьются, но наше существование как организации необходимо. Но не надо шумно проявлять себя... Надо воздерживаться и направить свое внимание на художественную самодеятельность» [9. Ф. 299. Оп. 3. Д. 15. Л. 57]. В инструкциях отчетливо просматривалась зависимость дружеств от внешнеполитических государственных интересов, отношений с Югославией и Грецией. Два года спустя при обсуждении плана Союза на следующий год Калайджиев, действуя в русле указаний БКП о сужении деятельности дружеств, повторил: «В проекте и в высказываниях просматривается тенденция к расширению нашей деятельности. Упоминаются активная деятельность, связи с Пиринским краем, издание газеты или журнала, связи с эмиграцией за границей – о том, чтобы мы дали тон всему македонскому развитию – что не является и не может быть нашей задачей». В то же время некоторые из предложений были реализованы через другие структуры: Благоевградский округ (Пиринская Македония) осуществлял контакты через местные и окружные партийные организации, связи с македонской эмиграцией за рубежом были доверены Славянскому комитету. Издание же периодического органа союза (который не выходил после 1947 г.) мог осложнить отношения с Югославией и Грецией, поэтому вопрос о нем больше не поднимался [9. Ф. 299. Оп. 3. Д. 15. Л. 134]. Со стороны ЦК БКП постоянно поступали указания об откладывании конференции СМКПД: следующая состоялась через десять лет, в июле 1960 г. [9. Ф. 16. Оп. 7. Д. 1714. Л. 1; 44. Ф. 299. Оп. 4. Д. 4. Доклад об деятельности СМКПД, 16 IV 1961].

Негативную роль имело ограничение после 1945 г. притока новой эмиграции из Вардарской и Эгейской Македонии, и старые поколения македонцев постепенно растворялись среди населения Старой Болгарии. Прямой партийный надзор также не способствовал популярности дружеств. К осени 1951 г. в стране

насчитывалось только 13 дружеств, некоторые из них функционировали только формально [9. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1. Л. 30–31].

В 1956–1958 гг. дискуссия во властных кругах Болгарии по Македонии завершилась признанием болгарской идентичности населения Македонии в прошлом, а Пиринской Македонии – и в настоящем. 3 марта 1958 г., на торжествах по поводу 80-летия освобождения Болгарии, член Политбюро Енчо Стайков выступил с речью, в которой декларировал справедливость Сан-Стефанского мирного договора, объединивший болгарский народ в одно государство (включавшее и большую часть Македонии). 21 сентября 1958 г. с речью в Разлоге по поводу 35-й годовщины Сентябрьского восстания выступил другой член Политбюро, Димитар Ганев, который, говоря о Вардарской Македонии, подчеркнул, что «македонское население вынуждено отказаться от родного языка, от языка, используемого его отцами и дедами, и использует искусственно измененный, сильно сербизированный язык [...] Сегодня в Вардарской Македонии никто не имеет право и не осмеливается назвать себя болгарин, несмотря на то, что многие имеют болгарское самосознание» [23. С. 189–195; 22. С. 99–101, 109–117]. После острой реакции Белграда Политбюро БКП 15 октября 1958 г. приняло решение не поднимать македонский вопрос [24. С. 62]. При этом однако был сохранен тезис о болгарском национальном характере населения Пиринской Македонии.

О новом курсе был извещен СМКПД, 21 ноября 1958 г., на заседании руководства Калайджиев зачитал информационную записку, очевидно написанную в ЦК БКП, о македонских спорах с Белградом. В ней подчеркивалось, что «в прошлом македонский народ имел болгарское самосознание, его предводители были преимущественно болгарские учителя, что не было препятствием для ведения борьбы на македонской почве, за отдельное македонское государство [...] Идея о македонской нации существует с нового времени, и македонская нация находится в процессе оформления. Поэтому население Пиринского края и македонской эмиграции в Болгарии, США, Канаде, Австралии и других странах в большинстве своем болгарское и не хочет называть себя македонским по колишевскому образцу» [9. Ф. 299. Оп. 3. Д. 15. Л. 160–162].

Когда пленум ЦК БКП в марте 1963 г. обсуждал македонский вопрос, Т. Живков в своей речи, патетику заменил юмором, подчеркнув, что: «вообще в нашей стране македонской национальности, председателем которой является Христо Калайджиев, нет ни в Пиринском крае, ни где бы то ни было еще». На самом пленуме Калайджиев покаялся, в частности, сказав, что македонизм распространился после 1932 г., когда партия подняла знамя македонской нации. «В течение этого периода преимущественно коммунисты в Болгарии старались доказать, что есть македонская нация, что это македонцы, а не болгары» [25. С. 121, 131; 26. С. 76–91].

В то же время активность по разъяснению болгарского прошлого Македонии была снижена по ряду причин: руководство союза продолжало находиться в руках ветеранов-коммунистов, которые сами в 1940–1950-е годы были умеренными македонистами. После смерти Хр. Калайджиева в апреле 1964 г. не нашлось равной ему фигуры, которая бы держала в своих руках Союз. Руководство стало преимущественно коллективным. В 1965 г. председателем был выбран уроженец Кукуша (Южная Македония) Д. Кьосев, журналист, публицист и историк, который с 1971 г. из-за плохого здоровья перестал исполнять свои функции. Его заместителями были стареющие Й. Анастасов и Е. Георгиев, родившиеся в конце XIX в.

В соответствии с общей партийно-государственной линией Союз с середины 1960-х годов должен был «объединять переселенцев из Македонии, воспринимая их как нераздельную часть болгарской нации, и приобщать их к делу ОФ под руководством БКП на строительство социализма в Болгарии» [9. Ф. 299. Оп. 4. Д. 4. Л. 12].

К 1972 г. Союз насчитывал 20 дружеств – в Софии, Варне, Пловдиве, Пазарджике, Асеновграде, Хаскове, Стара Загоре, Бургасе, Несебре, Помории, Кырджали, Коларовграде (Шумене), Русе, Плевене, Тополовграде, Сливене, Габрово и Ломе, с. Горни Воден и с. Куртово Конаре, потом рост прекратился [9. Ф. 299. Оп. 5. Д. 2. Л. 16–20].

Власти теперь расценивали Союз как второстепенную организацию. Проведенное в декабре 1965 г. общее собрание (конференция) оказалось последним для СМКПД. В мае 1977 г. он был расформирован. Отдельные уцелевшие дружества влились в структуры ОФ, сохранив свою целостность как самостоятельные клубы. Так, Софийское дружество было трансформировано в культурно-просветительный клуб «Гоце Делчев», включающий почти 20 секций, функционирующих на земляческой основе.

Начало последнего периода развития дружеств связано с выбором 4 июня 1985 г. на пост председателя этого клуба не очередного партийного ветерана, а 43-летнего доцента истории Софийского университета Димитра Гоцева, уроженца Вардарской Македонии. Под его руководством было пересмотрено прошлое и настоящее Македонии: на лекциях открыто утверждался болгарский характер Вардарской Македонии не только до 1912 г., но и до конца Второй мировой войны [27. С. 177]. Была создана новая секция, в которую вошли бывшие деятели македонской студенческой корпорации «Шар» (действовавшей в 1936–1944 г.) Возмущенные «возрождением михайловизма» старые партийцы и бывшие македонисты демонстративно покинули клуб «Гоце Делчев», что увеличило его притягательность. Возвратилась часть беженцев, которая до тех пор избегала участия в работе дружества. Была учреждена и молодежная секция, руководимая с 1987 г. Кр. Каракачановым, студентом Софийского университета. Туда входили и те, кто не имел прямых родственных связей с Македонией. В клубе звучали речи о необходимости работы по поддержке «болгарского дела» в Вардарской Македонии. Свой вклад в успех клуба внес один из его руководителей – Христо Тенев, карьерный дипломат и член БКП, разделявший настроения Д. Гоцева и членов молодежной секции. Активизировалась работа и в Варненском клубе «Гоце Делчев», руководимый Вл. Кондовым и Ген. Генадиевым. И там была учреждена молодежная секция, которая привлекала патриотично настроенных учеников и студентов.

В университетах Софии и Велико Тырново, так же как и в Благоевграде, возникли небольшие неформальные группы патриотично настроенных молодых людей, связанные с софийской молодежной секцией [28. С. 183–185]. Сам софийский клуб из второстепенного подразделения ОФ стал центром внимания различных национально настроенных кругов в Болгарии.

После 10 ноября 1989 г., когда Т. Живков был вынужден подать в отставку, македонская тема получила новый, мощный импульс. В стране, переживавшей общественно-политический подъем, пошел процесс по созданию новых организаций и объединений: дискуссионный клуб «Вардар» в Благоевграде, македонско-болгарское дружество «Тодор Александров» в Петриче, городской комитет «3 марта» в Пещере и др. Молодежная секция в Софии организовала 27 ноября

1989 г. «шествие-протест» по поводу семидесетой годовщины Нейского договора, выпустив в декабре того же года несколько десятков экземпляров первого номера газеты «Македония». По инициативе столичного клуба «Гоце Делчева» 5–6 января 1990 г. в Македонском доме в Софии был проведен Восстановительный конгресс Союза македонских культурно-просветительных дружеств. Именно с этого времени началось развитие организаций и партий, ставших преемниками обществ переселенцев из Македонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи (1878–1944). София, 2003. Т. 4. Освободителните борби след Първата световна война (1919–1944).
2. *Палешутски К.* Югославската комунистическа партия и македонският въпрос. 1919–1945. София, 1985.
3. *Добринов Д.* ВМРО (обединена). София, 1993.
4. *Тодоровски З.* Внатрешната македонска революционерна организация: 1924–1934. Скопје, 1997.
5. *Rychlik J., Kouba M.* Dějiny Makedonie. Praha, 2003.
6. *Мичев Д.* Усилията на Югославската комунистическа партия да овладее македонските бежански организации в България (9 септември 1944 – юни 1946) // Македонски Преглед. 1991. № 1.
7. *Германов С., Гребенаров А.* Документи за дейността на Македонския научен институт // Македонски Преглед. 1995. Кн. 2.
8. *Гребенаров А.* Илинденската организация (1921–1947) // 100 години от Илинденско-Преображенското въстание. София, 2005.
9. Централен държавен архив (Централный государственный архив Болгарии).
10. *Палешутски К.* Македонското освободително движение. 1924–1934. София, 1998.
11. *Гоцев Д.* Младежките национално-освободителни организации на македонските българи. 1919–1941. София, 1988.
12. *Динев А.* Етнографската идея на македонските славяни. София, 1944.
13. *Чинго Н.* Политиката на БРП(к) спрема македонското прашање во периодот 1944–1948. Скопје, 1976.
14. *Ангелов В.* Македонската кървава Коледа. Създаване и утвърждаване на Вардарска Македония като република в югославската федерация (1943–1946). София, 2003.
15. *Ангелов В.* Вик в съня. Материали за съпротивата на Владимир Поптомов срещу македонизацията в Пиринския край (1944–1949). София, 2005.
16. Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952). София, 2004.
17. *Мичев Д.* Македонският въпрос и българо-югославските отношения (9 септември 1944 – 1949). София, 1994.
18. Прочесът срещу Трайчо Костов и неговата група. София, 1949.
19. *Огнянов Л.* Отношенията между България и Югославия (1949–1956). // Минало. 1996. № 3.
20. *Ангелов В.* Политиката на БКП по македонския въпрос (юли 1948–1956) // Исторически Преглед. 1996. № 5.
21. *Църнушанов К.* Димитър Талев в моите спомени. София, 1992.
22. *Баев Й.* Българското държавно ръководство и македонският въпрос от 1948 г. до края на 70-те години // Военноисторически сборник. 1994. № 1.
23. *King R.* Minorities under Communism. Nationalities as a Source of Tension among Balkan Communist States. Cambridge, 1973.
24. *Стамова М.* Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1953–1963) // Известия на държавните архиви. 1997. Т. 74.
25. *Германов С.* Началото на преоценка на българската политика по македонския въпрос (1948–1963) // Македонски Преглед. 2003. № 1.
26. *Ангелов В.* За ролята и мястото на мартенския пленум на ЦК на БКП от 1963 г. за формиране и провеждане на българската политика по македонския въпрос. // Минало. 2001. № 1.
27. *Nedeva I., Kaytchev N.* IMRO Groupings in Bulgaria after the Second World War // The New Macedonian Question. London, 1999.
28. *Каракачанов К.* ВМРО: 100 години борба за Македония. София, 1996.

© 2009 г. О.Ю. МИХАЛЕВ

ВОПРОС О ВСТУПЛЕНИИ В НАТО В ПОЛЬСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (1989–1993 годы)

В настоящее время, когда Польша уже десять лет является членом НАТО и позиционирует себя в качестве одного из ближайших союзников США в Европе, кажется само собой разумеющимся, что прозападный вектор ее внешней политики был задан изначально, сразу после прихода к власти первого некоммунистического правительства и освобождения от опеки СССР. Он якобы был предопределен однозначной позицией общественного мнения, настоятельно требовавшего разрыва с прошлым, «возвращения в Европу» и связывавшего сохранение обретенной независимости с поддержкой Запада. Однако на рубеже 1980–1990-х годов курс на вступление Польши в НАТО отнюдь не был предопределен, он формировался в течение нескольких лет главным образом вследствие изменения международной обстановки, которая эволюционировала таким образом, что делала неизбежным поиск Польшей гарантий своей безопасности в структурах НАТО.

Рассматривая возможные варианты поведения страны на международной арене после формирования некоммунистического правительства Т. Мазовецкого, можно заключить, что при всей сложности ситуации того времени набор предлагаемых для воплощения в жизнь сценариев внешней политики был, в сущности, не так велик. Выделяются следующие четыре линии.

1. Интеграция в Европейское экономическое сообщество и вступление в ряды НАТО. Именно этот вариант в результате превратился в реальность, однако в самом начале 1990-х годов он был отнюдь не очевиден. Его пропагандировали в первую очередь правоцентристские партии, хотя и в их рядах в этом отношении не было согласия. Так, накануне выборов 1991 г. «Соглашение центристских сил» братьев Качиньских высказывалось за «возможно более быстрое включение страны в общеевропейскую систему безопасности», под которой в условиях того времени могло пониматься только укрепленное и реформированное СБСЕ. Лишь через два года «Соглашение» прямо и недвусмысленно выступило за немедленное принятие энергичных усилий для вступления в НАТО [1]. Другие партии правоцентристской ориентации тоже испытывали некоторое время колебания, но к 1993 г. в целом определились со своими пронатовскими симпатиями.

2. Интеграция в ЕЭС с поиском обеспечения безопасности страны в составе широкой общеевропейской структуры на основе реформированного СБСЕ и заключения двусторонних соглашений. Эта идея одно время оказалась весьма популярной среди центристских и левых партий, но быстро утратила жизнеспособность, прежде всего, из-за того, что подобная структура так и не была создана. В качестве гипотетической версии развития событий в рамках данного варианта следует упомянуть о возможности получения Польшей статуса нейтрального государства, что совмещалось бы с членством в ЕЭС (как Австрии или Швеции). Нельзя сказать, что такой путь совсем не принимался во внимание польской политической мыслью, наоборот, в 1980-е годы требование нейтралитета являлось одним из главных лозунгов оппозиции, рассматриваясь тогда как способ ослабления зависимости от СССР. Но после распада Организации Варшавского договора (ОВД) быстро стало понятно, что занимающая позицию в центре Европы Польша является слишком важным геополитическим объектом, чтобы мировые державы согласились с ее нейтральным статусом. Поэтому, как писал бывший министр иностранных дел Б. Геремек, мечты о нейтралитете Польши «можно признать за нереальные, и в польской политике были они маргинальным предложением» [2. S. 82].

3. Концепция Междуморья, предусматривавшая ориентацию Польши прежде всего на тесный экономический, политический и военный союз с ближайшими соседями по Центрально-Восточной Европе. Она поддерживалась главным образом правыми партиями, опасавшимися растворения польской национальной идентичности в европейских структурах. Несмотря на ее кажущуюся сегодня утопичность, в начале 1990-х годов концепция Междуморья представляла собой серьезную альтернативу интеграции Польши в ЕЭС и даже получила определенное отражение в практической деятельности польской дипломатии.

4. Сохранение сильного восточного вектора внешней политики. Этот курс в основном поддерживался левыми партиями, воспринимаясь их оппонентами в качестве реликта ушедшей эпохи. Однако на значительной части рассматриваемого хронологического отрезка – до развала ОВД и СЭВ – альтернативы такой политики попросту не было. Да и позже большая часть польских политических сил признавала важность сохранения прочных отношений с восточными соседями, но наступивший на постсоветском пространстве хаос, вызванный распадом СССР, никак не способствовал развитию дальнейших связей ни в области безопасности, ни в политической и экономической сферах.

Сформированное в конце августа – начале сентября 1989 г. правительство Мазовецкого начало свою работу в весьма сложных международных условиях. Во всех остальных восточноевропейских странах (кроме Венгрии) смена режимов еще не произошла и, более того, трудно было предположить, что это случится в ближайшие месяцы. Поэтому при выработке внешнеполитического курса К. Скубишевскому, которому достался пост министра иностранных дел, необходимо было действовать осмотрительно, принимая в расчет союзнические обязательства Польши по ОВД и СЭВ и помня, что слишком решительные шаги могут взорвать всю систему сложившегося в Европе баланса сил и привести к непредвиденным последствиям. В связи с этим определяющей чертой политики Скубишевского стала осторожность. Балансируя между различными центрами силы, он заранее не отказывался ни от одной из выше рассмотренных концепций, хотя сам являлся убежденным сторонником обеспечения безопасности страны на базе модернизированного ОБСЕ, усиленного за счет создания некоего исполнительного органа.

Как заключил из разговоров с ним Я. Качиньский, Скубишевский не верил в продолжение существования НАТО, вследствие чего сфера безопасности рисовалась ему как не очень четко представляемая сеть коллективных и двусторонних соглашений [3. S. 79].

Первые контуры политики на международной арене еще только формируемого кабинета были обозначены в выступлении Мазовецкого в Сейме 24 августа 1990 г., сразу после его назначения на должность премьера. Обращает на себя внимание его подчеркнутое стремление «сохранять добрососедские и дружественные отношения с Советским Союзом» и уважать обязательства, вытекающие из Варшавского договора. В выступлении ясно обозначилось нежелание будущего правительства резко рвать с традиционной внешнеполитической линией и намерение внести в нее лишь определенные коррективы: покончить с монополией коммунистов на контакты с СССР и строить отношения между странами на основе «дружбы и сотрудничества обществ», а также активно включиться в политическую, экономическую и культурную жизнь Европы, что, впрочем, скорее ставилось условием улучшения экономической ситуации внутри страны [4. 1989. 26–28 VIII].

Несколько по-иному Мазовецкий расставил акценты в международном разделе своей правительственной программы (*exposé*), оглашенной в Сейме 12 сентября. К этому времени состав кабинета был уже сформирован, и премьер мог чувствовать себя более уверенно. Возможно, поэтому вопросы отношений с Советским Союзом и странами Варшавского договора заняли в выступлении хоть и важное, но не первостепенное место. Мазовецкий подтвердил готовность сохранять и развивать союз с СССР за счет «ратификации его обществом». Но принципы союзнических отношений должны быть изменены в пользу равноправия и взаимного уважения суверенитета.

Но все-таки главное место в *exposé* заняло западное направление внешней политики. По сути, в этом своем выступлении Мазовецкий провозгласил курс на «возвращение в Европу», заявив: «Мы жаждем открытия Польши Европе и свету [...] Мы должны наверстать упущенные возможности, особенно в сотрудничестве со странами Европейского экономического сообщества, США и другими мировыми экономическими державами». Признавая большое значение хозяйственного взаимодействия с СССР и странами СЭВ, Мазовецкий говорил о жизненной заинтересованности в тесных контактах с ЕЭС, обуславливая необходимость их развития прежде всего тем, что планируемые в Польше радикальные экономические реформы потребуют получения существенной финансовой помощи. Премьер высказывался и за укрепление отношений с ФРГ, как экономических, так и политических, предлагая за образец взять то «единство», которое было достигнуто между Германией и Францией.

Мазовецкий вновь подтвердил, что политика «возвращения в Европу» не означает отказа от союзнических обязательств Польши, причем такая позиция – это не «успокаивающий тактический ход», а убеждение, вытекающее из «понимания польского государственного интереса и анализа международной ситуации». Однако, заглядывая в будущее, он предупредил, что «если настанет день, когда европейская безопасность не будет опираться на военные союзы, мы распрощаемся с ними без сожаления. Мы верим, что такой день придет» [4. 1989. 14 IX].

Как нетрудно заметить, с самого начала внешняя политика правительства Т. Мазовецкого приняла двойственный характер, разрываясь между союзническими обязательствами по Варшавскому договору и стремлением к интеграции

с Западной Европой. В существовавших на рубеже 1989–1990 г. международно-политических условиях такой курс был очевиден и неизбежен как разумный компромисс между желаемым и возможным. Вероятно, что в тот период и Мазовецкий, и Скубишевский искренне считали, что развитие экономических отношений с Западом вполне реально сочетать с политическим и военным союзом с Востоком до тех пор, пока линии разделов в Европе окончательно не рухнут и страны континента не образуют единую экономическую общность, дополненную общеевропейскими структурами безопасности. Обвальное же крушение существующего международного порядка правительство Мазовецкого считало нежелательным, видя в этом угрозу для Польши, остающейся без должных гарантий безопасности и отягощенной грузом экономических проблем.

Адекватность внешнеполитической программы правительства Мазовецкого и ее соответствие ключевым интересам страны подтверждается тем, что она не встретила принципиальных возражений ни у одной из депутатских фракций Сейма. Можно утверждать, что по крайней мере до осени 1990 г. серьезные политики в Польше не помышляли о принципиально ином, более радикальном курсе, чем тот, который проводило министерство иностранных дел. Так, «Gazeta Wyborcza» немедленно поспешила развеять обвинения, брошенные главой Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) М. Раковским в адрес Л. Валенсы, что тот считает членство Польши в ОВД временным явлением. Согласно ее версии, Валенса говорил только о том, что и НАТО, и ОВД скоро перестанут существовать, и система безопасности в Европе будет строиться на совершенно иных принципах. Один из лидеров польской эмиграции Я. Новак-Езёранский также не сомневался, что пришедшая к власти оппозиция должна считаться с советскими интересами в сфере безопасности и не пытаться выйти из Варшавского договора [4. 1989. 6 IX; 8 IX]. Несмотря на быструю радикализацию общественных настроений, до осени 1990 г. вопрос о принадлежности Польши к ОВД и СЭВ не получил заметного развития в политическом дискурсе.

Наглядным примером сохранения остатков старого, блокового мышления стало принятие Комитетом обороны страны 21 февраля 1990 г. новой «Оборонной доктрины Республики Польша». В качестве главной угрозы в ней по-прежнему фигурировал вооруженный конфликт между НАТО и ОВД, а, следовательно, Североатлантический союз рассматривался как основной противник. В доктрине не подвергалось сомнению участие Польши в Варшавском договоре, хотя, что было новым элементом, провозглашалось право страны пересмотреть вопрос о своем членстве в союзе в зависимости от создания эффективной системы общеевропейской безопасности [4. 1990. 26 II].

На этом этапе вопрос о вхождении Польши в военно-политические структуры Запада не мог серьезно рассматриваться не только из опасения перед реакцией СССР, войска которого находились на польской территории, но также из-за отсутствия ясности в позиции НАТО по отношению к восточноевропейским государствам. В 1990 г. инерция холодной войны еще только начинала преодолеваться. Лишь в июле 1990 г. знаковый саммит НАТО в Лондоне провозгласил линию на установление партнерских отношений со странами Восточной Европы – членами ОВД, не подвергая, впрочем, сомнению перспективу дальнейшего существования Варшавского договора [5. S. 270–271].

К этому времени Польша уже завязала первые контакты с НАТО в ходе визита К. Скубишевского в Брюссель 21 марта 1990 г., имевшего значение прежде всего как важный символический жест. Более насыщенной по содержанию стала поезд-

ка в Варшаву генерального секретаря НАТО М. Вернера в середине сентября того же года. В ходе переговоров Польша поддержала Лондонскую декларацию НАТО, выразив готовность подписать договор о неприменении силы. Однако такой документ, с точки зрения польского правительства, должен быть подписан не на межблоковой основе, а каждой страной в ее национальном качестве, включая нейтральные государства. После встречи с Вернером Скубишевский заявил, что вопрос о возможном вступлении Польши в НАТО не обсуждался, поскольку «такой проблемы в польской внешней политике не существует». Он подтвердил намерение своей страны выйти из военной структуры ОВД, что, впрочем, не означало бы прекращения членства в организации, которой надлежало принять чисто консультативный характер. В свою очередь Вернер назвал членство Польши в НАТО «вопросом гипотетическим», пояснив, что речь идет о диалоге, сотрудничестве и, может быть, даже дружбе [4. 1990. 14–16 IX].

Характер отношений между Польшей и НАТО, заданный в ходе визита Вернера, сохранялся на протяжении второй половины 1990 г. и большей части 1991 г., подвергшись существенному пересмотру только после роспуска ОВД, августовского путча в Москве и распада СССР. Нельзя сказать, что мысль о более тесных контактах с альянсом, чем просто сотрудничество и партнерство, не приходила в голову польским политикам. Однако в 1991 г. ее разделяли лишь некоторые правые группировки, не делающие погоды в Сейме. А «Соглашение центристских сил», по-видимому, первым из влиятельных политических партий начавшее пропагандировать идею вступления Польши в НАТО, в рассматриваемый период еще не выработало своей четкой позиции в этом вопросе. Поэтому на протяжении 1991 г. польские официальные лица неоднократно заявляли, что их страна не имеет намерения вступать в Североатлантический союз. В частности, об этом говорил министр обороны П. Колодзейчик, будучи в штаб-квартире НАТО в мае 1991 г. [6. S. 62]. Министр иностранных дел К. Скубишевский продолжал надеяться на превращение СБСЕ в общеевропейскую систему безопасности и считал возможное расширение НАТО на восток нарушением равновесия сил в регионе. Пожалуй, не вполне разделял их взгляды президент Л. Валенса, но и он еще до конца не определился со своей позицией. Об этом свидетельствует курьезный инцидент в июле 1991 г., когда, находясь с визитом в Брюсселе, Валенса в последний момент решил опустить в своей речи фрагмент о желании Польши вступить в НАТО, чем немало удивил западных политиков, получивших ранее текст выступления, в котором соответствующий абзац присутствовал [7. S. 155–156].

Между тем шаг за шагом международная обстановка изменялась, побуждая политиков пересматривать свои взгляды. Важную роль сыграл распад структур социалистического лагеря и СССР, но этот фактор оказался не единственным и, возможно, даже не главным. Не меньшее значение имело то обстоятельство, что НАТО вопреки многочисленным прогнозам по завершению холодной войны не считала свою миссию выполненной и не самораспустилась, а стала искать новые формы, цели и смысл существования. В ноябре 1991 г. саммит организации в Риме принял новую стратегию, согласно которой НАТО предстояло занять место своего рода твердого ядра европейской безопасности, взаимодействующего с СБСЕ, ЕЭС и Советом Европы, которые, тем не менее, могли играть только дополняющую роль. Отражением нового качества союза призван был стать партнерский диалог с бывшими противниками по ОВД, осуществляемый в рамках Совета североатлантического сотрудничества (ССАС). ССАС был образован в декабре 1991 г., и Польша стала одним из его членов, хотя часть политиков с самого начала восприняла

Совет скептически, считая, что он не дает стране гарантий безопасности, а только затрудняет развитие индивидуальных контактов [8. S. 105].

Определенное влияние на изменение атлантического курса польской дипломатии оказало и начавшееся разочарование в СБСЕ, вызванное его неудачами в урегулировании конфликта в Югославии. Правда, Скубишевский продолжал верить в идею создания общеевропейской системы коллективной безопасности, однако отсутствие реального прогресса в этом направлении не могло не заставить задумываться о поиске новых гарантий безопасности своей страны.

Наконец, очень существенную и, пожалуй, решающую роль сыграл пример Венгрии и Чехословакии, не скрывавших своих атлантических aspirations. Венгрия еще в январе 1991 г. обрела статус ассоциированного члена Североатлантической ассамблеи, а президент Чехословакии В. Гавел в марте того же года объявил о намерении добиваться членства в альянсе. Опасаясь отстать от своих ближайших соседей на дороге в Европу, Польша не могла не последовать за ними, тем более что три страны согласились координировать свою европейскую политику в рамках Вышеградской группы. Не случайно поэтому первые признаки поворота в отношении Польши к НАТО стали заметны в декларации краковского саммита Вышеградской группы (5–6 октября 1991 г.), провозгласившей желание «поднять контакты с НАТО на качественно более высокий уровень» и расширить «формулу контактов с целью создания условий для непосредственного включения в деятельность союза». Конечно, это еще не было формальным выражением желания присоединиться к НАТО, но вполне очевидным и немаловажным шагом в этом направлении [6. S. 64; 7. S. 153].

Более определенно атлантические устремления Польши обозначились в период пребывания у власти правительства Я. Ольшевского (декабрь 1991 – июнь 1992 гг.). Правда, в своем *exposé* новый премьер не вышел за пределы существовавшего до тех пор курса в отношении НАТО, заявив, что «как член Совета североатлантического сотрудничества Польша будет укреплять связь с Североатлантическим союзом, потому что в нынешней ситуации мы признаем этот союз за основу европейской безопасности, а присутствие войск США в Европе за фактор стабилизации. Поэтому правительство будет стремиться к всестороннему развитию отношений с НАТО [...] Это будет политика, способствующая укреплению нашей безопасности» [9]. Впоследствии нерешительность Ольшевского подверглась суровой критике. Скубишевский объяснял отсутствие прямого указания на стремление к членству в НАТО тем, что премьер при подготовке выступления не проконсультировался с МИДом. Однако находились и те, кто утверждал, что это именно Скубишевский настоял на удалении соответствующей формулировки из текста *exposé* [8. S. 106].

Тем не менее уже через несколько недель появились совершенно явные признаки того, что правительство твердо становится на путь поиска места в альянсе. Первым об этом заговорил наиболее решительно настроенный министр обороны Я. Парыс. В конце января 1992 г. на совещании командного состава прозвучал тезис о том, что безопасность Польши и ее выход из военной изоляции требуют поиска гарантий в атлантических структурах, а также, что «сегодня уже не существует выбора между нейтралитетом и НАТО». Несколькими днями позже на пресс-конференции Парыс высказался еще яснее: «Польша хочет на длительный срок стать членом Североатлантического союза» (цит. по [8. S. 107]). Правда, ни Парыс, ни кто-либо другой из членов кабинета Ольшевского, намечая перспективу вступления Польши в НАТО, не рассматривали ее как вопрос, непосредственно

стоящий в повестке дня, а как долгосрочную цель евроатлантической политики. Наиболее определенно это выразил Скубишевский в своем ежегодном выступлении в Сейме 8 мая 1992 г. Вновь подчеркнув свой излюбленный тезис о необходимости создания на основе СБСЕ общеевропейской системы безопасности, он между тем заявил об укреплении контактов и сотрудничества Польши с НАТО, использовании всех возможностей, предоставляемых ССАС и двусторонними связями. «Цель такой политики – постепенное и фактическое включение Польши в систему безопасности этого союза. Членство является целью перспективной», – заключил он [10].

Признание членства в НАТО стратегической целью становится с этого момента неотъемлемым атрибутом польской внешней политики. Однако ни в обществе, ни даже внутри властных структур в течение 1992 г. в этом вопросе все еще не выработалось общей позиции. Свидетельством тому стала инициатива Л. Валенсы о создании НАТО-бис, оглашенная им во время визита в Германию в марте 1992 г. Разочарованный неясной политикой Запада в отношении посткоммунистических стран, президент Польши тогда предложил создать военно-политический союз, включающий государства Центрально-Восточной Европы, Балтии, Украину и Белоруссию. Конкретных очертаний идея НАТО-бис так никогда и не обрела, да и практического развития эта инициатива не получила. Более того, слова Валенсы вызвали настоящее замешательство в польском МИДе, которому о замыслах президента ничего не было известно. Скубишевскому пришлось разъяснять неожиданное предложение как «единство средств сотрудничества и взаимодействия с североатлантическим регионом», пытаясь представить дело таким образом, чтобы не подорвать у Запада доверия к Польше как будущему партнеру. Несмотря на очень прохладный прием этой концепции даже польским МИДом, не говоря уже о международном сообществе, Валенса вплоть до 1995 г. неоднократно возвращался к своей идее до 1995 г. [6. S. 121–122; 7. S. 199–200].

Опросы общественного мнения также показывали неоднозначное отношение к НАТО. В середине 1992 г. сторонники вступления Польши в альянс составляли лишь 35%, столько же высказывалось за нейтралитет государства и 30% не имели определенной точки зрения. Год спустя поддержка членства в НАТО возросла до 57%, и лишь в 1996 г. достигла 73%, сохраняясь на этом уровне до момента вступления Польши в ряды союза [8. S. 110]. Несомненно, что столь стремительный рост числа сторонников членства в НАТО стал возможен не только благодаря проводимой правительством и поддерживавшими его политическими силами агитационной кампании, но и вследствие все более глубокого осознания обществом того обстоятельства, что другого пути для обеспечения собственной безопасности у Польши попросту не существует.

Окончательное официальное формулирование стремления Польши к членству в НАТО пришлось уже на период правительства Х. Сухоцкой (июль 1992 – октябрь 1993 г.). 7 октября 1992 г. премьер заявила об этом во время визита в штаб-квартиру альянса, получив, впрочем, довольно осторожный ответ М. Вернера, что если НАТО будет готова к принятию новых членов, то Польша станет одной из первых, если не первой [7. S. 245–246]. А 2 ноября 1992 г. Комитет обороны страны принял документ под названием «Основы польской политики безопасности», определивший членство в НАТО стратегической целью Польши и наметивший основные средства по ее достижению: создание сети двусторонних соглашений в сфере безопасности с отдельными государствами НАТО и интенсификация сотрудничества в рамках ССАС [5. S. 272–279].

Оставалась, правда, еще возможность, что выбранный курс подвергнется пересмотру в случае прихода к власти левых партий. Во время избирательной кампании 1993 г. социал-демократы утверждали, что «вступление Польши в НАТО потребовало бы предварительного изменения характера этого альянса, сущность которого связана с периодом военной и политической конфронтации в мире и Европе» [1. 1993. S. 136]. Как вспоминал впоследствии Б. Геремек, они сделали критику НАТО одним из элементов своей кампании и полагали потом, что это помогло им одержать победу на выборах [2. S. 83]. Однако левое правительство В. Павляка на деле не только не внесло изменений в атлантическую политику, но и приступило к выполнению всех необходимых мероприятий по подготовке Польши к членству в НАТО. Собственно, признание левыми партиями необходимости присоединения к Североатлантическому союзу означало завершение процесса переориентации внешней политики Польши и складывание консенсуса политических элит, опирающегося на поддержку большинства общества, в отношении ее целей и задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wybory 1991: programy partii i ugrupowań politycznych. Warszawa, 2001. S. 171; Wybory 1993: partie i ich programy. Warszawa, 2001. S. 29.
2. *Geremek B.* Szansa i zagrożenie: polityka i dyplomacja w rodzinnej Europie. Warszawa, 2004.
3. Czas na zmiany. Z Jarosławem Kaczyńskim rozmawiają Michał Bichniewicz i Piotr M. Rudnicki. Warszawa, [1995].
4. Gazeta wyborcza.
5. *Golec L.* Przygotowanie instytucjonalne państwa do integracji międzynarodowej: akcesja RP do NATO // Budowanie instytucji państwa. 1989–2001: w poszukiwaniu modelu. Warszawa, 2004.
6. *Ottowski T.* Polska w procesie integracji z NATO i Unią Zachodnioeuropejską. 1991–1998. Toruń, 2002.
7. *Dudek A.* Historia polityczna Polski. 1989–2005. Kraków, 2007.
8. Polityka zagraniczna RP. 1989–2002. Warszawa, 2002.
9. Стенографический отчет о 3-м заседании Сейма 1-й каденции 21 XII 1991 г. // www.sejm.gov.pl.
10. Стенографический отчет о 14-м заседании Сейма 1-й каденции 8 V 1992 г. // www.sejm.gov.pl.

© 2009 г. В.А. СОДОЛЬ

МОНАСТЫРИ МОЛДАВСКОЙ ССР В 1945–1948 ГОДАХ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Молдавская церковь веками являлась внушительной экономической и политической силой. В Средние века и в Новое время на территории Молдавского княжества постоянно увеличивалось число «священных мест», в том числе монастырей. Все они основывались либо господарями, либо боярами, либо резешами¹ и наделялись ими землями. Землевладение монастырей неуклонно возрастало вплоть до XX в., что давало возможность обителям получать от их эксплуатации стабильные высокие доходы. Однако это положение, считавшееся нормой в условиях феодализма, не соответствовало принципам социалистического государства. С вхождением Бессарабии в состав СССР в 1940 г. местные монастыри были ликвидированы, но с началом фашистской оккупации края летом 1941 г. возобновили свою деятельность. Как известно, в ходе войны руководство СССР в целях мобилизации сил для достижения победы, перешло к сотрудничеству с религиозными организациями, продолжавшемуся и после разгрома Германии. В связи с этим практически все православные монастыри МССР продолжали функционировать.

К изучению вопросов, связанных с развитием православной церкви в Молдавской ССР, обращались многие историки. Советские авторы в своих исследованиях [1; 2] представляли церковь враждебным институтом, которому нет места в социалистическом обществе. Свое внимание они концентрировали на критике религиозной идеологии и популяризации достижений массового атеизма в Молдавии.

После распада СССР историки, писатели и журналисты обратились к изучению тех проблем истории православной церкви в МССР, на которые ранее распространялось негласное табу [3–9]. В частности, современными исследователями достаточно подробно раскрыты процессы ликвидации монастырей, роль гражданских органов власти и их пособников из среды духовенства.

В то же время практически не исследованы вопросы экономической деятельности молдавских монастырей в советский период их истории. Между тем от экономических показателей во многом зависело отношение к монашествующим со стороны советских органов власти, а также существование самих обителей, особенно в кризисные моменты, такие, как, например, в период голода 1946–1947 гг.

Содоль Вячеслав Анатольевич – старший преподаватель Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

¹ Резешы – мелкие вотчинники, жившие общинами, основанными на долевом землевладении.

В связи с этим возникает потребность изучить особенности экономической деятельности православных монастырей Молдавии в период восстановления хозяйства страны, разрушенного в годы Великой Отечественной войны. Детальная информация о землевладении и землепользовании, финансах монастырских хозяйств содержится в справках и ежегодных отчетах Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК (с 1946 г. – Совета министров) СССР по Молдавской ССР, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 6991), а также в Национальном архиве Республики Молдова (ф. 3046). Основываясь на этом богатом фактическом материале, можно охарактеризовать экономическую деятельность молдавских православных монастырей в 1945–1948 гг.

В период между мировыми войнами монастыри оккупированной Румынией Бессарабии владели тысячами гектаров земли, успешно развивали различные промыслы. Женские монастыри, например, занимались обработкой шерсти, ковроткачеством, вязанием и вышивкой. В мужских обителях главное внимание уделялось сельскому хозяйству, в частности таким его отраслям, как хлебопашество, садоводство и виноделие, что давало весьма значительные доходы. Кроме этого, ряд монастырей владел мукомольными вальцовыми мельницами, маслобойками и шерстечесалками, обслуживавшими окрестное население [10. Оп. 1. Д. 6. Л. 23]. С приходом советской администрации в июне 1940 г. на бессарабские земли и вследствие изъятия у монастырей части имущества, хозяйство последних пришло в упадок. Попытки выхода из кризиса монашествующие предпринимали во время последующей оккупации края 1941–1944 гг. Однако с прохождением фронта весной–летом 1944 г. монастырские посеы и огороды в большинстве своем были вытравлены и вытоптаны квартировавшими в монастырях фашистскими войсками, а с отступлением их из Молдавии почти все движимое имущество обителей было вывезено в Румынию. Только из Кицканского монастыря увели 12 пар волов, шесть пар лошадей, 200 овец, 10 коров; захватили шесть вагонов ячменя, восемь вагонов пшеницы, 12 вагонов кукурузы и шесть вагонов вина [8. С. 89]. Во время поста немецко-румынских, а затем и советских войск часть монастырских ресурсов была направлена на их содержание. Например, Успенский монастырь села Фрумасы Бравического района в ходе долговременного пребывания в нем румынских и немецких солдат лишился всего скота и хлеба, а также паровой мельницы [11. Оп. 2. Д. 680. Л. 2, 3]. Успенский монастырь с. Каларашевка Котюжанского района бесплатно сдал на мясо для советской армии двух волов, двух коров, четырех телят и 40 овец, предоставил 600 пудов муки, местному райпотребсоюзу передал 440 ведер различных солений (капусты, огурцов, помидоров), а трем полевым госпиталям выдал 3 т картофеля [10. Оп. 2. Д. 346. Л. 26об.]. Тем не менее хозяйство монастырей оставалось достаточно обширным. Так, по состоянию на конец августа 1945 г., 15 мужских монастырей с 416 монашествующими владели 410 га пахотных земель, 202 га фруктовых садов, 95 га виноградников, а девять женских монастырей с 1107 монашками имели соответственно 344 га, 28,5 га, 21 га угодий [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 101]. В то же время в мужских обителях насчитывалось лишь 19 лошадей и 42 вола, а в женских – 17 и 30 голов соответственно [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 101].

Однако это количество не могло обеспечить выполнение монастырями сельскохозяйственных работ. Рабочий скот был распределен между ними неравномерно и в среднем на пару волов и одну лошадь приходилось более десяти га пахотной земли, не считая других угодий. Это принуждало монахов либо привлекать

к обработке земель крестьянский скот на условиях высокой оплаты, либо передавать часть земель для обработки в счет будущего урожая. К примеру, Жабский монастырь передал крестьянам исполу 3 га земли, а Речульский – потратил более 20 тыс. рублей на оплату работы по вспашке своих угодий² [11. Оп. 2. Д. 8. Л. 52].

Пахотная земля среди молдавских монастырей была распределена неравномерно. Так, в Гербовецком, Цыганештском, Курковском и Каларашевском монастырях приходилось по 0,5 га на одного монашествующего. В Сурученском монастыре – по 2 га, а в Припиченском и Рудьском монастырях – по 4–5 га.

Высокоотоварные сады имели из мужских монастырей Гинкуловский, Гыржавский, Кондрицкий, Курковский и Гербовецкий, а из женских – только Фрумосовский. Лучшие виноградники располагались на землях Фрумосовского, Гинкуловского, Кондрицкого, Гыржавского, Гербовецкого и Каприянского монастырей [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 129].

При благоприятных погодных условиях за год монастырские хозяйства не только полностью обеспечивали продуктами собственную братию, но и приносили неплохие доходы.

В августе 1945 г. в результате обследования хозяйственного положения молдавских монастырей инспекторами Совета по делам РПЦ при СНК СССР были выделены среди них три группы. К первой группе были отнесены монастыри, имевшие потенциально мощное, способное принести значительный доход сельское хозяйство; ко второй – обители со сравнительно небольшими земельными угодьями, большей частью огородами, продукция которых шла на содержание братии; и к третьей – безземельные монастыри, братия которых жила на доходы от церкви и от кустарных заработков монашествующих.

К наиболее мощным в хозяйственном отношении мужским обителям инспекторами Совета был отнесен Вознесенский монастырь с. Гыржавка, в котором в то время подвизались 55 монашествующих. После возвращения Бессарабии в состав СССР в 1940 г. он был закрыт по распоряжению властей, но после начала Великой Отечественной войны бывшие монахи этого монастыря восстановили обитель. За время оккупации его хозяйство было восстановлено, и к середине 1945 г. он владел 43 га пахотной земли, 3 га огородов, 49 га садов, 15 га виноградников. В монастыре насчитывалось восемь голов крупного рогатого скота, 32 овцы, четыре свиноматки и 20 поросят. Землю здесь обрабатывали с помощью собственных шести плугов и четырех борон. У монахов была большая пасека с 80 ульями. В монастыре были развиты и кустарные промыслы в собственных мастерских – бондарной, столярной, портняжной, кузнечной. Сельское хозяйство приносило монастырю большой по тем временам доход – 100 тыс. рублей (за первое полугодие 1945 г.) [11. Оп. 2. Д. 8. Л. 52].

Среди экономически сильных общежительных женских монастырей был упомянут Успенский монастырь в с. Фрумосы с 30 монашествующими. Он владел 42 га пахотной земли, 2 га огородов, 14 га фруктового сада, 12 га виноградников. В монастырских прудах (занимавших 2 га) монашки занимались разведением рыбы, при обители располагалась и пасека с 20 ульями. Хозяйство монастыря включало также двух волов, двух лошадей, двух телят, 12 овец, трех поросят. Ведение хозяйства существенно облегчали два плуга, борона, соломорезка, сортировка, пресс и дробилка для винограда. Монашки и послушницы занимались также изготовлением ковров, трикотажа, высокохудожественной вышивки,

² В ценах 1945 г.

шелководством. Монастырь получал значительный доход как от сельского хозяйства – 32 тыс. рублей, так и от церковной деятельности – 27 тыс. рублей (за первое полугодие 1945 г.) [11. Оп. 2. Д. 8. Л. 52].

Одним из наиболее развитых в хозяйственном отношении считался также Дмитриевский женский монастырь в с. Варзарешты со 130-ю монашествующими. Он владел 15 га пашни, 2 га огородов, 2,5 га фруктового сада и 2,5 га виноградника. Монастырское хозяйство состояло также из четырех волов, двух лошадей, двух коров, двух телят, двух свиней и 22 овец. Из сельхозинвентаря в документах упоминаются два плуга, две бороны и виноградный пресс. Монашки производили обработку шерсти, изготавливали ковры, трикотаж, занимались шелководством [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 21].

В условиях послевоенной разрухи государство проявляло интерес к экономической деятельности монастырей. Так, уже в январе 1945 г. Управление производственных предприятий Молдавпотребсоюза заключило договор со 170-ю насельницами Речульского, Фрумосовского, Таборского, Варзарештского и Хировского монастырей. Они брали на себя обязательство по производству молдавских ковров, носков, перчаток и свитеров из государственной овечьей шерсти. По условиям соглашения монашки должны были ежемесячно сдавать продукцию, не менее 80 м² ковров, 750 пар носков, 750 пар перчаток и 120 свитеров [10. Оп. 1. Д. 5. Л. 1].

Как правило, основным источником доходов многих обителей была прибыль от реализации продукции их подсобных хозяйств. Среди мужских монастырей значительную прибыль по этой статье прихода получали Гербовецкий, Гыржавский, Добрушский, Каприянский, Кондрицкий, Курковский и Сурученский. В 1945 г. эти монастыри заработали 490 500 руб., 384 854 руб. (78,4%) из которых стали результатом реализации сельскохозяйственной продукции, поступления же от действующих монастырских церквей составили соответственно 105 646 руб. (21,6%) [10. Оп. 2. Д. 345. Л. 1; Д. 347. Л. 256; Д. 350. Л. 3; Д. 352. Л. 4; 11. Оп. 2. Д. 18. Л. 134; Д. 687. Л. 7]. При этом наибольший размер дохода от сбыта продукции получил Гыржавский монастырь – он заработал таким путем 109 322 [10. Оп. 2. Д. 347. Л. 256].

Главным источником доходов другой группы мужских монастырей (Кицканского, Припиченского, Рудьского, Сырбештского и Злотевского) были поступления от действовавших в них церквей. К примеру, из 42 058 руб., поступивших в казну Кицканского монастыря в 1945 г., выручка от деятельности церквей составила 32 238 руб. (76,6%), а от хозяйства – 9 820 руб. (23,4%) [10. Оп. 2. Д. 351. Л. 117].

Среди женских монастырей в Молдавии доходы от собственного хозяйства составляли основу жизнедеятельности в 1945 г. только для Речульской и Сахарнянской обителей. Из 119 286 руб. поступления от реализации их сельскохозяйственной продукции составили 75 886 руб. (63,6%) [10. Оп. 2. Д. 358. Л. 12; 11. Оп. 2. Д. 18. Л. 134.]. Для Варзарештского, Каларашевского, Кошеловского, Фрумосовского и Хировского монастырей главной статьей прихода были поступления от церквей. Так, из 311 842 руб., заработанных ими в 1945 г., 178 982 руб. (57,3%) составили доходы от исполнения треб и приношений верующих [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 134; Д. 358. Л. 12].

До середины 1945 г. денежными налогами и другими платежами молдавские монастыри, как правило, не облагались, за исключением натуральных поставок государству. Эта ситуация в 1945 г. была пересмотрена Правительством СССР. В результате взаимные обязательства государства и монастырей были определе-

ны двумя Постановлениями СНК СССР – от 22 и от 29 августа 1945 г. Они узаконили существование и функционирование на территории страны обителей, предписывали советским органам не препятствовать их деятельности. В частности, за монастырями были сохранены здания, земля и скот. Монахи были освобождены от уплаты налогов на землю и строения, а также за бездетность [7. С. 224]. Годом позже Постановление Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. «О православных монастырях» разрешило монашествующим заниматься промыслами, создавать мастерские. Оно же установило жесткие обязательства для монастырей по поставкам сельхозпродукции. Теперь их хозяйства должны были обеспечивать натуральные поставки по нормам высшей категории единоличного частного сектора, например: от трех центнеров продукции с гектара, по 20 кг мяса, 100 штук яиц, 250 литров молока с хозяйства в год. Кроме того, в порядке контрактации они были привлечены к сдаче государству меда, воска, шерсти. При этом были установлены такие нормы поставок, как, например, меда по 3 кг с рамочного и по 1,5 кг с дупляного улья [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 135].

Вопреки распространенному мнению, для хозяйств ряда монастырей эти нормы не были существенным препятствием для функционирования. В частности, уже упоминавшийся нами Гыржавский монастырь в 1944–1945 гг. точно и в срок выполнял условия обязательных поставок и уплаты налогов. Так, в 1945 г. его братия сдала около 32 т зерновых культур, более трех тонн картофеля, свыше семи тонн соломы, полностью выполнила обязательства по мясу, молоку, яйцам и шерсти [11. Оп. 2. Д. 18. Л. 19].

Всего же мужские монастыри³, заработав в 1945 г. 582 843 руб., заплатили советским финансовым органам 183 325 руб. страховых взносов и подоходного налога, что составило 31% их валового дохода [10. Оп. 2. Д. 345. Л. 1; Д. 348. Л. 5, 9; Д. 350. Л. 3; Д. 351. Л. 117; Д. 352. Л. 4; Д. 354. Л. 19; Д. 355. Л. 8; 11. Оп. 2. Д. 689. Л. 3; Д. 690. Л. 4].

Женские монашеские обители за тот же срок получили валовой доход в размере 449 103 руб., а на расчеты с государством потратили из них 141 084 руб. (31%) [10. Оп. 2. Д. 344. Л. 5; Д. 349. Л. 42; Д. 356. Л. 12; Д. 358. Л. 12; Д. 361. Л. 31; Д. 363. Л. 10; Д. 364. Л. 1; 11. Оп. 2. Д. 18. Л. 134; Д. 680. Л. 3].

Исходя из предоставленных монастырями данных (о землепользовании, наличии тяглого и продуктивного скота и пр.), заготовительные организации определили для них размеры обязательных поставок государству на 1946 г. Плановые показатели сдачи продукции составили для мужских монастырей⁴ по хлебу (зерно) – 55 396 кг, по мясу – 1 722 кг, по молоку – 900 литров [10. Оп. 2. Д. 345. Л. 40; Д. 346. Л. 30; Д. 347. Л. 63; Д. 348. Л. 35; Д. 350. Л. 27; Д. 351. Л. 186; Д. 355. Л. 15; 11. Оп. 2. Д. 686. Л. 9; Д. 687. Л. 8; Д. 689. Л. 3; Д. 692. Л. 9]. Для женских обителей⁵ Молдавии они составили соответственно 38 378 кг, 650 кг и 2 059 литров [10. Оп. 2. Д. 349. Л. 72; Д. 356. Л. 52; Д. 358. Л. 23; Д. 361. Л. 33; Д. 363. Л. 26; Д. 364. Л. 81, 82]. Однако климатические условия Молдавии внесли свои коррективы в эти планы.

Территория республики расположена в зоне, где два–четыре года из десяти, как правило, бывают засушливыми. В эти годы полностью погибает часть посевов и

³ По имеющимся данным, 11 монастырей, кроме Гинкуловского, Сырбештского, Цыганештского и Цыповского.

⁴ По данным 11 монастырей, кроме Гербовецкого, Рудьского, Сурученского.

⁵ По данным шести монастырей, кроме Варзарештского, Жабского и Фрумосовского.

многолетних насаждений. Сложные погодные условия для посева отмечались еще с осени 1944 г. Лето 1945 г. отличалось засушливостью и повышенной температурой воздуха. Фактически Молдавию охватила небывалая за предыдущие полвека засуха. Начало 1946 г. вновь оказалось неблагоприятным для сельского хозяйства. Зимой выпало незначительное количество атмосферных осадков, которые из-за отсутствия снежного покрова вскоре выветрились из почвы. Весной осадков было менее 20% от нормы. К тому же весна оказалась ветреной и очень жаркой. В мае было отмечено 15 дней, когда температура поднималась до 30–38 °С в воздухе и до 65 °С на поверхности земли. По своим масштабам и остроте это стихийное бедствие превзошло засуху 1921 г. и приближалось к катастрофе 1891 г. На значительных площадях погибли однолетние культуры, резко снизилась урожайность многолетних насаждений. Пострадали даже такие засухоустойчивые растения, как виноград и орех. Часть посевов погибла уже в мае 1946 г. Дожди, прошедшие в июне, уже не смогли спасти посевы колосовых. Попытка хоть как-то спасти полевые культуры от засухи с помощью агротехники не привела к успеху из-за отсутствия необходимого сельхозинвентаря. Сильнейшая засуха привела к сильному недороду, а в ряде мест к полной гибели сельхозкультур. В центральных и южных районах республики погибли почти все однолетние, часть многолетних растений. Вследствие этого по всей республике сложилось тяжелое положение с продовольствием, семенами и кормами [12. С. 263].

Засуха больно ударила и по монастырским хозяйствам. К примеру, монахам Гиржавского монастыря удалось в 1946 г. с 39,2 га посевов собрать лишь 6 465 кг зерновых культур, таким образом их урожайность в среднем составила лишь 1,6 ц/га (для сравнения скажем, что в 1945 г. этот показатель равнялся 12 ц/га) [10. Оп. 2 Д. 347. Л. 30]. Такое же положение было и у других молдавских обителей. В частности, настоятельница Сахарянского монастыря Мелетина (Трандафир) в заявлении на имя П.Н. Роменского⁶ сообщала: «Исходя из наличия пашни и фактического посева по монастырю [...] озимых 21 га, средняя урожайность [составила. – В.С.] 181 кг/га, или 3 800 кг валового сбора. Подсолнечник 6 га даст около 2 500 кг. Кукурузы около 10,8 га, урожайность 300 кг/га даст 3 600 кг. Чтобы полностью рассчитаться по обязательству с государством [13 300 кг зерновых. – В.С.], у нас не будет в наличии зерна. Кроме того, наша годовая потребность на 47 человек в среднем составляет около 12 т, чего мы из урожая 1946 г. получить не сможем» [10. Оп. 2. Д. 358. Л. 7]. Перед насельниками монастырей в полный рост встала проблема голода. Практически все настоятели монастырей в связи с этим обратились к П.Н. Роменскому за помощью. В частности, Серапион (Мардарь), игумен Гыржавского Вознесенского монастыря, отмечал в письме: «Для прокормления всего нашего коллектива из 70-ти человек на год потребуется как минимум 50 центнеров из расчета по 500 гр. на каждую душу» [10. Оп. 2. Д. 347. Л. 30]. Настоятель Курковского монастыря Иннокентий (Павловский) просил советские исполнительные органы предоставить продовольствие на 60 человек, по 20 кг в день, мотивируя просьбу тем, что в противном случае монахи умрут от голода [10. Оп. 1. Д. 15. Л. 52]. Многие другие монастыри тоже обращались к Уполномоченному с просьбами освободить их обители от зернопоставок за 1946 г. и отсрочить их на 1947 г., обещая при хорошем урожае полностью выполнить свои обязательства перед государством. София (Пацевич), настоятельница

⁶ Петр Николаевич Роменский – в 1945–1959 гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР по Молдавской ССР.

ница Каларашевского монастыря, обстоятельно объяснила причины подобного своего шага: «Исключительно неурожайный 1946 год [...] не только не оправдал ожидаемых надежд, но и не дал возможности собрать то количество зерновых продуктов, которые необходимы в будущем году для обсеменения наших полей, не говоря уже о пропитании.

[...] Персонал монастыря состоит из 110 душ, из которых 76 старух, ввиду преклонного возраста нетрудоспособны, а для пропитания всего этого персонала нужно самое меньшее по 100 гр. на человека ежедневно» [10. Оп. 2. Д. 349. Л. 57].

Ситуацию усугубляло и то обстоятельство, что количество насельников монастырей в 1946 г. увеличилось до 1 596 человек [9. С. 588].

Однако руководящими органами было установлено, что хлебозаготовки 1946 г. должны носить «классовый» характер, в связи с чем основную нагрузку предписывалось возложить на «кулацко-зажиточный слой» с целью изъятия излишков хлеба для спасения неимущих масс молдавской деревни от голодной смерти. Монастырские хозяйства были приравнены к хозяйствам крестьян-единоличников, поэтому от сдачи госпоставок они не только не освобождались, но и были обязаны сдавать их в соответствии с плановыми показателями и точно в срок. Чтобы выполнить это предписание, монашествующие были вынуждены закупать зерно на рынке, сдавать семенной материал, забивать продуктивный и тягловый скот [7. С. 227]. Так, игуменья Таборского монастыря Мавра сообщала П.Н. Роменскому: «Обязательство наше о сдаче зерновых культур есть 1 875 кг, из которых 780 кг из нашего (зерна. – В.С.) и еще покупали и сдали государству» [10. Оп. 2. Д. 361. Л. 29]. В некоторых случаях для выполнения плана местные заготовительные организации шли на такие жесткие меры, как опись имущества неплательщиков. Например, Уполномоченный министерства заготовок Кишиневского района описал имущество Сурученского монастыря (одна корова, 22 овцы и 1 т зерна) за невыполнение поставок зерновых, шерсти, брынзы и молока (8 410 кг, 15 кг, 12 кг и 200 литров соответственно) [10. Оп. 1. Д. 12. Л. 130]. Однако изредка местные органы все-таки шли навстречу жалобщикам и разрешали отсрочить сдачу хлеба государству [10. Оп. 1. Д. 12. Л. 201].

Благодаря этим крайним мерам, в 1946 г. молдавским обителям в целом удалось выполнить план государственных заготовок. Так, мужскими монастырями план хлебозаготовок был выполнен на 76,6% (сдано 42 486 кг), женскими – на 65,3% (сдано 25 071 кг), мясopоставка и молокопоставка всеми монастырями были выполнены полностью [10. Оп. 2. Д. 345. Л. 40; Д. 346. Л. 30; Д. 347. Л. 63; Д. 348. Л. 35; Д. 349. Л. 72; Д. 350. Л. 27; Д. 351. Л. 186; Д. 355. Л. 15; Д. 356. Л. 52; Д. 358. Л. 23; Д. 361. Л. 33; Д. 363. Л. 26; Д. 364. Л. 81; 11. Оп. 2. Д. 686. Л. 9; Д. 687. Л. 8; Д. 689. Л. 3; Д. 692. Л. 9].

Вместе с тем со сдачей зерна государству возникли существенные затруднения у девяти из 24 обителей. Так, сдали (в процентах от плана) заготовительным организациям монашествующие Курковского монастыря – 12,4%, Кицканского – 4,6, Кондрицкого – 17,1, Злотевского – 53,4, Гыржавского – 66,6, Каларашевского – 46,1, Речульского – 23,8, Таборского – 57,5 и Хировского – 32,5%.

Однако план заготовок сельхозпродукции на 1947 г. для монастырей был определен без учета неблагоприятных природных условий. Хозяйства мужских монастырей получили обязательство сдать государству 68 525 кг зерновых культур, 2 130 кг мяса, 1 620 литров молока [10. Оп. 2. Д. 345. Л. 40; Д. 347. Л. 63; Д. 348. Л. 40; Д. 350. Л. 27; Д. 351. Л. 186; Д. 355. Л. 48; 11. Оп. 2. Д. 685. Л. 6; Д. 686.

Л. 5; Д. 687. Л. 20, 21; Д. 690. Л. 2; Д. 692. Л. 6]. Для женских монастырей план заготовок составил соответственно 39 394 кг, 648 кг и 2 610 литров [10. Оп. 2. Д. 344. Л. 59; Д. 349. Л. 72; Д. 356. Л. 52; Д. 358. Л. 23; Д. 361. Л. 33; Д. 363. Л. 26, 28; Д. 364. Л. 81, 82, 94]. Фактически нормы обязательных госпоставок монашествующими зерновых культур возросли на 115%, мяса на 117%, молока на 142%. При этом монастырское землевладение за 1946 – начало 1947 г. сократилось на 372,4 га, что составило 55,2% от земфонда 1945 г. Мужские монастыри лишились 92,7 га (31,9%) пахотных земель, 22,3 га (34,6%) виноградников, 127,9 га (72,8%) фруктовых садов. Сокращение землевладения женских обителей составило соответственно 99 га (38,7%), 12,5 га (59,6%) и 18 га (79%) [10. Оп. 2. Д. 344. Л. 27; Д. 345. Л. 39; Д. 346. Л. 29; Д. 347. Л. 62; Д. 348. Л. 34; Д. 349. Л. 72; Д. 350. Л. 26; Д. 351. Л. 185; Д. 354. Л. 35; Д. 355. Л. 14; Д. 356. Л. 51; Д. 358. Л. 26; Д. 360. Л. 31; Д. 361. Л. 42; Д. 362. Л. 15; Д. 363. Л. 26; Д. 364. Л. 80; 11. Оп. 2. Д. 686. Л. 8; Д. 689. Л. 3; Д. 690. Л. 1; Д. 692. Л. 8]. Как правило, молдавские монастыри под давлением неблагоприятных обстоятельств сами просили местные Советы или районные исполнительные комитеты забрать у них часть земель. Например, только Гиржавский монастырь весной 1947 г. передал государственным и общественным организациям 20 га садов [10. Оп. 2. Д. 347. Л. 62].

В начале 1947 г. в республику из центра был направлен заместитель председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин с группой ответственных работников. После их прибытия в Молдавию было дополнительно направлено продовольствие, денежные средства, топливо, корма для животных, семена и др. [12. С. 265]. В пору весеннего сева возрос поток заявлений от настоятелей монастырей на имя П.Н. Роменского с просьбой предоставить их хозяйствам семенную ссуду. Всего для засева монастырских полей требовалось 8 775 кг ячменя, 4 750 кг овса и 1 800 кг кукурузы [10. Оп. 1. Д. 15. Л. 94, 95, 179].

Однако заготовительные органы выдали монашествующим на 23,9% меньше семян, чем требовалось, ссуда предоставлялась на условиях возврата из урожая 1947 г. с дополнительным начислением одного центнера семян на каждые десять центнеров выданного зерна [11. Оп. 2. Д. 61. Л. 5]. В то же время местные артели и колхозы освобождались как от недоимок по госпоставкам, так и от возврата натуральных ссуд [12. С. 262]. Тем не менее и эта помощь со стороны государства стала значительным подспорьем для вывода хозяйств обителей из кризиса. Уже в 1947 г. валовой сбор сельскохозяйственной продукции у мужских монастырей составил 321 975 кг, а у женских – 107 606 кг [10. Оп. 2. Д. 344. Л. 57; Д. 345. Л. 50; Д. 346. Л. 46; Д. 347. Л. 81; Д. 349. Л. 103; Д. 350. Л. 31; Д. 351. Л. 195; Д. 354. Л. 43; Д. 355. Л. 24; Д. 356. Л. 88; Д. 358. Л. 28; Д. 360. Л. 31; Д. 361. Л. 41; Д. 363. Л. 43; Д. 364. Л. 93; 11. Оп. 2. Д. 692. Л. 4]. Один только Вознесенский Гиржавский монастырь, засеяв более 40 га, собрал 57 500 кг различных культур, из них 19 500 кг зерновых (урожайность составила 6,4 ц/га) [10. Оп. 2. Д. 347. Л. 62, 81]. Среди женских монастырей наибольший урожай собрал Успенский Каларашевский – 25 800 кг, из них зерновых – 12 100 кг (урожайность составила 9,1 ц/га) [10. Оп. 2. Д. 349. Л. 103].

Благоприятные погодные условия позволили монашествующим в 1948 г. собрать значительный урожай: в мужских монастырях 457 000 кг, а в женских – 130 780 кг, что в целом на 136,8% превысило показатель предыдущего года [10. Оп. 2. Д. 344. Л. 57; Д. 345. Л. 50; Д. 346. Л. 46; Д. 347. Л. 81; Д. 349. Л. 103; Д. 350. Л. 31; Д. 351. Л. 195; Д. 354. Л. 43; Д. 355. Л. 24; Д. 356. Л. 88; Д. 358. Л. 28; Д. 360. Л. 31; Д. 361. Л. 41; Д. 363. Л. 43; Д. 364. Л. 93; 11. Оп. 2. Д. 686.

Л. 2; Д. 692. Л. 4]. Среди мужских обителей рекордный урожай вновь удалось получить монахам из Гыржавки – 99 550 кг (из них доля зерновых составила 19 450 кг при урожайности 6,7 ц/га), а из женских – насельницам Кошелевского монастыря – 25 360 кг (доля зерновых – 12 730 кг при урожайности 8,5 ц/га) [10. Оп. 2. Д. 347. Л. 81; Д. 364. Л. 93].

Однако изменение политики советского государства по отношению к РПЦ летом 1948 г. привело к резкому росту размеров налогообложения и натурпоставок для монастырей [13. С. 41]. К примеру, за страхование скота стали взимать по 600 руб. с головы вместо прежних 300 руб. в год [10. Оп. 1. Д. 17. Л. 80]. В целом налогообложение монастырских хозяйств в 1948 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 21 579 руб. (12,3%). Но в то же время и доходы монастырей возросли на 377 308 руб. (26,6%) [10. Оп. 2. Д. 344. Л. 58; Д. 345. Л. 51; Д. 346. Л. 46; Д. 347. Л. 82; Д. 348. Л. 40; Д. 349. Л. 105; Д. 350. Л. 32; Д. 351. Л. 196; Д. 354. Л. 43; Д. 355. Л. 26; Д. 356. Л. 90; Д. 358. Л. 29; Д. 360. Л. 31; Д. 361. Л. 42; Д. 363. Л. 45; Д. 364. Л. 94; 11. Оп. 2. Д. 685. Л. 5; Д. 686. Л. 5; Д. 687. Л. 20; Д. 692. Л. 5]. Так, наибольший доход из мужских обителей получил Гыржавский монастырь – 355 755 руб. [10. Оп. 2. Д. 347. Л. 82]. При этом доля от реализации продуктов собственного хозяйства составила 88,3%. Среди женских обителей наибольший доход в 1948 г. получил Троицкий монастырь в с. Сахарна – 96 846 руб., причем 94,3% суммы составили деньги от реализации продукции хозяйства [10. Оп. 2. Д. 358. Л. 29].

Тем не менее, увеличение налоговой нагрузки до 30–50 тыс. рублей для некоторых монастырей стало непосильным, что вызвало их закрытие. Такая участь постигла в 1947 г. Кондрицкий и Фрумосовский, а в 1948 г. – Рудьский монастыри [7. С. 226].

Положительные изменения в государственно-церковных отношениях, проводившиеся в СССР с 1943 г., были юридически закреплены в 1945–1946 гг. и благоприятно сказались на функционировании институтов РПЦ. Это особенно заметно на примере хозяйственной деятельности молдавских монастырей, составлявших треть всех монастырей Советского Союза.

На протяжении 1945–1948 гг. валовой доход молдавских монастырей возрос с 899 102 руб. до 1 790 633 руб., т.е. почти в два раза. Главной статьей прихода в монастырскую казну стала прибыль от реализации продукции собственного хозяйства, доля которой увеличилась с 50,8% до 90,4%. При этом валовой сбор сельхозпродукции возрос с 429 581 кг до 587 780 кг, т.е. более чем на треть. Таким образом, молдавские монастыри не только полностью обеспечивали своих насельников всем необходимым, но и полностью выполняли свои обязательства перед государственными организациями. В целом 1945–1948 гг. стали временем восстановления экономической мощи молдавских монастырских хозяйств, показавших большие способности к выживанию в условиях послевоенной разрухи.

Однако религиозные институты продолжали рассматриваться советскими властями в качестве классового врага, а терпимое отношение к церкви воспринималось и одной, и другой стороной как временное явление. Это приводило к систематическому вмешательству местных гражданских органов во внутренние дела монастырей, что выражалось, в частности, в неуклонном сокращении землевладения молдавских обителей в 1945–1948 гг. (пахотных земель, садов и виноградников) – с 830,9 га до 449,7 га (в 1,8 раза). Кроме того, классовый подход к взиманию госпоставок и налогов привел к их увеличению за четыре года в 1,5 и в 1,6 раз соответственно. Вследствие этого несколько экономически слабых монастырей были закрыты.

В августе 1948 г. принципы государственно-церковных взаимоотношений были пересмотрены. На смену послевоенной «оттепели» пришла очередная волна наступления советских органов на молдавское монашество, конечным итогом которого стало закрытие местных обителей в начале 1960-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабий А.И.* Православие в Молдавии: история и современность. Кишинев, 1988.
2. *Бабий А.И., Гольденберг М.А., Табакару Д.Н.* Преодоление религии и утверждение атеизма в Молдавской ССР. Кишинев, 1983.
3. *Beșleagă V.* Cruci răsturnate de regim Mănăstirea Răciula. 1959. Chișinău, 2006.
4. *Locașuri sfinte din Basarabia.* Chișinău, 2001.
5. *Mănăstiri Basarabene.* Chișinău, 1995.
6. *Tihonov L.* Politica statului sovietic față de cultele din R.S.S. Moldovenească. Chișinău, 2002.
7. *Иосиф (Павлинчук), иеромонах.* Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004.
8. *Ириней (Тафуня), иеромонах.* История Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря. Ново-Нямецкий монастырь, 2004.
9. *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. М., 1994.
10. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 3046.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991.
12. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002.
13. *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 гг. СПб., 1995.

© 2009 г. Л.А. МАЛЬЦЕВ

«ДНЕВНИК» ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА: РЕФОРМА ЖАНРА

«Я воскликнул, что я не писатель, не член чего бы то ни было, не метафизик, не эссеист, что я – это я, вольный, свободный, живой... Вот как, сказали, значит, вы экзистенциалист»

Витольд Гомбрович [1. Т. III. S. 127]

Трехтомный «Дневник» (1953–1969) – исключительно важное явление, позволяющее состыковать литературные традиции «человеческого документа» с экзистенциализмом XX в. Тогда как «Фердидурке» может считаться «польской формулой» «стихийного» экзистенциализма (А. Сандауэр) или проявлением того, что Гомбрович был «экзистенциалистом до экзистенциализма» (К.А. Еленьский), «Дневник» является программным экзистенциалистским трудом, проблематика которого теснейшим образом связана с новаторской поэтикой дневникового жанра.

В 1940-е годы, период фактического исключения из литературы, Витольд Гомбрович обдумал программные положения будущей реформы творчества. Уход от «ангажированной» позиции и поворот к «приватности»¹ ставит автора лицом к лицу с читателем. В 1930–1940-е годы Гомбрович не выдает особых пристрастий к дневникам², но в период сотрудничества с «Культурой» (1950–1969) находит в «Дневнике» потенциал самораскрытия. В апрельском номере журнала «Kultura» за 1953 г. публикуется первая дневниковая («фельетонная») запись. В 1956 г. выходит в свет первый том, демонстрирующий реформу жанра.

Поворот к «приватному» творчеству парадоксально сочетается с идеей публикации дневника. Идею-оксюморон «приватно-публичной» коммуникации отражает переписка с редактором Гедройцем. В письме от 6.VIII.1952 г. писатель заявляет, что чувствует себя «призванным» к написанию дневника. В качестве

Мальцев Леонид Алексеевич – канд. филол. наук, доцент Калининградского университета.

¹ В 1940-е годы Гомбрович написал ряд статей-«манифестов», красной нитью которых была мысль о новой тенденции к «приватности», о выведении формулы «психического», «духовного» сотрудничества с читателем. Эти идеи будут воплощены в «Дневнике». См.: «Отношение католицизма к новым течениям в искусстве», «Мы и стиль», «Искусство и скука» (все – 1944) [2].

² Исключением был опубликованный в журнале «Осеапо» (Буэнос-Айрес, 1944) «Дневник из Рио Цебалос», в котором Гомбрович всего несколькими штрихами создал блестящую картину аргентинских нравов. В этом «случайном» наброске угадывается будущий автор одного из лучших литературных дневников XX в.

ориентира он избирает дневник Андре Жида, который «не то чтобы вдохновил, но указал возможность преодоления некоторых принципиальных трудностей [...] (я думал, что дневник должен быть «приватным», но он открыл мне возможность приватно-публичного дневника)». В ответном письме от 11.VIII.1952 г. Гедройц допускает, что форма дневника не просто модна, но «словно придумана» для Гомбровича. Для самоопределения в новом жанре он рекомендует обратиться к творчеству не только Жида, но и Мориака, Ж. Грина, Дю Боса и Майн де Бирана [3. S. 59–60].

Гомбрович – создатель комбинированного дневника-«вызова» с ярко выраженным игровым заданием³. Дневник будто выходит за пределы себя, обогащаясь романскими (см. [5. S. 25]) или драматургическими чертами. Как и в романах, героем «Дневника» выступает Гомбрович-персонаж – «Гомбрович в кавычках» [6. С. 154] – в разнообразных отношениях с миром: дружественных, враждебных или равнодушных. Как и в драматургии, слова «Дневника» будто расписаны по ролям: читателей и критиков, доброжелателей и недоброжелателей.

Менее всего книга напоминает документальную хронику. Делая ставку на вымысел, автор с легкостью изменяет протокольному изложению фактов. «Дневник», по метафорическому определению автора, – «на правах поэмы», т.е. «выражает мир через чувство и чувство через мир» [1. Т. III. S. 190]. Может показаться, что «Дневник» сближается с «лирической», исповедальной группой, если бы Гомбрович не ставил проблему границ исповеди. По его мнению, предельно искренен только тот, кто признается в неискренности. Вместо того чтобы выговариваться до конца, автор осознанно создает свой искусственный образ на глазах читателя. В «Дневнике» продемонстрирован процесс «становления», «конструирования» себя [1. Т. I. S. 57–58]. Именно с демонстративной целью Гомбрович выдвигает в начало трехтомника четверной девиз: «Понедельник. Я. Вторник. Я. Среда. Я. Четверг. Я» [1. Т. I. S. 9]. Девиз здесь – и общая формула жизни и творчества, и – в переносном значении – возможная надпись (эмблема) на личном гербе⁴, и – также в переносном значении – разновидность «псевдонима». Гомбрович создает наброски автопортрета, которые напоминают оригинал, но не тождественны ему.

До поры до времени Гомбрович пишет на страницах журнала «Kultura» «фельетонный дневник» [7. S. 90], сближаясь с публицистикой. Автор вынужден вести изнурительную и унижительную войну с «фельетонами» [1. Т. I. S. 194–196], т.е. с их авторами, «опускаясь» до поверхностности, небрежности, даже банальности. Сам же говорит, что занимается подобным «без охоты» [1. Т. I. S. 56]. Впрочем, унижительная самооценка не исключает достоинств фельетона. Отдельные страницы «Дневника» пишутся будто бы в продолжение остроумных «Еженедельных хроник» Антония Слонимского, литературного наследника Пруса. Это одно из немногих произведений, о которых Гомбрович отзывался с похвалой. «Эпизоды и фрагменты битв, ведущихся с переменным успехом во времена двадцатилетия» [8. S. 12], по мнению автора «Дневника», сообщили обличительный заряд прозе тридцатых годов. Но сила фельетона – «в прокалывании воздушных шаров» [1. Т. I. S. 258], жанр выполняет необходимую «разрушительную» работу,

³М. Черминская обоснованно утверждает: «Одинокое (а в последствиях самоубийственное) самосозерцание Нарцисса (Гомбрович. – Л.М.) заменил режиссированным спектаклем [...] Гомбрович начал игру, втягивающую читателей в действие, вызывающую письма читателей, включающую полемику с ними в рамках дневника» [4. S. 39].

⁴Известны игры Гомбровича в аристократа: навязывание другим разговоров о собственной генеалогии или «самопровозглашение» графом.

не обнаруживая центростремительной энергии. Гомбрович пытается преодолеть «деструктивную» инерцию фельетона.

Четверной девиз – знак «Дневника» как Целого. Значение девиза раскрывается всем последующим текстом трехтомника. Сами по себе четыре «я» могут казаться проявлением анархического эгоцентризма – и не больше. Они могут скомпрометировать автора в глазах читателя. Но, независимо от скептических оценок извне, девиз выступает в роли стержня художественной конструкции. Оси, без которой «Дневник» мог бы рассыпаться на фельетоны.

Первые «фельетонные» записки Гомбрович публикует без четырех «я». В процессе подготовки книжного издания он изобретает девиз, выдвигая позднюю запись на первое место. Тем самым Гомбрович отказывается от «линейной» (хронологической) последовательности дневникового времени. Его «Дневник» не фиксирует жизнь в естественном, заданном течении, но пересоздает жизнь по законам романа. Это скрупулезно разработанный дневник-«роман», сродни «Тошноте» Сартра или «Уединенному» Розанова⁵.

«Эгоцентрическим» девизом заканчивается фаза «самонастройки», начинается процесс «строительства» текста. В уничтожающих обстоятельствах Гомбрович находит себя и свое место в бытии: «Отовсюду доходили строгие напоминания: ты ничто, забудь о себе, живи другими! Когда я написал мое «я» в четвертый раз, то почувствовал себя Антеем, земли коснувшимся. Нашел, наконец, почву под ногами!» [7. С. 91]. Обретение «почвы под ногами» имеет двойной смысл: мировоззренческий и формообразующий. В первом смысле утверждается первичность «я» и вторичность «мы», ведется спор с приверженцами обратной логики. Подвергаются критике доктрины (марксизм и клерикализм), которые, по мнению Гомбровича, несправедливо «обругали “я”». Во втором смысле выделяется «я» как устойчивый элемент, без которого невозможно представление «Дневника» в виде системы.

Значение девиза характеризует заведомое обнаружение, демонстрацию «тайн ремесла». Но явность может быть достоверной или эфемерной: автор либо откровенен, либо «откровенничает» с читателем, пряча за громким девизом секретную пружину творчества. Эта «пружина» может скрываться даже от автора: тогда, споря с критиками, он ставит опыты «автоинтерпретации».

«Дом строят, начиная с фундамента, а роман – с крыши», – по Милораду Павичу. «Дом» Гомбровича выявляет этот парадокс романа, рожденного «под знаком Рака» [10. С. 12]. Четыре «я» – это «крыша», верхняя точка, с которой, как ни парадоксально, начинается возведение (точнее – «низведение») сооружения. Тогда как «фундамент» надежно спрятан, «крыша» доступна невнимательному, рассеянному, даже поверхностному взгляду. Гомбрович заявляет принцип: выставлять напоказ, шокировать предельной открытостью. Но на практике даже ригористическая открытость не приводит к стопроцентной откровенности.

Написав четыре «я», Гомбрович выделяет субъект, скрывая предикат суждения. Перед читателем *tabula rasa*, мысль в нулевой точке. В качестве первого «хода»

⁵ Е. Яжембский замечает гибридный характер «Дневника» – с одной стороны, документально-художественная фиксация хаотичного движения, с другой – сотворение «космоса» (художественного порядка, гармонии): «Контрапункт переменчивости, текучести (событий, времени) – и постоянства одного лишь элемента: «Я», которое словно стежком прошивает это разнообразие [...] контрапункт жизни как бесконтрольного, непредвиденного бега событий, а с другой стороны, навязанной *ex post* структуры» [9. С. 174].

напрашивается естественное «я есть»⁶. Но ему практически сразу противопоставляется «я хочу быть» (тождественное у Гомбровича с «я хочу казаться»⁷). Между «я» действительным и «я» кажущимся на страницах «Дневника» разгорается «поединок».

Сразу заявляет о себе «я» кажущееся (в нем Гомбрович видит свою оригинальность): «Другие дневники должны иметь к моему такое же отношение, как слова «я есть такой» к словам «я хочу быть таким»» [1. Т. I. S. 58].

Декларируя стремление не «быть», а «хотеть быть» («казаться»), автор критикует соотечественников... за те же самые стремления, которые свойственны и ему: «Мы слишком «хотим быть» такими, а не иными, вследствие чего мы слишком мало есть» [1. Т. I. S. 172].

Действительное «я» ставится на пьедестал – не в будущем, а здесь и сейчас: «Я есть [...] Слово «я» такое принципиальное и первородное, оно полнится такой осязаемой и достоверной жизнью, это такой безошибочный путеводитель и строгий критерий, что вместо того, чтобы презирать его, следовало бы пасть перед ним на колени» [1. Т. I. S. 179].

Автор снова «поучает» своих коллег по перу: «Или ты есть кто-то, или не есть, нельзя фабриковать себя искусственно» [1. Т. I. S. 26].

«Ода» эгоцентрику превращается в «эпитафию» по нему. «Я» становится невыносимым самому себе: «Я есть. Слишком есть [...]. Я есть и есть до такой степени, что это выбрасывает меня за грань природы» [1. Т. I. S. 271].

Противопоставляя личностный характер искусства «обезличенной» науке, Гомбрович выдвигает два неравнозначных, по сути, тезиса: на творениях «оттиснут единственный и неповторимый характер творца, как печать удостоверяющая, что это принадлежит мне, это мое, это я» [1. Т. II. S. 272]; «Но художник отличается от ученого тем, что он хочет быть собой...» [1. Т. II. S. 277]. Между суждениями «я есть» и «я хочу быть» («я хочу казаться тем-то») здесь поставлен знак равенства. В границах художественного вымысла целеполагание отождествляется с достижением цели.

Гомбрович будто бы движется путем актуализации, реализации себя, чтобы убедиться в гибельности этого пути. Состоятельность «я» равнозначна для Гомбровича определенности, замкнутости, а значит – безжизненности. Равнозначна «форме», от которой требуется убежать. Между волей к самореализации и бегством от самоопределения рождается коллизия «Дневника». «Антей», о котором идет речь в «Завещании», стоит на земле, которая то уходит из-под ног, то обретается, то вновь уходит и т.д. Точка опоры исчезает, появляется, чтобы опять исчезнуть – и так по кругу до бесконечности.

Нестабильность «я» вызвана погружением в сферу «межчеловеческого» («я» – «другие»). В зависимости от обстоятельств «я» либо господствует над «другими», либо подпадает под их власть, либо пребывает в зыбком равновесии с ними. Но в любых обстоятельствах «я» порождает устойчивый вектор деятельности:

⁶ Подчеркивания здесь и далее мои.

⁷ «Хотеть быть», по Сартру, сопряжено с выбором «проекта» самоосуществления. Человек решает быть кем-то, и обратной дороги нет. «Казаться», наоборот, может означать отказ от воплощения себя. В такой ситуации никогда ни поздно «взять слова назад». По Гомбровичу, человек – это, по определению, «не подлинное» существо («быть человеком – значит быть актером, быть человеком – значит притворяться человеком...») [1. Т. II. S. 9]. В таком смысле «хотеть быть» и «казаться», как ни парадоксально, являются синонимами. Любой «проект» («я хочу быть») не является окончательным. В понедельник можно «хотеть быть» одним, во вторник другим и т.д.

освободиться из-под внешнего влияния, чтобы влиять на окружающих. В русле этой стратегии автор то и дело меняет тактику: противореча себе, примеряя и внезапно срывая маски, шокируя критика и читателя.

Исходное правило Гомбровича – избегать «автодидактического “мы”» [1. Т. I. S. 18–19]. Высказываясь от «мы», автор рискует попасть в рабство к «форме». В концовке I раздела прозрачно объясняется именно этот смысл девиза: «я, я, я, я» есть вид речевого упражнения, памятка-предостережение тем, кто злоупотребляет «мы». Вместо «растворения» «я» в «мы», ставшего, по Гомбровичу, недоброй традицией публицистики, предлагается модель открытого противоборства «я/вы». Кому Гомбрович говорит: «Иду на Вы»? Во-первых, послевоенной интеллигенции, оставшейся в Польше и «принявшей» коммунистическую «веру» («Такова судьба ваша, таков путь, старые знакомые, друзья-товарищи с Земьянской или из Зодиака – здесь я – там вы – так все определилось – так разоблачилось» [1. Т. I. S. 20]). Во-вторых, хору воинствующих публицистов и критиков эмиграции, антикоммунистических фанатиков, исповедующих принцип «кто не с нами – тот против нас». Оппозиционно обоим «вы» внепартийное и надпартийное «я» Гомбровича. Писатель обращается ни к «краю», ни к «эмиграции», а к Польше, Полякам. Голос «я» в новом качестве возвышается до «пророческого» воодушевления. Правда, возведение в ранг «пророка» воспринимается не иначе как пародийный прием: «В некоторой мере я чувствую себя Моисеем. Забавна, по правде говоря, моя склонность к преувеличению на свой счет. В мечтах я раздуваюсь, как могу. Ха, ха, почему – спросите – я чувствую себя Моисеем? Сто лет тому назад литовский поэт выковал форму польского духа, сегодня я, как Моисей, вывожу поляков из неволи этой формы, поляка из него самого вывожу» [1. Т. I. S. 59]. Избежав растворения в «мы» и противопоставив себя «вы», автор пытается «извлечь» из «вы» других, принуждая к игре по новым, более свободным правилам: «Во мне освобождается скрытый поляк, ваше *alter ego*, обратная сторона вашей медали, невидимая половина вашей луны» [1. Т. I. S. 60–61]. Но в действительности за вольнолюбивыми декларациями скрыт властолюбивый инстинкт: «я» пытается пересоздать других по своему «образу и подобию».

Гомбрович выступает в роли автокомментатора. Он прибегает к самоподсказкам (я/я), производя операцию раздвоения «я» – на участника «драмы жизни» и ее «стороннего» наблюдателя. Второе «я» выступает на поверхность в автоматических фрагментах. С середины «Дневника» звучит «второй голос» [1. Т. II. S. 157], комментарий от третьего лица, выделенный курсивом. Это грамматический эксперимент: привычно высказываясь только от первого лица, автор боится не «выговорить» себя до конца. Дефицит «второго голоса» особо ощутим в условиях эмиграционной изоляции. Голос «за кадром» служит потребности в «компенсации»: услышать о себе «со стороны», увидеть свой портрет, – «объективировать» себя. В новом «зеркале» узнать *Гомбровича* – неожиданного, неприемлемого или даже неприятного.

Автокомментарии могут стать мишенью критики: пусть автор не толкует себя, а предоставит поле интерпретации читателю⁸. Но когда в «дуэт» автора и читателя вторгается хор критиков, Гомбрович создает щит в лице «двойника», посредника между собой и «хором». Корреспондентам-скептикам пишет: «Живет во мне убеждение, что автор, не умеющий писать о себе, неполон» [1. Т. I. S. 61].

⁸ Противоположное Гомбровичу желание высказывает Умберто Эко: «Пусть каждый интерпретирует как хочет» [11. С. 5].

Таким образом, включается режим самодостаточности писателя-критика: если автор не в состоянии отмахнуться от критиков, то он овладевает их ремеслом, борется с ними их же оружием. Гомбрович исповедует принцип: лучшая защита – нападение. Он выводит соперников из себя, вытесняет из стихии, в которой те – как рыбы в воде. Отнимает «у этих умов силу приговоров» [1. Т. II. S. 224], высказываясь резко, уничижительно, насмешливо. Гомбрович преследует «утопическую» цель: утвердить собственный канон комментария, по которому его представлял бы читатель; написать антипод «открытого произведения», книгу, которая читается «под руководством» автора.

Оппозиция я/«Гомбрович» условна. Тактическое раздвоение «я» в борьбе с критиками невообразимо как реальный факт. Читатель понимает, что перед ним не два независимых лица, но единое «я», названное двойко. Гомбрович играючи вызывает тень критического двойника, чтобы потом с легкостью забыть о нем. Иначе в мемуарных фрагментах. Оппозиция молодой/пожилой, «он»/я онтологически неизбежна: трудно связать два возраста, разделенные временем. Когда автор вспоминает свою юношескую любовь и литературный дебют, путешествие через Атлантику и первые месяцы в Аргентине, то натывается на стену. Он пишет с вынужденным отчуждением. Стареющему автору хочется, но не удается «состыковаться» с собственной молодостью. Эксперимент мемуариста диаметрально противоположен опыту критика: Гомбрович не «делит» неделимое «я», а организует «стыковку» «я» прошлого и настоящего в движении на встречах на курсах – из Европы в Латинскую Америку (1939) и из Латинской Америки в Европу (1963). На борту корабля «Хробры» – молодой автор «Фердидурке», всматривающийся в будущее, на борту «Федерико» – пожилой автор «Дневника», ищущий следы прошлого.

Второй «трансатлантик» написан в двух жанровых модификациях: воспоминаний о только что преодоленном пути (раздел VII тома III «Дневника») и собственно путевого «журнала» (раздел VIII). Гомбрович движется не от процесса к результату, а от результата к процессу⁹. Сначала он объявляется в Западном Берлине, удивляя читателя. Затем, шаг за шагом, *ex post*, описывает, как это «случилось». Как бы в подкрепление, приводит «спонтанные» записки по ходу движения судна. В двух разделах находим разные образы «встречи». В воспоминаниях – вполне реалистический, данный в сослагательном наклонении диатрибы. Настойчивое молодое «я» задает вопросы в ожидании мудрых откровений, а старое ... теряет: «С чем возвращаешься? Кто ты? [...] А я отвечу ему растерянным жестом пустых рук, пожатием плеч... или, может быть, чем-то вроде зевка «а-а-ах, не знаю, отстань»» [1. Т. III. S. 94]¹⁰. В судовом «журнале» – сюрреалистический образ «встречи». В водах Атлантики, на рассвете, «встречаются» и расходятся *призраки* молодого и старого писателя, не успев друг друга ни разглядеть, ни окликнуть. Гомбрович не скрывает: это «надуманное» событие вызвано, во-первых, чтением юношеского рассказа «На бриге “Бэнбери”», а во-вторых, долгим всматриванием в океанскую мглу. Как и в романе «Космос», Гомбрович заботится о «гармонии», «симметрии» впечатлений. Свой молодой образ он достраивает по «образу и подобию» «я» настоящего. Но «стыковочный» эксперимент молодого и старого «Гомбровичей» оборачивается неудачей: взгляды обоих блуждают в непроницае-

⁹ Сравни прием обратной последовательности в начале «Дневника».

¹⁰ См. похожий автотематический «диалог» – «интервью самому себе» для журнала «Вельт»: «Вопрос: Что у Вас есть сказать? Ответ: Ничего особенного. Вопрос: Например ... что? Ответ: А я почему знаю? Вопрос: ?» [1. Т. III. S. 218].

мой пустоте. Для автора «Дневника» эта «нестыковка» становится выражением отчаяния, «стальной ловушкой» медленного угасания жизни.

Вводя мотивы одиночества, Гомбрович как бы лишает их смысла. Говорит об «одиночестве» как «межчеловеческой» «форме»: «форма», по Гомбровичу, создается людьми друг для друга и становится орудием их взаимного давления. «Живет в нас (курсив мой. – Л.М.) одинокое самоощущение адамов» [1. Т. III. S. 32], – пишет автор. И здесь тоже скрытый оксюморон: сопряжение слова «одинокий» и грамматической формы множественного числа – парадокс размножения «адамов».

«Я» кажущееся присваивает себе атрибут «гениальности» («я» «хочет казаться» гениальным). И снова толкование наоборот, если гений понимается как дар свыше. Выдвигая программу «самоконструирования», Гомбрович утверждает «межчеловеческий» механизм становления гения. Гений, по Гомбровичу, не замыкается в одиноком самоощущении. Существуют «человеческие горизонты» Демокрита, Франциска Ассизского, Костюшко, Брамса, наконец, самого Гомбровича, т.е. то, как они «приблизительно видят количество людей в свое время» [1. Т. III. S. 32]. От античности до современности цифра растет. Но в чем влияние «горизонта»? Прямо или обратно пропорционален он силе гения? Усиливает ли количество слушателей, зрителей, читателей желание творчества и славы? Или, наоборот, оно ослабляется количеством, «растворяется» в нем? Неизбежность этой альтернативы чувствуется на каждой странице «Дневника». По Гомбровичу, современный автор блокирован количествами: тиражи, переводы, интерпретации, читатели, критики, коллеги по перу... Попытка объять необъятное не имеет никаких шансов на успех. Оригинальность при острой конкуренции становится проблематичной. Но давление вызывает сопротивление – и Гомбрович ищет способ вырваться из множественности, проявить самостоятельность.

Ближе к концу «Дневника» вопрос «количественного» горизонта гения перетекает в проблему «качественной» коммуникации «я» – «гений», олицетворяемом для Гомбровича фигурой Данте («обратиться [...] к великим личностям минувшего времени и в союзе с ними найти [...] вечный источник полета, вдохновения, очарования и размаха» [1. Т. III. S. 222]). Но вместо союза с Данте Гомбрович демонстрирует стратегию конкуренции, даже борьбы с гениальным «другим». Он «бросает перчатку» Данте – пытается (заведомо безуспешно) поставить под сомнение состоятельность «Божественной комедии» и даже дискредитировать ее создателя. Установка на эпатаж доходит до того, что шедевр Данте называется либо «самой чудовищной поэмой в мировой литературе», либо «только монументом, формой, кодификацией, ритуалом, жестом, обрядом, церемониалом» – набором готовых формул из лексикона посредственного человека Позднего средневековья [1. Т. II. S. 236, 238]¹¹. Критический «разбор» и «редакция» нескольких строк поэмы написаны с расчетом на негативную реакцию. Поэтому естественное послесловие к выпадку против Данте – аккуратно приведенная в «Дневнике» ругательная телеграмма итальянского знатока творчества Данте: «Книжка о Данте этого поляка

¹¹ Более чем убедительное объяснение «борьбы с гением» находим у М. Унамуну: «Мы испытываем ревность к гениям, которые жили прежде и чьи имена, как исторические вехи, сохраняются в веках. Небеса славы не слишком просторны, и чем больше людей туда попадает, тем меньше славы выпадает на долю каждого из них. Великие люди прошлого отнимают у нас место на небесах славы; они занимают в памяти людской то место, которое сами мы стремимся занять. Поэтому мы восстаем против них, и отсюда та кислая мина, с которой некоторые, копаясь в прославленных произведениях литературы, вершат Суд над теми, кто уже достиг славы и пользуется ею [12. С. 70].

позорна. Бессмысленно, идиотично, что эта клевета оказалась в печати. Порвал и выбросил к черту это кретинский ужас. Унгаретти» [1. Т. III. S. 284].

Но дерзкий выпад против Данте – не просто «пощечина общественному вкусу». Гомбрович изначально пытается наладить контакт с автором «Божественной комедии» – увидеть «человека в человеке» с его сложными противоречиями. Попытка Гомбровича «прорваться» к Данте есть не что иное, как эпизод искания себя. Но поскольку Гомбрович, естественно, не получает ответа на «вызов», опыт «диалога» с Данте трансформируется в односторонние, субъективные нападки. Риторический вопрос в концовке: «Объясни, пилигрим, как добраться до тебя?» [1. Т. III. S. 240] – отражает исходную цель, но парадоксальным образом противоречит содержанию этюда: Гомбрович, в действительности, прекращает всякие попытки «добраться» до «пилигрима».

Эксперименты в отношениях «я»/«другие» подчинены преодолению «центробежной» инерции жанра, созданию из мозаичных элементов дневника (полемика, фельетон, критическая статья) «романного» целого. Но, по замечанию А.Б. Базилевского, «с годами замысел исчерпывает себя: истощается лирическая энергия, дневник-роман перерождается в дневник-калейдоскоп случайных впечатлений» [13. С. 189], – «антидантовский» текст Гомбровича был одной из попыток, собирая вместе разрозненные идеи, вновь завладеть инициативой реформирования жанра. Кризисным симптомом становится отказ от изначально принятого отсчета времени: не линейного (точная датировка), а «кругового» (дни недели). Уже в томе III Гомбрович восклицает: «[...] как мне уже надоели дни недели!» [1. Т. III. S. 51], – а чуть ниже подтверждает смену настроения: «[...] в неделе семь дней, дни эти мне надоели» [1. Т. III. S. 61]. Конститутивный формальный принцип («Понедельник. Я. Вторник. Я. ...») «наскучивает», «надоедает» – и сам автор от него отказывается. В итоге обнаруживается тенденция к деконструкции «Дневника».

Гомбрович любил шахматы и, вероятно, именно он перенес специфику этой игры в сферу литературных приемов. «Гомбрович, – пишет Г. Херлинг-Грудзинский, – был суверенным властелином своего творчества, он разыгрывал с первой и до последней книги великую шахматную партию, зная, почему, зачем и какую фигуру он передвигает на доске в данную минуту: поэтому его дневник был не мрачным «писательским подпольем», но автономным, трехтомным законченным романом о себе и своем творчестве. Когда в конце жизни у него спросили, какие у него планы и проекты на будущее, он ответил одним словом: «Смерть». Прозвучало это как «Мат», данный искусством нашей человеческой судьбе (но не наоборот)» [14. S. 168].

Преобразуем метафору Херлинга: Гомбрович в «Дневнике» провел сеанс одновременной игры со многими «партнерами» – с читательской аудиторией, с Мицкевичем и Данте, с «краем» и эмиграцией, с Марксом и Сартром, с собой и собственным творчеством, с дневником как жанром. Одерживая победы в «боях местного значения», «гроссмейстер Гомбрович», потерпел поражение в экзистенциально значимом поединке – за освобождение «я» от внешней и внутренней деформации. Как и в «Фердидурке», титанические усилия к тому, чтобы вырваться из круга стереотипов, оборачиваются пессимистическим выводом о предопределенности поражения. Ситуация автора-героя «Дневника» является абсурдной: манифестируя самореализацию подлинного, неискаженного «я», он видит неосуществимость намерения, но не падает духом и предпринимает многократные попытки к самоосуществлению. Экзистенциальная ситуация автора детерминирует кризис и реформу жанра дневника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gombrowicz W.* Dziennik. 1953–1969. Kraków, 2001.
2. *Gombrowicz W.* Czytelnicy i krytycy. Varia 1. Kraków, 2004.
3. *Giedroyc J., Gombrowicz W.* Listy 1950–1969. Warszawa, 1993.
4. *Czerwińska M.* Autobiograficzny trójkąt: świadectwo, wyznanie, wyzwanie. Kraków. 2001.
5. *Gombrowicz w Europie 1963–1969.* Kraków, 1993.
6. *Медведева О.Р.* Диалог: философия и поэтика (Мартин Бубер и Витольд Гомбрович) // История и поэтика. М., 1994.
7. *Gombrowicz W.* Testament. Rozmowy z Dominique de Roux. Kraków, 2004.
8. *Słonimski A.* Kroniki tygodniowe. Warszawa, 1956.
9. *Jarzębski J.* Podglądanie Gombrowicza. Kraków, 2000.
10. *Павич М.* Роман как держава. М., 2004.
11. *Эко У.* Имя розы. СПб., 1998.
12. *Унамуну М.* О трагическом чувстве жизни. М., 1996.
13. *Базилевский А.Б.* «Дневник» Витольда Гомбровича: не «слово», а «голос» // Привычное ощущение кризиса: (В «соцлагере» и вокруг). М., 1999.
14. *Herling-Grudziński G.* Pisma zebrane. Warszawa, 1996. Т. 5.

© 2009 г. А. Ю. СОРОКИНА

К ПРОБЛЕМЕ СЛАВЯНО-ЕВРЕЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В СЛАВИСТИКЕ И ИУДАИКЕ

Языковые контакты, возникающие в сфере соприкосновения носителей различных языковых систем, – одно из наиболее древних явлений, сопровождающих историю человечества. Это явление порождает целый ряд проблем, представляющих интерес для самых разных областей гуманитарного знания – лингвистики, психологии, культурологии, социологии, социальной антропологии и др.

В данном обзоре рассматриваются основные проблемы и направления в изучении контактов славянских языков и языка идиш, интерференции языковых структур, возникшей в процессе многовекового славянского влияния на идиш.

Идиш, язык ашкеназских евреев, язык-сплав (по терминологии М. Вайнрайха [1. Р. 180]), сложившийся из трех компонентов – иврито-арамейского, славянского и германского более тысячи лет назад. Это один из старейших литературных европейских языков. Базовую грамматическую и лексическую основу составляет германский компонент, который объясняет независимость и продолжительное развитие этого языка, а также факт его зарождения в рейнской области. Общая история идиша выглядит как непрерывный процесс обогащения, начиная с того времени, когда евреи восприняли средневековый верхненемецкий, и последующего, по мере миграции евреев на восток Европы, приращения западных и восточных славянских языков и диалектов.

Взаимодействие языка идиш с его славянским окружением и проблемы, связанные с этим явлением, вызывали определенный интерес как у славистов, так и у лингвистов, занимающихся изучением еврейской цивилизации. Этот интерес закономерен, поскольку идиш в силу исторических особенностей своего развития много веков находился в тесном контакте с различными славянскими языками, и это не прошло бесследно ни для идиша, ни для этих языков.

Уже во второй половине XIX в. появляется несколько работ, свидетельствующих о формировании научного интереса и подходов к изучению взаимовлияния в идише и славянских языках, – это исследования А. Гаркави [2], Л. Винера [3; 4], И. Тавийова [5] и С. Дубнова [6].

Начиная с 1910-х годов XX в. можно говорить о продолжении этой тенденции и росте академической активности в среде исследователей идиша и его языковых контактов со славянским окружением.

Это связано с несколькими историческими фактами, которые, несмотря на всю разноплановость, тем не менее, способствовали созданию предпосылок к устойчивому развитию еврейской филологической науки. В 1908 г. в Черновцах прошла конференция, посвященная языку идиш и идеологическим проблемам выбора национального языка евреев. Итогом конференции стало провозглашение идиша одним из национальных языков и официальный отказ от пренебрежительного термина «жаргон». Участники конференции и идеологи идишизма способствовали становлению и развитию центров исследования языка идиш в разных странах мира.

После Октябрьской революции в России новое руководство страны в значительной степени способствовало развитию национальных культур, так называемому культурному строительству, в рамках которого осуществлялось и языковое строительство. Были организованы еврейские отделения и кафедры в институтах, университетах, академиях, открывались школы и техникумы.

В 1925 г. в Вильно был создан еврейский научно-исследовательский институт ИВО (YIVO – Yidišer Visnšaftlexer Institut) – первая научно-исследовательская организация, занимающаяся системной академической и просветительской деятельностью. Институт возглавил Макс Вайнрайх, крупный ученый, благодаря усилиям которого состоялось введение исследований в области идиша в европейский научный контекст (см. [7]).

Отчасти благодаря политическому противостоянию СССР и западного мира в области еврейских исследований сформировались две школы, западная и советская. Советская школа представлена учеными из академических центров Минска, Москвы, Киева. Это такие исследователи, как М. Гитлиц [8], Т. Гутманс [9], Й. Йоффе [10], А. Ландау [11], М. Квитни [12], М. Шульман [13], Г. Шкляр [14] и др. Западные ученые работали, в основном, в Вильно и Варшаве. Обозначим это время – 1920–1930-е годы – как первый период изучения славяно-идишских контактов.

Второй период – с конца 1940-х до начала 1970-х годов, научные центры – Бостон (Гарвард), Нью-Йорк, Йельский университет, Лондон, Иерусалим. Из исследователей можно отметить М. и У. Вайнрайхов [15; 16], Р. Якобсона [17], Х. Бланка [18], М. Херцога [19], Э. Станкевича [20] и др. Это поколение основателей ИВО, перебравшееся, хотя и не полностью, из Европы в Америку, Великобританию, Израиль, а также их ученики и последователи. В Советском Союзе иудаикой в целом и этой темой в частности в данный период практически не занимались. Исключение составляет работа М.Х. Фридберга «К вопросу о влиянии семитических и славянских языков на синтаксический строй идиш», вышедшая в Ленинграде в 1972 г.

Третий период – 1970–1980-е годы. В эти годы проблема славянского слоя в языке идиш изучалась особенно подробно такими учеными, как С. Бирнбаум, М. Бжезина, П. Векслер, Б. Чопек, Д. Голд, А. Гринберг, В. Свобода, Л. Талми и др.

И последний период – с 1990-х годов и по настоящее время. Основные центры – Йельский университет, Варшава, Иерусалим; ведущие специалисты – Э. Станкевич [20], Э. Геллер [21], П. Векслер [22].

Исследователи, изучавшие проблему языковых контактов идиша с окружающими славянскими языками в конце XIX – начале XX в., а также ученые, которых мы относим к первому периоду, чаще всего просто фиксировали случаи употребления славизмов в еврейской речи, хотя и были попытки некоторой классификации этих заимствований.

Также предпринимались попытки определить, сколько лексических единиц, восходящих к славянским языкам, присутствует в языке идиш, какой процент составляет германский компонент, семитский и романский. Этому посвящены работы И. Тавийова, Л. Винера, Й. Йоффе [3; 4; 5; 10]. На основе анализа 400 страниц поэтического и прозаического текста классиков еврейской литературы и еврейской прессы 1910–1920-х годов Й. Йоффе в статье «Славянский элемент в идише» [10] сделал вывод о том, что германские заимствования составляют 80–82%, а 18–20% – славянские и семитские.

Й. Йоффе, однако, не ограничился простым подсчетом лексических единиц. Его работа – по сути первое основательное лингвистическое исследование славянского компонента в идише, в рамках которого он рассмотрел и лексическую составляющую (включая заимствования и случаи калькирования), проанализировал пути приобретения и адаптации идишем интернационализмов и иностранных слов, изучил самые различные вопросы морфологии, прежде всего словообразование, впервые затронул проблему славянского влияния на фонетику идиша (палатализация, шипящие, беглые гласные). Статья Й. Йоффе – результат десятилетней работы. Именно в ней были намечены основные аспекты проблемы, направления, которые в дальнейшем разрабатывались учеными.

Вслед за Й. Йоффе попытку исследовать славянское влияние в идише в лексике и морфологии предпринял лингвист А. Ландау [11]. Проанализировав еврейские глаголы, он разделил их на четыре группы. К первой группе Ландау отнес глаголы типа *začepn* (зацепить), ко второй – славянские глаголы с германскими префиксами. Среди глаголов второй группы различаются глаголы с префиксом *far-*: *farplonten*, *farblondžen zix* (путать, сбивать, заблудиться) и глаголы с префиксом *ojs-*: *ojsštexeven* (выменять). К третьей группе относятся глаголы с германской основой и славянским префиксом: *dogejn* (дойти), а к четвертой – германские глаголы с германскими префиксами, но представляющие собой кальки с каких-либо славянских языков: *ojslernn* (выучить).

Хотелось бы напомнить ситуацию 1910–1920-х годов в среде исследователей идиша. Это период острой полемики относительно статуса славянского компонента еврейского языка. Пуристы, например Х. Житловский [23], считали, что славянские слова должны быть «изъяты» из идиша, ибо они грубы и классики еврейской литературы, И.-Л. Перец, например, никогда бы не употребили слова *prost* (просто), но сказали бы *ajnfax* (германизм) или *pošet* (гебраизм). Идишисты, выступавшие в защиту славянского компонента, настаивали на том, что он является вполне естественным для еврейского языка. Советские ученые в этом вопросе противопоставляли себя западным, в том числе и пуристам, олицетворявшим для них не просто буржуазную науку, но науку, которая активно борется против Советского Союза, против пролетарской культуры, против «советского» идиша (с его значительным количеством явных русизмов в лексике, сокращений, построенных по образцу русского языка) как составляющей этой культуры.

Академические исследования в области иудаики велись в нескольких научных центрах в Москве, Минске и Киеве. В Киеве и Минске были созданы институты еврейской пролетарской культуры, впоследствии реорганизованные в секцию Института национальных меньшинств Академии наук Белоруссии и Кабинет по изучению советской еврейской литературы языка и культуры в Киеве. Среди ученых, которые занимались проблемой славянского слоя в идише, стоит отметить М. Гитлица и М. Шульмана. М. Гитлиц является автором нескольких фундаментальных работ о славянском влиянии в идише. Большой научный ин-

терес представляет его кандидатская диссертация [8], в которой он исследовал славянское влияние в идише в области лексики и отчасти в морфологии. В качестве материала М. Гитлиц использовал респонсы, пинкосы (еврейские цеховые книги, деловые письма, актовые и протокольные книги), а также труды еврейских просветителей – маскилим (Маркузе, Лефина, Вольфсона и др.). М. Гитлицу также принадлежит оценка ситуации с изучением славянского элемента в идише; он отмечал, что хотя в последнее время и появились работы по этому вопросу, но они носят «почти исключительно формально-описательный характер без исторического подхода и без всякой связи с развитием языка в целом» [8. С. 1]. Гитлиц первым предпринял попытку создания системного подхода в описании славянского влияния в идише и оценку его роли в процессе становления языка в целом. Он использовал большой лексический и словообразовательный материал, заложил методологические основы для будущих исследователей.

Среди работ других советских ученых довоенных лет можно назвать статьи, посвященные славизмам в творчестве Менделе Мойхер Сфорима и Шолом-Алейхема, а также украинско- и белорусско-еврейским взаимовлияниям [12; 13; 14].

После Второй мировой войны появилось несколько работ по исследованию фонологии идиша и славянскому влиянию в фонетике таких исследователей, как Р. Якобсон, Дж. Братковски [24]. Р. Якобсон сделал вывод о том, что система фонем идиша обязана своему восточному лингвистическому окружению целым рядом «важных странностей»: 1) появляются мягкие согласные – *l'alke, l'ulke, goten'u, mot'e*; 2) оппозиция сильные–слабые согласные меняется на оппозицию звонкие–глухие; 3) диалектная утрата начального [h] или наоборот; 4) появление в диалектах гортанного звука в качестве звонкой пары глухому щелевому [x]; 5) появление в некоторых диалектах *r* в таком же качестве; 6) появление новых шипящих фонем, аффрикаты [č] – *xoč, kačke, čikave* и звонкого щелевого [ž], [š] (пары) – *aš, až zumen, šušken*; 7) совпадение в диалектах всех шипящих и свистящих согласных или же смешение обеих групп – *šušken/susken*; 8) диалектная разница между [i] и [y] – *zin/zyn*; 9) диалектная утрата оппозиции по краткости и долготе [17. С. 82–83].

В области морфологии большинство работ посвящено глаголу. О славянском влиянии на еврейский глагол писали такие исследователи, как И. Шиппер [25], Л. Талми [26], Э. Станкевич [20] и П. Веклер [27]. Это, в основном, работы, касающиеся глагольных суффиксов и глагольной префиксации.

Лексикологии и этимологии различных слов еврейского и славянского происхождения посвящены работы многих ученых разных лет. Безусловно, интересна работа Л. Винера, напечатанная в 1893 г. в «American Journal of Philology» [3] и опубликованная в русском переводе в «Живой старине» двумя годами позже [4]. В этой работе Винер проанализировал материал нескольких лексикографических источников – «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (СПб., 1870), «Малоруско-Німецкий Словар» Е. Желеховского и С. Недільского (Львів, 1886), «Słownik języka Polskiego» М.С. Линде (Lwów, 1854–1860), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (СПб.; М., 1880–1882, изд. 2-е) – и составил небольшой словарь еврейских слов в «русских» наречиях. Словарь насчитывает 41 статью, изобилует примерами из различных диалектов.

Определенный вклад в изучение истории идиша и славянского влияния на него внес современный израильский ученый П. Векслер. Работой, в значительной мере подводящей итоги его деятельности в области лингвистики, стала монография «Идиш – 15 славянский язык», опубликованная в 1991 г. [22].

Основная идея монографии состоит в следующем. Огромный вклад в развитие и формирование славянского характера идиша внесли лужицкий и полабский. Именно лужицкий (Векслер называет его «еврейско-сорбский») язык является причиной огромного количества славянской лексики в идише. Согласно его теории, этот язык объясняет многие спорные вопросы истории идиша, например особенности его диалектного разделения, и мог бы пролить свет на некоторые моменты славянской лингвистической истории.

П. Векслер предполагает, что евреи в землях Чехии, Белоруссии и Украины развивали варианты местных языков до прихода евреев из Германии, говорящих на идише, в XII–XIII вв. Ученые, которые исследовали и исследуют лингвистическое поведение славян и евреев, проживавших на смежных территориях до наплыва говорящих на идише, так и не смогли прийти к единому мнению. Векслер считает, что многие ученые совершенно игнорируют влияние византийской культуры и христианства в IX–X вв. в Моравии и Богемии. Также нельзя упускать из виду возможность еврейско-славянского языкового союза в различные исторические периоды. Именно это могло бы объяснить значительный славянский компонент в идише.

В другой своей работе, посвященной исследованию роли языка идиш в славянской лингвистической истории [28], П. Векслер обращает внимание на то, что евреи продвигались по Европе на протяжении длительного периода времени, вступая в контакт со славяноговорящими общинами. Евреи впервые повстречали славян на Балканах и Крымском полуострове не ранее VI–VII столетия. Евреи, пришедшие в Европу, в большинстве своем говорили на еврейско-греческом с элементами еврейско-арамейского, но в эллинистической европейской диаспоре еврейско-греческий уступал место еврейско-латинскому и иным еврейско-романским ответвлениям (испанскому, каталанскому, провансальскому, итальянскому), идишу и еврейско-славянскому.

Важность еврейско-славянских языковых контактов также подтверждается событиями на украинских землях, где в VIII–XVII вв. использовалось не менее девяти еврейских языков: еврейско-греческий, еврейско-хазарский, карайтэ, язык крымчаков, восточный еврейско-славянский, идиш, еврейско-испанский, возможно, разговорный еврейско-арамейский и, безусловно, письменный иврит. Взглянув на географию и хронологический размах, можно ожидать, что еврейские языки оказали влияние на формирование местных славянских языков. В тот момент, когда немецкие и славянские диалекты оказались в один хронологический период на одной территории, славянское влияние на многочисленные германские диалекты оказалось намного меньше, чем на идиш. На самом деле, еврейские языки не одинаково подвергались славянскому обогащению. Если сравнить славянский компонент в западных диалектах идиша (идиш, на котором говорят в Австрии, Швейцарии, Эльзасе и Голландии) с немецкими диалектами, мы обнаружим, что многие славизмы западного идиша не отмечены в германских диалектах, а те, что появляются в обоих, относятся к более раннему периоду в истории развития языка идиш, чем в немецком. Объяснением этого явления могут послужить два факта: а) территория Германии, где использовались славянские языки, была исторически более масштабная, чем мы представляем ее в наше время; б) евреи (а не немцы) из славянизированных частей Германии мигрировали на неславянские земли западной Германии. Также возможно, что сравнительно более высокая восприимчивость к славянизации германских евреев обусловлена поглощением ими маленькой, но культурно

значимой западной славяноговорящей еврейской общины лужицких и южно-полабских земель в X–XIII столетиях.

Работа Векслера вызвали неоднозначную реакцию в научном мире. Э. Станкевич в своей рецензии на монографию Векслера [29] пишет, что автор имеет крайне незначительное количество исторических записей того периода, который он исследует. Оппоненты Векслера полагают, что он заблуждается, предпочитая верхний лужицкий чешскому в качестве источника славянизмов-реликтов, таких, как *trejbern* «удалять жилы мяса, чтобы сделать его кашерным», *praven* «справлять, праздновать» в идише. Эти слова встречаются в кнаанейских текстах, т.е. текстах, написанных языком евреев, проживавших на славянских землях. Исторические и лингвистические материалы о восточноевропейском еврействе, которыми мы располагаем, проясняют, что евреи из Явана (Византии) двинулись на славянские территории не ранее IX–X вв. Они впитали язык, который на самом деле можно обозначить как «еврейский общеславянский». Это можно утверждать на основе глосс XI–XIII столетий, встречающихся в комментариях к Пятикнижию и Талмуду еврейского ученого и философа Раши. На этом же основании можно предположить существование западного и восточного кнаанейского, с доминирующим старочешским компонентом и инославянскими окончаниями. Недостаток поздних кнаанейских текстов указывает на то, что этот язык перестал существовать к XIV–XV вв., когда на его место пришел язык евреев, проживавших на германских землях, – ашкеназ (вероятно, не только в результате массового наплыва германских евреев, но также из-за всеобщей германизации богемских городов). Кнаанейский язык богемских евреев не исчез бесследно, многие слова нашли свое место в идише, и, более того, они характеризуются фонетическими чертами старочешского (конечная *x* в *nebex*, *ej* в *prejdik*, *la* в *zlate*). Никто до Векслера не приписывал происхождение этого компонента не только чешскому, но и любому другому славянскому языку. Недостаток исторических записей, минимальные фонологические различия между средневековыми славянскими языками и способность идиша интегрировать эти элементы из различных славянских источников не позволяют идентифицировать славянские элементы идиша с отдельно взятым языком. Векслер не приводит ни исторических, ни социолингвистических аргументов, чтобы оправдать свое заявление, что так называемый еврейско-сорбский был основным языком восточноевропейского еврейства.

Аргумент, что славянские элементы в идише представляют лингвистический субстрат, потеряет силу, если мы вспомним, что большинство из них встречается в местных языках. Они являются адстратом для евреев, говорящих на идиш, и источником постоянного обновления. Согласно Векслеру, наука до сих пор не нашла причин уникального положения ивритского компонента. По его мнению, гебраизация идиша находит объяснение в том, что говорящие на еврейско-сорбском пытались защитить свой язык от немецкого. Станкевич отрицает данное положение, подчеркивая, что во время, когда германизация таких западнославянских языков, как полабский и серболужицкий стала угрожать еврейской национальной самоидентификации, они предпочитали переходить на *lošn kojdeš*, святой язык, т.е. древнееврейский, тем более что обладателями последнего – немецкие евреи были представителями того же вероисповедания.

Комментируя статью Векслера, П. Глассер утверждает, что она имеет некоторое количество неоднозначных черт [30]. Векслер представляет свою теорию так, как будто бы она уже была доказана. Опровергая теорию Векслера, Глассер приводит следующие доводы. Слово *kaše* на идише означает «каша», а в сорбском – «канализа-

ционная вода». Зато в чешском, словацком, польском, украинском и русском языках значение этого слова либо «каша», либо нечто, имеющее к этому отношение (крупа, однородная масса). Следовательно, верхнелужицкий является менее вероятным источником, чем, например, русский. Слово *trejbern* на идише означает «удалять жилы мяса, чтобы сделать его кашерным». Верхнелужицкое *trejbic* значит «очищать землю для возделывания». В чешском есть слово *tribit* «чистить перья, просеивать», что гораздо ближе по значению к *trejbern*. Более того, утверждение о том, что германоязычные евреи были незнакомы с понятием *trejbern* ранее и поэтому были вынуждены позаимствовать название для него из верхнелужицкого, не обязательно истинно. Факт заимствования термина не означает, что понятие было неизвестным прежде.

В заключение рецензии П. Глассер пишет: «Если даже Векслер продемонстрировал, что некоторое количество слов в идише перешло из верхнелужицкого (*pjate, xrejn, zejde*), то все равно ему не удалось доказать, что идиш произошел из этого языка» [30. P. 220].

Стоит отметить, что провозвестником идей Векслера в этом вопросе явился российский исследователь А. Гаркави [2], полагавший, что евреи Польши и Руси с древних времен говорили на некоем славянском наречии и продолжали употреблять это или эти наречия вплоть до XVI – первой половины XVII в. Известный еврейский историк С. Дубнов считал, что подобные работы искажают историческую перспективу, противоречат документальному материалу [6].

К сожалению, мы не обладаем никакими достоверными свидетельствами раннего периода развития языка и можем полагаться только на данные сравнительного языкознания. Тем не менее, лингвисты располагают значительным материалом в виде источников, относящихся к более позднему и современному периодам. Учеными уже привлекались для анализа такие памятники, как пинкось, респонсы, цеховые книги, деловые письма, актовые и протокольные книги, словари польского, белорусского, украинского и русского языков, пресса, современная исследователю, данные, полученные в результате этнолингвистических экспедиций, произведения художественной литературы, поэтические и прозаические. Представляется перспективным изучение этнолингвистического материала, полученного в ходе экспедиционных исследований 2003–2008 гг. на Украине (Подолія и Буковина). В этом регионе в некоторой степени сохранилась живая традиция идиша и пока еще есть возможность зафиксировать этнолингвистические данные в области лексики, фразеологии, паремиологии и др.

Лингвистические вопросы, связанные с изучением славянского влияния в идише не могут быть решены силами одной лишь иудаики. Необходимо также привлекать научные средства славистики, германистики, семитологии.

Изучение славяно-еврейских языковых контактов способно обогатить как славистику, так и иудаику, объяснить многие моменты в лингвистической истории соседствующих языков, проблемы лингвистического взаимовлияния, отразившиеся в лексике, связанной с обрядами и бытом, как славянских народов, так и евреев. Данная тема представляет интерес для исследователей самых разных направлений и должна занять свое место в лингвистической науке XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Weinreich M.* Di gešixte fun der jidišer šprax. New York, 1973. Vol. 2.
2. *Гаркави А.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей // Труды Восточного Отдела Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1865.

3. *Wiener L.* On the Judaeo-German Spoken by Russian Jews // *American Journal of Philology.* 1893. № 14.
4. *Винер Л.* Еврейско-немецкие слова в русских наречиях // *Живая старина.* 1895. Вып. 1. Отдел 2.
5. *Taviov I.H.* Na-yesodot ha-slaviim be-žargon // *Ha-šiloah.* 1904. Vol. XXX. № 2.
6. *Дубнов С.М.* Разговорный язык и народная литература польско-литовских евреев в XVI и первой половине XVII в. // *Еврейская старина.* 1909. Вып. 1.
7. *Weinreich M.* Le Yiddish comme objet de la linguistique generale. Vilno, 1937.
8. *Гутлиц М.М.* Проблема славянского слоя в языке идиш. Л., 1935.
9. *Gutmans T.* Cum gojrl fun pojrlisn rz in yidis // *Yidise filologie.* Warszawa, 1926. № 4–6.
10. *Joffe J.A.* The Slavic Element in Yiddish // *Pinkes fun Amopteyl fun Yivo.* New York, 1927–1928.
11. *Landau A.* The Slavic Elements and Influences in Yiddish // *Filologiče šriftn in jidiš.* Wilno, 1928. № 2; 1929. № 3.
12. *Kvitni M.* Slavicisms in Mendele's Works // *Di yidiše šprax.* Kiev, 1927. № 7.
13. *Šulman M.* Slavizmen in der leksik fun jidiš // *Afn špraxfront.* Kiev, 1938. № 2.
14. *Šklyar H.* Yiddish-Byelorussian Linguistic Parallels // *Lingvistiše zamlung.* Minsk, 1933. № 1.
15. *Weinreic M.* Yiddish, Knaanic, Slavic: the Basic Relationship // *For Roman Jacobson.* The Hague, 1956.
16. *Weinreich U.* Yiddish Blend with a Slavic Element // *Word.* 1955. № 11.
17. *Jacobson R.* The Yiddish Sound Structure in Its Slavic Environment // *Yidiše šprakh, YIVO.* New York, 1953. Vol. 13. (репринт: *Yuda A. Yofebukh YIVO.* New York, 1958).
18. *Blanc H.* The Yiddish Language: A Survey of Its Slavic Element. Boston, 1948.
19. *Herzog M.* Yiddish un the Ukraine: isoglosses and historical inferences // *The Field of Yiddish.* The Hague, 1969.
20. *Stankiewicz E.* The Slavic Determinant in Yiddish Morphology // *Jews And Slavs.* Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1.
21. *Geller E.* Jidysz – język żydów polskich. Warszawa, 1994.
22. *Wexler P.* Yiddish – the Fifteenth Slavic Language // *International Journal of the Sociology of Language.* 1991. Vol. 91.
23. *Žitlovski X.* Dos yidiše folk un dos yidiše šprax // *Fraynd.* СПб., 1904.
24. *Bratkowski J.* Dialectological Studies of Slavic Influence in Yiddish. New York, 1975.
25. *Shipper I.* Romanise un slavise haspoes, Slavise sufiksen // *Yidise filologie.* Vilno, 1924. № 4–6.
26. *Talmy L.* Borrowing Semantic Space: Yiddish Verb Prefixes between Germanic and Slavic // *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society.* Berkeley, 1982.
27. *Wexler P.* Slavic Influences in the Grammatical Functions of the Three Yiddish Verbal Prefixes // *Linguistics.* The Hague, 1964. № 7.
28. *Wexler P.* The Role of Yiddish in Recovery of Slavic Linguistic History // *Welt der Slaven.* München, 1985. № 30.
29. *Stankiewicz E.* Comment on P. Wexler's «Yiddish – the 15th Slavic Language» // *International Journal of the Sociology of Language.* 1991. Vol. 91.
30. *Glasser P.* Comment on P. Wexler's «Yiddish – the 15th Slavic Language» // *International Journal of the Sociology.* 1991. Vol. 91.

© 2009 г. Н. БОРННИКОВА, Е. ОВЧИННИКОВА

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ ЕДЕН В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантика местоимений вообще и неопределенных местоимений в частности является предметом многочисленных исследований. Сложность ее описания заключается в асистемности языкового класса местоимений. Невозможно дать стройную классификацию местоимений, исходя из чисто семантических критериев, потому что, как отмечает Т.П. Нехорошкова, «...подобного рода объединение не является ни строго морфологическим, ни строго семантическим, ни синтаксическим» [1. С. 3].

Наиболее удачные попытки описания семантики местоимений осуществляются с позиций теории референции (см., например, работы В. Гладрова [2], Е.Ю. Ивановой, С.А. Коваль [3], Е.В. Падучевой [4], А.Д. Шмелева [5] и др.). Именно референциальный, логико-семиотический подход позволяет рассматривать местоимения как гомогенное образование. По мнению Е.В. Падучевой, «... местоимения... образуют... лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесенности высказывания с действительностью» [4. С. 11].

При референтном использовании имени говорящий в речевом акте устанавливает его соотношение с некоторым объектом или группой объектов действительности. Нереферентное же употребление показывает, что имя относится не к конкретному объекту, а к классу в целом или признаку данного класса (см. [3. С. 237]).

Говорящий разделяет предметы реального мира на определенные и неопределенные, известные и неизвестные, идентифицированные и неидентифицированные. Сами по себе референты не могут быть определенными или неопределенными. Имена, обозначающие объекты реальной действительности, как единицы языка также не отмечены ни значением определенности, ни значением неопределенности, они становятся таковыми только при функционировании. Отношение субъекта речи к реальной действительности, а точнее, указание на отношение знаков к их интерпретаторам, выражается с помощью коммуникативной категории определенности – неопределенности.

Боронникова Наталия Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и славянского языковедения Пермского государственного университета.

Овчинникова Елена Викторовна – ассистент кафедры речевой коммуникации Пермского государственного университета.

Определенность основывается на таких признаках предмета, как известность, идентифицированность, предупоминание, т.е. на референтном использовании имени (особый случай представляет родовая референция). Что же касается неопределенности, то не следует отождествлять неререферентность и неопределенность. Для неререферентного имени характерны такие значения, как экзистенциальность, генерализация, типизация. Понятие же неопределенности может охватывать предметы, оформленные референтными именами. Отсюда противопоставление по определенности – неопределенности возможно только в сфере референтно использованного имени.

Взаимодействие понятий неопределенности и референтности представлено в семантике так называемых неопределенных местоимений (НМ). В системе НМ принято выделять три типа неопределенности (о референтной семантике НМ на материале македонского языка см. [6; 7; 8]):

1) неопределенность неизвестности (или специфическая). Предмет речи не известен ни говорящему, ни слушающему. Речь идет о референтном употреблении имени: *Некој човек дојде*;

2) слабая определенность (специфическая). Предмет речи известен говорящему, но является неопределенным для слушающего. Референтное употребление: *Пред неколку дена дојде еден мој пријател*;

3) экзистенциальность (так называемая неспецифическая неопределенность). Неререферентное употребление: *Земи некоја (која било) книга*.

Как следует из классификации, собственно неопределенность характеризует только первую группу НМ. Вторая группа местоимений показывает процесс становления определенного понятия из неопределенного. Для обеих групп характерно референтное использование имени. Третья группа местоимений находится вне понятия «неопределенность», здесь реализуется семантика существования и произвольности выбора из какого-либо множества. В данном случае имя используется неререферентно.

Однако «говорящий и слушающий всегда извлекают из отдельных высказываний значительно больше информации, чем содержится в них как в языковых образованиях» [9. С. 38]. Данная информация основывается не только на представлении об известности или неизвестности предмета речи или на соотносении с реальной действительностью. В каждом акте речи говорящий выбирает ту или иную точку зрения на событие. Она является оценочной, основанной на языковом опыте личности. Оценка всегда нацелена на какой-либо объект (это может быть собеседник, сам говорящий или некое третье лицо/предмет).

Абсолютные оценки как по количественным, так и по качественным признакам всегда предполагают сравнение. При сравнении класс объектов, обладающих определенными признаками, выстраивается по шкале оценок, градуируется [10. С. 47–48]. Структура оценочной шкалы предполагает две стороны оценки – объективную и субъективную. В первом случае речь идет о реальных свойствах объекта (*круглый, квадратный, большой* и др.), а во втором – не только о свойствах объекта, но и о субъективном к ним отношении.

В основе оценки лежит соответствие или несоответствие какого-либо события или предмета потребностям субъекта оценки, поэтому именно человек (говорящий и чувствующий) становится точкой отсчета внутри собственного эмоционального мира. Как отмечает Е.М. Вольф, объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда, важности и бесполезности и т.п., и это вторичное членение, обусловленное соци-

ально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах. Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который интерпретируется как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [10. С. 5]. Оппозиция «хорошо–плохо» принадлежит к разряду градуированных. Нарастание одного признака вызывает убывание другого. На оценочной шкале есть зона положительного и отрицательного, между которыми расположена зона нейтрального, где признаки «хорошо–плохо» находятся в известном равновесии. Истинную зону нейтрального, по замечанию Е.М. Вольф, занимают слова, относящиеся к сфере классификации и указывающие на принадлежность к классу, элементы которого по качеству не различаются между собой, или же на соответствие норме (*обыкновенный, обычный, рядовой, типовой, нормальный*) [10. С. 51]. Норма, как правило, отражает признаковые характеристики стереотипа оцениваемого объекта. Выделение же из класса само по себе уже содержит оценочную сему и приводит к экспрессии. Экспрессивность необходима для того, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника и показать степень заинтересованности субъекта речи.

В качестве языковых средств, с помощью которых человек эксплицирует свою позицию, могут выступать различные оценочные средства языка, в том числе и НМ. Экспрессивно-оценочный компонент семантики НМ способен проявляться в высказываниях оценочного характера. Это значение НМ Л. Минова-Гюркова называет вторичным, а их функцию – функцией характеристики [11. С. 59–60]. Характеризация, по ее мнению, присуща некоторым группам НМ, а также ряду отрицательных местоимений, произнесенных в определенных ситуациях с определенной интонацией, например: *Магаре ниедно/низаедно!* [11. С. 51]; *Ти си никој и ништо!*; *Тие се за никаде!*; *Гледаш што ми направи, бе никаков?! и др.* [9. С. 59]. А местоименные слова с компонентами *било, годе, (и) да е* чаще используются вне первичного значения неопределенности для негативной квалификации (см. [11. С. 60; 12. С. 168]).

Особо отмечаются македонскими исследователями случаи лексикализации постпозитивного местоимения *си* в сочетании с *некој*. Частица *си*, находящаяся в постпозиции к неопределенному местоимению, придает ему стилистический оттенок пренебрежения (см. [13. С. 340; 14. С. 35]). Например: *За водата од бунарот на баба Славка со која таа не би се посрамтила ни пред некојси цар* [15. С. 40]. Как отмечает М. Миркуловская, использование *некојси* наблюдается и в тех случаях, когда говорящий хочет дистанцироваться от сказанного (референт является ситуационно идентифицированным) или же речь идет об экспрессивном высказывании. Использование *некој(си)* с именем собственным, названием профессии и т.д. информирует, что говорящий негативно оценивает именуемую личность и ее профессиональные способности: *На некоја(си) Елизабета ѝ текнало да се заградуваат балконите од зградата* [16. С. 479].

Функция характеристики всех типов НМ может быть предметом отдельного, более обширного исследования. В своей статье мы остановимся лишь на оценочном компоненте семантики неопределенного местоимения *еден* и попытаемся описать те случаи, где он проявляется наиболее отчетливо.

Для начала охарактеризуем положение НМ *еден* среди других средств выражения неопределенности в македонском языке. Неопределенность в македонском языке выражается общей формой существительного, противопоставленной членной (определенной) форме имени. В случае так называемой маркированной неопределенности, когда значение неопределенности или нереферентности особо

подчеркивается, используются НМ *некој, еден, кој-годе, кој (и да) било, кој и да е* и др. *Еден* среди них занимает особое положение. Как и остальные местоимения, *еден* обладает лексическим значением, ограничивающим его использование в качестве показателя неопределенности. Значение НМ *еден* восходит к семантике числительного *еден*, в основе которого лежит понятие единичности. Важнейшим отличием НМ от числительного является преобладание значения неопределенности и способность образовывать форму множественного числа. При этом по значению НМ *еден* близко к НМ *некој* [13. С. 325]. В то же время *еден* обладает рядом особенностей, выделяющих его из группы остальных НМ.

Исследователи указывают на способность *еден* в ряде случаев грамматикализироваться и выполнять функции неопределенного члена (см. [17; 16; 6; 18; 19] и др.). В связи с этим М. Поварницына относит *еден* наряду с общей формой существительного к грамматическому ядру неопределенности, в то время как остальные НМ составляют периферию поля неопределенности в македонском языке [6. С. 60]. В роли неопределенного члена *еден*, во-первых, безударен, во-вторых, обладает фиксированной позицией в именной группе (ИГ).

В то же время граница между *еден*-НМ и *еден*-неопределенным членом размыта, так как *еден* не до конца избавляется от своего лексического значения. Так, М. Поварницына показывает, что *еден* помимо категориального значения маркированной неопределенности и слабой определенности способен выражать семантику сравнения, усиления, ограничения, единичности, генерализации (см. [6. С. 66]). Во многих случаях *еден* обнаруживает экспрессивно маркированное значение. Например, в высказывании *Ти си еден тиран* (Ты такой же, как и все тираны) [18. С. 103; 6. С. 63] *еден* обладает семантикой сравнения, в основе которого лежит качественная оценка. Наиболее часто экспрессивно маркированное сравнение, как отмечает М. Миркуловская, встречается в составе предиката, так как именно в этом случае ИГ функционируют как характеристики (понимаемые в широком смысле) [17. С. 258].

Мы проанализировали ряд текстов современного македонского языка, где встретились случаи оценочного использования *еден*. На первом этапе исследования мы определили статус и дистрибуцию *еден* со значением оценки в составе ИГ. На втором – обратились к референциальной семантике ИГ с *еден* в высказывании и ее оценочному наполнению.

Как показывает анализ, *еден* в составе ИГ способен занимать позицию определителя и заместителя:

1. *Нени – тоа сум јас. Лили не можеше да замисли дека нејзината внука може да има едно такво селско име* [15. С. 11].

2. *Зарем во оваа селска во која се наоѓаш ти одбираш да ми кажеш нешто толку банално како «нормален еден», обраќајќи ми се? Нормален сум, а ти не си...* [20].

В качестве определителя *еден* выступает перед существительными, которые могут сопровождаться прилагательными и местоимениями (1). В качестве заместителя НМ *еден* занимает позицию существительного и способно сочетаться с определениями и другими определителями (2). Если в позиции определителя *еден* может выполнять артиклевую функцию, то в позиции заместителя он функционирует как НМ, обладающее собственным лексическим значением.

Сочетания с *еден*-определителем мы условно разделили на два типа. Во-первых, это ИГ *еден*+существительное (*еден*+N). Как правило, в составе подобных ИГ *еден* находится в препозиции к имени и дублирует форму его рода и числа:

3. *Полесно ѝ било да исфрли од животот на своето семејство еден селанец* (м.р., ед.ч.), *нема врска што тој ми е мене татко, што тој ѝ е маж на мама, тоа било полесно отколку да сака нешто што претходно толку го мразела...* [15. С. 9].

Иногда наблюдается инверсия. Речь идет об обращениях экспрессивного характера и восклицательных конструкциях:

4. а) – *А бе, мангуни едни, сте заборавили чаши* [15. С. 45]; б) *Неплаќаш данок, сидашу еден!*... *Бидејќи се работи за фискални сметки треба да е: фискашу еден!* [21]; в) – *Уф! Ѓаволот!* – *извика баба Неда, – Иста е неговата баба Менче. Ѓавол еден!* [15. С. 73].

Существительное, входящее в состав ИГ, может быть как нарицательным, так и собственным; имена нарицательные подразделяются на конкретные и абстрактные, однако во всех случаях в семантике имен содержится оценочный компонент:

5. *Беше еден Тито* [22].

6. *Нејзината ќерка со еден селанец!* [15. С. 17].

7. а) *Се расплакав уште посилно откако ми падна на ум дека можеме да бидеме разделени една вечност што уште подолго ќе трае...* [15. С. 8]; б) *Јас тогаш, со една рамнодушност без трошка детски инает, му реков: – Нема никогаш да ти простам и тебе* [15. С. 91].

В данном случае функция *еден* – подчеркивание, усиление значения имени, выделение предмета из ряда других как обладающего особым, исключительным качеством (функция эминентности в терминологии Ю.С. Маслова [23]). В «Толковом словаре македонского языка» отмечается, что в разговорной речи *еден* зачастую используется для подчеркивания, выделения имени: *Имаше едни мустаки до уши. Пуштил една брада како поп. Зинал една уста и само кажуваш нешто* [24. С. 576].

Во вторую группу входят ИГ, включающие прилагательное или адъективное местоимение и существительное (*еден+Adj₁(Adj₂)+N*). В данном случае *еден* усиливает более нагруженный в смысловом отношении компонент ИГ, это может быть как существительное (8), так и определение к нему (9, 10). При усилении семантики имени возможна инверсия прилагательного (8б, 8в):

8. а) *Сиот – една отеловена болка* [15. С. 130]; б) *Цветот се повеќе ги шири своите латици, ножот сигурно патува во мека врелост и од соковите на еден живот црвен е до своето грло* [25. С. 110]; в) *Примитивци едни индискретни... Тие ријат по интимата!* [15. С. 19].

9. *Ти си ангел. Ти си еден тажен ангел* [26].

10. а) – *А бе... Сум станал еден склеротичен братучед* [15. С. 41]; б) *Да, таа е една силна, природна жена и можеби ќе може, си мислев* [15. С. 21–22].

В том случае, когда происходит усиление семантики прилагательного, его невозможно извлечь из словосочетания, не исказив смысла. Сравни: *Сум станал еден склеротичен братучед. – Сум станал еден братучед.*

Разновидностью приименного определения является также аппозиция:

11. *Госпоѓа Вера ни пронајде и една тетка Гена ...* [15. С. 101].

В состав подобных словосочетаний, как правило, входят качественные прилагательные, среди которых выделяются два обширных семантических класса: «типичный» (*обичен, доста раширен, типичен* и др.) и «исключительный» (*силен, голем, длабок, недостиген, урнебесен* и др.).

Особо следует отметить сочетания *еден* с местоименными прилагательными (*еден таков (таков еден), еден цел (цел еден), еден ист таков, еден поинаков,*

подруг и др.), которые предполагают качественное сравнение или некую совокупность предметов. Подобные местоименные прилагательные способны присоединяться как непосредственно к существительному (*еден таков маж, една таква жена, еден таков Спиридон* и др.), так и к словосочетанию с прилагательным в составе (*една таква урнебесна вечера*). Кроме того, в нашем материале встречаются случаи, где сочетание *еден таков* употребляется без существительного:

12. *Мама ме гушкаше и над мојата глава мрмореше дека би требало да ме остави; а татко ми со најлутито глас што сум го слушнала долго викаше дека нема намера да ме остави со «една таква» или со «едни такви»...* [15. С. 6]. В них экспрессивность повышается благодаря субстантивации квалификативного местоимения *таков*. Отрицательная коннотация возникает из-за стереотипности употребления *еден таков* для указания на негативные свойства объекта, причем свойства эти, как правило, не эксплицируются.

В пределах высказывания выделяют две группы, обретающие референцию, – именную и предикатную. Субстантивные употребления делятся на референтные и нереферентные. При предикатном употреблении ИГ не соотносится ни с каким объектом, а означает свойство.

Как показывает материал, ИГ с *еден* могут обозначать как индивидуализированные объекты, неопределенные и слабоопределенные, так и неиндивидуализированные (экзистенциальные и универсальные).

Референтное употребление ИГ связано с семантикой слабой неопределенности и неопределенности. В случае **слабой неопределенности**, как отмечалось, объект реальной действительности известен говорящему, но предполагается неизвестным слушателю. Слабоопределенные ИГ часто употребляются в составе интродуктивных высказываний, где говорящий называет предмет и в дальнейшем тексте идентифицирует его:

13. *Не знам кој го посветувал, но некаде пред десетти август, почна една нова игра без Снежје што јас ја нареков: Неда не учи чешки* [15. С. 101].

В ряде случаев это может быть вторичное введение уже упоминавшегося ранее предмета. Вторичная номинация необходима для дополнительной характеристики предмета или его роли в конкретной ситуации:

14. *«Има некакви проблеми?»*, – рече **еден тивок глас**. *Професорот Волков тукушто се симна од следната кочија* [27. С. 78].

15. *Да знаеја само што мислеше тој, умниот, што носеше тој во душата, што си шепотеше кога беше сам и кога до усмев вистинито му се чинеше дека една бела, кротка и трепетна рака му го допира рамото* [28. С. 148].

Также ИГ с *еден* имеет значение слабой определенности в тех случаях, когда говорящий не желает идентифицировать известный ему предмет. Причиной отсутствия идентификации может быть демонстрация пренебрежительного отношения к предмету высказывания, когда подчеркивается, что предмет не достоин внимания. В этом случае семантика *еден* аналогична семантике местоимения *некојси*. Говорящий намеренно дистанцируется от предмета речи:

16. *Госпоѓа Вера ни пронајде и една тетка Гена (исто така мажена во Прага, ама цели педесет години, исто така Македонка) која ни правеше ручеци секој втори ден* [15. С. 101].

Значение слабой неопределенности наблюдается и в сочетаниях *еден* с именами собственными. Важно заметить, что *еден* в данные сочетания привносит экспрессивный компонент. Имя собственное обозначает единственный в своем роде предмет и не нуждается в дополнительной детерминации. Значения неопреде-

ленности и единичности оказываются излишними, и *еден* в этом случае призван подчеркнуть отношение говорящего к обозначаемому предмету. Как правило, в сочетаниях *еден* с именем собственным выражается экспрессивное отношение автора к обозначаемому лицу:

17. *Некаде на почетокоп на 20 век, во Санкт Петербург, си живееле во љубов една Вера и еден Иван. Вера била малку трудничка и целата среќна едвај чекала да се олесни и да ѝ се роди детенце* [29].

18. *Еден од нас ни рече дека на тој што се претстави како Спиридон, не треба да му веруваме. Прво, затоа што еден таков Спиридон (со слично име) веќе бевме истерале од нашето место затоа што сите заклучивме дека е штетен за нашето единство...* [30. С. 28].

19. *Беше еден Тито* [22].

В ИГ со значением **неопределенности** *еден*, как и в случаях со слабоопределенными ИГ, придает имени значение эминентности, используется для того, чтобы подчеркнуть выдающееся качество предмета:

20. *Но, и братучедот Сотир знае да се измори, на тој со една длабока воздишка ја спушти на земјата...* [15. С. 40–41].

21. *Ајде сега ние двајцата да направиме еден сериозен машки муабет* [15. С. 59].

22. *Јас тогаш, со една рамнодушност без трошка детски инает, му реков: Нема никогаш да Ти простам и тебе* [15. С. 91].

Как мы видим, в функции усиления *еден* способен употребляться как при конкретных, так и при абстрактных существительных.

Кроме того, *еден* может сопровождать **нереферентные ИГ**. В данном случае активизируется понятийная соотнесенность имени и основным становится не конкретный предмет, а скорее признаковая сторона, характеризующая множество предметов данного класса.

При **экзистенциальном употреблении** ИГ реализуется значение существования объекта, обладающего некоторыми свойствами. Данный объект не индивидуализирован, поскольку он не выбран из класса объектов, это просто элемент множества. При экзистенциальном употреблении, как правило, реализуется субъективная семантика безразличности выбора предмета из некоторого множества однотипных предметов:

23. *Па, да – и тој е човек, би рекла Снежје и зошто да не може да премине една граница?* [15. С. 140].

К экзистенциальным ИГ, по нашему мнению, относятся и сочетания с местоимениями *еден таков*, т.е. «какой-то такой, обладающий этими качествами». Негативная коннотация, сопутствующая имени с этими местоимениями, очевидно, обеспечивается как раз подчеркиваемым безразличием говорящего к конкретному объекту, который принадлежит множеству предметов, обладающих данными свойствами:

24. *Идејата за фонтаната нејзе ѝ дојде наеднаш како што им доаѓа наеднаш на птиците да снесат јајца, како што наеднаш почнува да врне иако нема облаци, како што само од мозокот на една таква жена може наеднаш да исплива на површината на водата, на виделината на белиот ден, такво нешто* [30. С. 19].

25. *...фонтана на дворот на куќата не би им личело со околината која во многу што е посиромашна од потребата да се има таков еден предмет во дворот* [30. С. 20].

В универсальных (генерализующих) высказываниях речь идет о типичном, эталонном представителе некоторого множества, совокупности известных нам предметов, которыми весь «класс» далеко не исчерпывается. В данном случае происходит обобщение, причисление предмета к классу, множеству предметов, класс представлен дискретно. Многие обобщенные высказывания сами по себе являются оценочными. *Еден* же подчеркивает акт подведения предмета под класс через сравнение с типичными, эталонными для этого класса признаками, усиливает «типичность» объекта (*самый обычный, самый типичный*). «Типичность», «усредненность» эталона, выбранного для оценки, зачастую подчеркивается определениями вроде *типичный, обычный, рядовой, средний, подобный, такого типа* и др.:

26. *Не е лесно еден писател да успее да го анимира читателот* [24].

27. *Ако мислиш дека животот е толку едноставен, зошто се повеќе го усложнуваш разговорот со еден обичен странец, кога тоа е толку лесно и едноставно* [31].

Особого внимания заслуживает *еден* в составе предиката, потому что типичной для оценочных дескрипций является синтаксическая позиция предикатива. Предикативное употребление ИГ остается нереферентным, так как имя здесь «не соотносится ни с какими объектами, а означает свойство» [4. С. 86]. Однако основной характеристикой таких высказываний является референтная определенность субъекта, т.е. предикатная группа характеризует определенный референт. В предикате же выражается свойство, признак, характеристика референта.

Еден в составе предиката способен выражать несколько значений. Прежде всего это своеобразное «усредняющее» значение. Подобные высказывания часто сопровождаются ограничительной частицей *само* (или подразумевают ее семантику):

28. *Можеби сум само една романтична будалетинка, а можеби и навистина човеков знаел да каже те сакам...* [29].

Возможна реализация семантики эминентности с положительной или отрицательной коннотацией:

29. *Да, таа е една силна, природна жена и можеби ќе може, си мислев* [15. С. 21–22].

30. *Сум станал еден склеротичен братучед* [15. С. 41].

31. *Точно си е тоа, само пази се од инструментот обоа! Може да те претвори во турбофолк, а ти си еден добар раперски волк!* [32].

Наиболее ярко подобная семантика проявляется в обращениях и восклицательных высказываниях, которые представляют собой «чистую» характеристику субъекта.

32. *Долго, возбудено по патот мрмореше: Примитивци едни индискретни... Тие ријат по интимата!* [15. С. 19].

33. *А бе, мангуни едни, сте заборавили чаши* [15. С. 45].

Еден может стоять в постпозиции к характеризруемому имени и выражать высшую степень негативной реакции говорящего на объект. При использовании *еден* в постпозиции говорящий считает, что слушающий и есть эмоционально характеризуемый объект. Подобные фразы выражают непосредственную спонтанную реакцию говорящего на события, произошедшие непосредственно перед моментом речи, или указывают на бурное переживание негативных для говорящего событий.

Третья функция – классифицирующая, подводящая под класс. В основе подведения лежит сравнение свойств конкретного предмета со свойствами (интенцио-

налом) некоего эталонного представителя класса. Подобное сравнение является субъективно маркированным, экспрессивным [17; 18; 6].

34. *Ти си едно цвеќе, една прекрасна природа... ти си една душа, едно диво маченце... ти си едно сонце, една ѕвезда* [26]. Имя в данных конструкциях является оценочным, однако экспрессия, усиление оценки создается именно за счет использования *еден*.

Эталон для сравнения может быть выражен и конкретным, и абстрактным именем (при прямой характеристике), а также словосочетанием с определением в составе (сравнение-характеристика) в терминологии М. Миркуловской (см. [17. С. 258]).

35. *Ти си еден нежен и топол ветер, кој со својата нежност го допира во срцево* [26].

36. *Не падна во тоа нишаѓе, зашто – се клатеше – јас сум едно непрекинато паѓање, до крај на своето постоење* [25. С. 121].

Итак, как показывает наш материал, у неопределенных дескрипций, в данном случае дескрипций с *еден*, часто развивается оценочное значение, потому что неопределенность в отличие от определенности более связана со сферой семантики, с признаковым компонентом значения имени.

Оценочное значение *еден*, как правило, появляется в высказываниях обобщенного характера и в составе предиката. Здесь способна проявляться таксономическая функция *еден*. Подведение под класс основывается на экспрессивном сравнении с эталоном. Экспрессивность возникает за счет того, что говорящий предполагает, что характеризуемый объект обладает определенными свойствами стереотипного, среднего эталона, но не эксплицирует их. Сравнение с эталоном основано на субъективном опыте говорящего, на имеющихся в его сознании индивидуальных представлениях об устройстве мира.

Кроме функции усреднения *еден* обладает функцией эминентности, усиления признакового компонента имени или определения к нему. Возникает подобное явление в случае отклонения от усредненного стереотипа. Усиление, как правило, сопровождается отрицательной или положительной коннотацией. Говорящий четко определяет свое отношение к объекту оценки, показывая, что «хорошо–плохо» для него. Данная функция *еден* способна проявляться как в референтных, так и в нереферентных ИГ.

В высказываниях экзистенциального характера говорящий выделяет объекты, безразличные для оценки (безразличие при выборе). Однако семантика понятия «безразличный» с точки зрения оценивания далеко не всегда оказывается нейтральной, поэтому часто на шкале оценивания происходит сдвиг в сторону отрицательного.

Ведущим в оценке является субъективно-эмоциональный момент, потому что именно субъект испытывает эмоции, вызывающие оценку «хорошо–плохо», именно он определяет градацию шкалы оценивания и норму для сравнения объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нехорошкова Т.П. Семантика неопределенных местоимений (на материале латинского и французского языков). СПб., 2001.
2. Гладров В. Семантика и выражение определенности/неопределенности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.

3. *Иванова Е.Ю., Коваль С.А.* Болгарское «един» с точки зрения референциального анализа (научно-методический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Языкознание. Литература. 1994. Вып. 4.
4. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
5. *Шмелев А.Д.* Определенность/неопределенность в аспекте теории референции // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
6. *Поварничина М.* Кон употребата на *еден* како показател на неопределеноста во македонскиот јазик // *Studia Linguistica Polono-Meridianoslavistica*. 8. 1996.
7. *Поварничина М.* Кон семантиката на неопределените заменки во македонскиот и рускиот јазик (слабоопределени заменки) // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски (материјали од Првата македонско-руска славистичка конференција, Охрид, 23–24 август 1995 г.). Скопје, 1998.
8. *Поварничина М.А.* О семантике неопределенных местоимений в македонском языке: экзистенциальные местоимения // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. Сб. материалов Междунар. российско-македонской науч. конф. М., 1999.
9. *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5.
10. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.
11. *Минова-Гуркова Л.* Синтакс на македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1994.
12. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
13. *Конески Б.* Грамматика на македонскиот литературен јазик (дел 1 и 2). Скопје, 1982.
14. *Тополињска З.* Студиј од македонско-бугарската јазична конфронтација. Скопје, 1996.
15. *Владова Ј.* Девојчето со две имиња. Штип, 2001.
16. *Миркуловска М.* Изразување на определеноста во балкански контекст // Балканска слика на светот: Зборник од Меѓународната научна работилница одржана во Скопје на 5–6 декември 2005 година / Прир. К. Кулавова. Скопје, 2006.
17. *Миркуловска М.* Македонското 'еден' во членска употреба // Славистички студии. Бр. 10. Скопје, 2002.
18. *Тополињска З.* Грамматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик (род, број, посоченост). Скопје, 1974.
19. *Тополињска З.* Македонски еден – неопределен член? // Македонски јазик. 1981–1982. XXXII–XXXIII.
20. <http://www.dozgulpmus.blog.com.mk/node/85307>
21. <http://kajmakot.softver.org.mk/politika>
22. <http://sociojalizam.blog.com.mk/>
23. *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
24. Толковен речник на македонскиот јазик. Скопје, 2003. Т. 1 (А–Ж).
25. *Јаневски С.* Две Марии. Скопје, 1952.
26. <http://bezljubov.blog.com.mk/>
27. *Раулинг Ц.К.* Хари Потер и затвореникот од Азкабан. Скопје, 2003.
28. *Конески Б.* Лозје. Скопје, 1990.
29. <http://www.macedonia.eu.org/>
30. *Лафазановски Е.* Кога во Скопје ги беа измислиле чадорите. Скопје, 1998.
31. <http://devstvenocrvno.blog.com.mk/node/81570>
32. <http://hip-hopschool.blog.com.mk/>

© 2009 г. *И.Е. ШНИЦЕР*

НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ПОСТАВИТЬ СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 ГОДА

Вхождение словацких земель в состав Чехословацкой республики после Первой мировой войны казалось вполне закономерным явлением. Чешский и словацкий народы объединяла не только этническая и культурная близость, но и общность исторических судеб. Поэтому не было ничего удивительного в том, что большинство словацких политиков в 1918 г. поддержали идею создания совместного с чехами государства. Но при этом с самого начала у обоих народов было абсолютно разное понимание сущности чехословацкого государства. Пражские политики считали, что оно является прямым результатом возрождения исторического чешского государства в новой, усовершенствованной форме, которая дополнительно включает словацкие земли. В то же время, их словацкие коллеги рассматривали новое государство, как результат объединения двух равноправных партнеров и поэтому рассчитывали на активное участие в управлении Чехословакией. Однако уже с первых недель существования нового государства пражское руководство сосредоточило власть в своих руках и начало проводить относительно словаков политику дискриминации, что привело к напряжению в чехо-словацких отношениях. Спор между чехами и словаками вызывали имеющиеся культурные отличия, политическая дифференциация и прочешский протекционизм, радикально-прогрессивная ориентация многих чехов, нечутко насаждаемая в консервативном словацком обществе [1. S. 231]. Все это подтверждают свидетельства британского дипломата Ц. Гослинга о ситуации на словацких землях в 1919 г. Он в своих заметках писал, что словацкие земли «пленили чешские чиновники, а местных людей со службы удаляют». Если они работают, то их жалование вдвое меньше той суммы, которую получают чехи за аналогичный труд. Кроме того, дипломат указывал на многочисленные попытки членов правительства заменить словацкий язык чешским, на расцвет коррупции в органах государственной власти. По его мнению, все это привело к появлению на словацких землях политического течения, которое требовало автономии и собственного сейма [2. S. 137].

Известный словацкий исследователь Л. Липтак считает, что словацкое автономистское движение возникло через «простой факт, что Чехия не является Словакией, а чехи не являются словаками» [3. S. 137]. Появление движения ускорилось тем, что Прага старалась руководить чешскими и словацкими землями по единому критерию, не учитывая различия в политическом, социально-экономическом

Шницер Игорь Емельянович – канд. ист. наук, доцент Ужгородского университета.

и культурном уровне развития [4. S. 175]. Закономерно, что возглавила данное движение партия, представители которой не принимали участия в управлении государством, были не удовлетворены своим официальным статусом в молодом государстве и имели определенные требования и претензии к власти. Этой партией была Словацкая народная (людовая) партия (СНП). Уже в начале 1919 г. в ее партийном органе, газете «Slovak», отмечалось, что автономия в составе Чехословацкой республики является «главным пунктом нашей программы» [5. S. 63]. Более того, в программной брошюре «Словацкая народная партия. Чего она хочет и за что борется?» отмечалось: «Мы телом и душой за нашу Чехо-Словацкую республику. Народная партия является надежной опорой нашего государства. В рамках этого государства она хочет оберегать права словацкого языка и все интересы словацкого народа, именно поэтому открыто выступает за автономию Словакии» [6. S. 16]. Подобные заявления руководства СНП были абсолютно справедливыми, считает словацкий ученый П. Шворц, поскольку центристский курс пражской власти, ее антирелигиозный характер, дискриминационная кадровая политика и официальная идеология «чехословакизма» не отвечали национальным интересам словацкого народа [7. S. 68].

Одним из главных аргументов СНП в борьбе за автономию было Питтсбургское соглашение от 31 мая 1918 г. Напомним, что его заключили представители Словацкой Лиги и чешских общественных организаций в США при участии будущего президента Т.Г. Масарика. Соглашение представляло собой политическую программу, которая предусматривала объединение чехов и словаков в самостоятельном государстве, гарантируя последним собственную администрацию, сейм и независимые суды. Кроме того, в соглашении особо отмечалась необходимость предоставления словацкому языку статуса государственного [8. S. 82]. Руководство СНП о Питтсбургском соглашении впервые узнало в начале 1919 г. В это время политическая ситуация на словацких землях оставалась напряженной. Причинами были как интервенция венгерских большевиков, так и дальнейшие нарастание чехо-словацких противоречий. В этой ситуации у руководства партии появилась мысль о необходимости вынесения словацкого вопроса на международную арену. Впервые идея поездки на Парижскую мирную конференцию была сформулирована в открытом письме к премьеру Чехословацкой республики В. Тусару от 22 августа 1919 г. В нем отмечалось, что СНП, стремясь добиться реализации автономии словацких земель в составе Чехословакии, гарантированной Питтсбургским соглашением, вынуждена обратиться к мировой общественности.

Как свидетельствуют архивные материалы, главным инициатором поездки в Париж был Ф. Егличка [9]. Именно он настоял на том, чтобы лидер народной партии А. Глинка сообщил о невыносимом положении словаков в республике непосредственно участникам конференции [10. S. 32]. Со временем сам А. Глинка признал, что лично не планировал поездку на международную конференцию, и только под влиянием встречи с Ф. Егличкой 27 августа 1919 г. принял решение немедленно и тайно выехать в Париж [5. S. 72]. Его слова нашли подтверждение в воспоминаниях Й. Рудинского, который был одним из участников этой миссии [11. S. 54]. Поэтому нет никаких сомнений в том, что настоящим организатором поездки лидера словацких автономистов А. Глинки на Парижскую мирную конференцию был именно Ф. Егличка.

Уже 28 августа 1919 г. А. Глинка в сопровождении четырех помощников: депутата Ф. Еглички, профессора Й. Рудинского, редактора Ш. Многела и предпринимателя Й. Кубалы отправился во Францию без ведома пражского прави-

тельства. Дорога политиков проходила через Варшаву. Здесь члены глинковой делегации получили польские загранпаспорта на чужие фамилии. А. Глинка, в частности, путешествовал под именем Й. Бергер. Следует отметить, что польская сторона также финансировала все затраты, связанные с поездкой. Причем наибольшую помощь словацкой делегации предоставил Ф. Махай. Позже он прославился тем, что публично агитировал за отторжение территорий Спиша и Опавы от Чехословацкой республики.

В Варшаве А. Глинке был организован прием у маршала Ю. Пилсудского. По воспоминаниям Й. Рудинского, аудиенция носила чисто формальный характер. Маршал сказал только две фразы: «Имеете право защищать свою национальную индивидуальность. При возможности будем Вам помогать» [11. S. 55]. Вместе с тем, по официальным данным, Ю. Пилсудский также заявил: «Если словаки на мирной конференции не встретят согласия у стран-участниц, то пусть сразу же обращаются к Будапешту» [12. S. 23]. Это свидетельствовало о том, что польские власти, несмотря на наличие территориальных претензий к Чехословакии, относились словацкие земли к сфере венгерских интересов.

В столице Польши члены делегации имели также аудиенцию у будущего папы римского Пия XI, монсиньора Акилле Ратти. Как писал Ф. Егличка, А. Глинка во время встречи рассказал собеседнику о бедах, которые религиозный словацкий народ испытывает от «чешских гуситов» [13. S. 9].

Маршрут словацкой делегации в Париж проходил через территорию Румынии, Италии и Швейцарии. Это было продиктовано тем, что лидер СНП хотел любой ценой избежать поездки через Венгрию для того, чтобы не дать оснований для обвинений в мадьяронстве, потому что пражское руководство и так расценивало словацкое автономистское движение не иначе, как «венгерскую интригу, импортированную на словацкие земли».

В столицу Франции члены делегации прибыли 19 сентября 1919 г. С собой они привезли документ под названием «За мир в Центральной Европе – меморандум словаков мирной конференции». Его автором был Ф. Егличка, как позже сообщил А. Глинка. Более того, поскольку меморандум был написан на французском языке, то Глинка даже не знал его точного содержания. О главных положениях документа ему рассказал лично Ф. Егличка [5. S. 73]. Текст меморандума состоял из нескольких частей. В его первой части говорилось, что словаки с большим нетерпением ожидали окончания Первой мировой войны и своего национального освобождения. Однако после завершения войны они неожиданно оказались под новой чешской властью, которая не выполнила ни единого пункта Питтсбургского соглашения. Далее, словаки ставили в укор странам-победительницам то, что они забыли гарантировать им политическое самоуправление в Чехословакии, подобное тому, которое было обещано Подкарпатской Руси. Кроме того, в документе приводились факты, которые свидетельствовали о неравноправном положении Словакии в составе республики. Поэтому делегация обращалась к странам-участницам конференции с просьбой немедленно разрешить данный вопрос. По мнению автора документа, наиболее справедливым решением было бы проведение на словацких землях плебисцита под наблюдением союзных держав. Именно его результаты и должны были продемонстрировать действительные предпочтения местного населения. Меморандум был датирован 20 сентября 1919 г. и подписан всеми членами делегации [14].

Главной задачей деятельности А. Глинки в Париже было налаживание контактов с членами иностранных делегаций. Однако все его усилия были напрас-

ными. Представители американской, британской и французской делегаций отказались принять меморандум. Более того, один из членов американской делегации сообщил, что решение по чехословацкому вопросу уже принято и участники конференции не намерены его изменять. Очевидно, это было результатом кампании Праги, которую она вела с целью дискредитации словацкой делегации. Так, она заранее информировала французское правительство о приезде А. Глинки, сообщив еще 8 сентября 1919 г., что в Париж прибывает «монархист, сепаратист, правый реакционер, интриган и чехофоб» [15. S. 75]. В подобном духе действовала и официальная чехословацкая делегация во главе с К. Крамаржем [16. S. 62]. Ей определенное время даже удавалось контролировать деятельность А. Глинки в Париже через бывшего легионера Й. Папанку. Поскольку делать это становилось все труднее, официальная чехословацкая делегация обратилась 24 сентября 1919 г. к Ж. Клемансо с заявлением о нежелательности присутствия А. Глинки и сопровождающих его лиц в Париже. Их обвиняли в антигосударственной деятельности, которая имеет целью подрыв территориальной целостности ЧСР. Вместе с тем, в заявлении отмечалось, что словацкая делегация является нелегитимной, поскольку пражский кабинет осуждает ее деятельность. Французы оперативно отреагировали на данное обращение и А. Глинка вместе с членами своей делегации был вынужден оставить Париж [17. S. 225].

Следует отметить, что меморандум «За мир в Центральной Европе» не вызвал у участников конференции надлежащего внимания. Возможно, из-за того, что представителям ведущих государств мира ничего не было известно о существовании словацкого вопроса в ЧСР. Так, президент США В. Вильсон и британский премьер Д. Ллойд-Джордж во время конференции направляли своим экспертам записки: «Чехо-словаки – кто это такие? Где находятся? И сколько их?» [18. S. 276]. И только исходя из того, что в ходе Первой мировой войны чехи и словаки выступали как единый международный субъект, участники конференции не видели надобности в отдельном урегулировании государственно-правового положения Словакии в ЧСР. Они рассматривали данный вопрос как внутреннее дело самой республики. И только Польша и Венгрия, имея территориальные претензии к молодому государству, поддержали меморандум словацкой делегации. А. Глинка в Париже имел по этому поводу специальную встречу с председателем польской делегации И. Падеревским [13. S. 10], которая однако не имела никаких политических последствий.

Что касается Венгрии, то она включила данный меморандум в свои документы, которые 25 января 1920 г. были вынесены на рассмотрение конференции в виде приложения к части 14 – вопрос о Словакии [17. S. 227]. Таким образом, будапештская власть использовала его в собственных интересах, что дало основание отдельным чехословацким политикам небезосновательно обвинить автора меморандума Ф. Егличку в сотрудничестве с врагами республики. В частности, лидер социал-демократов И. Дерер утверждал, что Ф. Егличка являлся венгерским агентом с первого дня существования Чехословакии [19. S. 111]. Однако это утверждение не совсем соответствовало действительности, поскольку Ф. Егличка приехал осенью 1918 г. в молодое государство с целью сделать церковную карьеру, для чего ему была необходима поддержка чехословацкой власти. Недаром в конце 1918 – начале 1919 г. он активно требовал от Праги содействия в назначении новых епископов на словацких землях [20. S. 25]. И только тогда, когда понял, что не достигнет своей цели, Ф. Егличка быстро переориентировался на Венгрию. Это произошло приблизительно в середине 1919 г. [5. S. 71]. И именно

по этой причине подготовленный им меморандум отвечал интересам Будапешта в вопросе проведения на словацких землях плебисцита по поводу дальнейшего пребывания в составе ЧСР. Таким образом, Ф. Егличка просто использовал доверие А. Глинки в своих интересах, которые вовсе не совпадали с политической программой СНП. С другой стороны, участие Ф. Еглички в поездке на Парижскую мирную конференцию говорит о политической незрелости и наивности А. Глинки в 1919 г.

Поездка словацкой делегации на Парижскую мирную конференцию никак не повредила планам пражской власти. Чешским политикам удалось удовлетворить большинство своих территориальных требований. Таким образом, после подписания мирных договоров на территории ЧСР проживали 8 760 937 (65,51%) чехов и словаков, 3 123 568 (23,36%) немцев, 745 431 (5,57%) венгров, 461 849 (3,45%) русинов, 180 855 (1,35%) евреев, 75 853 (0,57%) поляков, 13 974 (0,2%) румын, 8446 (0,06%) цыган, 2108 (0,02%) югославян, 1343 (0,01%) других национальностей [21. S. 100]. Чехословакия стала многонациональным государством, более чем треть населения которой составляли национальные меньшинства, если считать и словаков титульной нацией. В этой ситуации возрастала роль официальной идеологии, которая отвергала факт существования самостоятельного словацкого народа и признавала только «единый чехословацкий народ». Таким образом, власть старалась обеспечить чехам необходимое большинство в новообразованшемся государстве [22. S. 31].

Теория «чехословакизма» базировалась на тезисе, что чехи и словаки составляют единую политическую нацию. Прага внимательно следила за тем, чтобы ни один политик или партия своей деятельностью не подрывали идеологическую основу государства. Поведение же лидера СНП расценивалось властью именно так. Поэтому А. Глинка после поездки на Парижскую мирную конференцию оказался в чрезвычайно сложном положении. Будучи одним из соучредителей чехословацкого государства, он моментально стал его главным врагом. Одновременно лидер СНП своими необдуманными действиями (а именно так следует оценить его краткий политический союз с Ф. Егличкой) скомпрометировал саму идею автономии Словакии в составе Чехословацкой республики. Правительство рассматривало его поездку в Париж как дополнительное доказательство того, что словацкое автономистское движение является венгерской спецоперацией по отторжению словацких земель от Чехословакии и присоединению их к Венгрии. Уже 18 сентября 1919 г. В. Шробар в Национальном собрании заявил, что «автономия как лозунг есть сигнал для оппозиции в Словакии, а как программа – средство отторжения Словакии от чешских земель» [23. S. 75].

Широкая общественность о поездке А. Глинки впервые узнала из номера газеты «Lidový noviny» от 11 сентября 1919 г. В результате возник большой политический скандал, под влиянием которого 16 сентября 1919 г. исполнительный комитет СНП был вынужден сделать достоянием гласности специальное заявление. В нем говорилось, что А. Глинка осуществил поездку на Парижскую мирную конференцию без ведома и согласия партии. Таким способом СНП попыталась избавиться от ответственности за действия своего лидера, хотя, по позднейшим свидетельствам самого А. Глинки, по крайней мере двое ведущих членов СНП были осведомлены о его планах. Руководство народной партии решительно выступило против подозрений в мадяронстве и отмечало, что главной целью СНП является самоуправление Словакии в составе ЧСР. Больше того, новое заявление исполнительного комитета партии от 24 ноября 1919 г.

осудило любые действия, направленные против территориальной целостности республики [5. S. 83].

Клуб словацких депутатов в Национальном собрании также выступил с острой критикой действий А. Глинки [24]. Он принял решение лишить его и Ф. Егличку депутатских мандатов. Несмотря на это, 9 октября 1919 г. А. Глинка возвратился в Словакию. Что касается других участников поездки на конференцию, то они остались за границей. Ш. Многел выехал в Польшу, Й. Рудинский и Й. Кубала – в США, а инициатор всей акции Ф. Егличка эмигрировал в Венгрию [25. S. 622]. Он мотивировал свой отказ возвратиться на родину тем, что боится преследований со стороны чехословацкой власти [26]. Ш. Многел считал, что только варшавские политики смогут помочь его народу решить существующие проблемы. Й. Рудинский и Й. Кубала в США искали идейную и материальную поддержку среди американских словаков. Ф. Егличка за рубежом развернул широкомасштабную кампанию за возвращение словацких земель на правах автономии в состав венгерского государства. И только А. Глинка остался верным программному лозунгу СНП «Мы телом и душой за нашу ЧСР». Уже 10 октября 1919 г. он принял в Ружомбероке делегацию народной партии. Кроме того, политик подготовил три письма: одно – премьеру в Праге, второе – министру В. Шробару, третье – членам жупного комитета в Липтавском Св. Микулаше, которые еще 27 сентября 1919 г. требовали у власти запретить А. Глинке въезд на территорию республики. В письмах политик писал: «Протестую против подозрения в государственной измене. Если я – государственный предатель, потому что стремился реализовать американское соглашение, государственными предателями являются также все те, кто его подписал» [27. S. 103]. Однако это не повлияло на позицию чехословацкой власти, которая готовилась провести арест лидера СНП.

С этой целью уже 11 октября 1919 г. количество жандармов в городе Ружомберок, где проживал А. Глинка, было увеличено на 50 чел. Как следовало из материалов дела, по официальной версии это было сделано для сохранения правопорядка и предотвращения проявлений недовольства. Соответственно приказу министерства внутренних дел, в ночь с 11 на 12 октября 1919 г. комиссар и двое агентов пражского полицейского управления при помощи командира местной воинской полиции К. Давида провели арест А. Глинки. Лидер СНП не сопротивлялся, только попросил каплана П. Бацкора сообщить об его аресте местному населению. В результате утром 12 октября 1919 г. перед католическим храмом в Ружомберке собралась толпа приверженцев А. Глинки с протестами против незаконных действий властей. Однако по полицейским донесениям, покой в городе не был нарушен [26]. Руководство СНП вообще не отважилось открыто выступить на защиту своего лидера.

В ноябре 1919 г. А. Глинка был допрошен в тюрьме Мирова. Вскоре председателя народной партии официально обвинили в государственной измене. Именно так трактовала власть его попытку вынести словацкий вопрос на международную арену. При этом она не учитывала того, что раньше аналогичную попытку совершили судетские немцы, но президент республики их помиловал.

В защиту А. Глинки выступили чешские священники. Они характеризовали его как идеалиста, не способного на государственную измену. Кроме того, лидера автономистов защищали председатель Чехословацкой народной партии Й. Шрамек, пражский архиепископ Ф. Кордач и известный политик А. Колизек. Последний, в частности, доказывал властям, что судебный процесс над А. Глинкой еще больше обострит чешско-словацкие отношения. Он объяснял действия Глинки

импульсивным характером: «Священник как апостол, словак как камень, политик как ребенок» [28. S. 54]. В результате А. Колизек добился, чтобы 13 декабря 1919 г. А. Глинку перевели из Миров в Бродек, а оттуда в санаторий в Подоле. В конце 1920 г. чешский политик, встретившись с Т. Масариком, просил предоставить узнику президентскую амнистию. Однако против этого решительно выступили отдельные министры. Они не хотели, чтобы А. Глинка вышел на свободу накануне парламентских выборов, хотя собранные против него доказательства были неубедительными. А. Глинка сознался, что выехал в Париж с фальшивым загранпаспортом лишь для того, чтобы просить международную конференцию помочь в реализации Питтсбургского соглашения. То есть, собственно, он требовал автономии в составе чехословацкого государства, а об отторжении словацких земель от республики вообще не думал [15. S. 82]. Поэтому все те обвинения, которые звучали в его адрес, были безосновательными и носили исключительно политический характер. А. Глинка однозначно являлся сторонником ЧСР и к будапештским ревизионистским планам относился отрицательно. В конце 1919 г. партийный орган СНП – газета «Slovak» адресовала венграм следующие слова: «Запомните: словацкий народ не хочет иметь с вами ничего общего... Словацкий народ четко высказал свою волю 28 октября минувшего года и будет данное решение мужественно защищать от всех нападков своего извечного врага» [5. S. 88]. Глинка также подписал заявление, в котором отмечалось, что он лично «никогда ничего не совершил против Чехословацкой республики и ее целостности» [5. S. 88]. Поэтому не было оснований сомневаться, что лидер словацких автономистов искренне придерживался программного положения СНП «Мы телом и душой за нашу ЧСР», а его поездка на Парижскую мирную конференцию была вызвана желанием обратить внимание мировой общественности на неравноправное положение словаков в Чехословакии и добиться гарантий обещанной во время Первой мировой войны автономии.

Другой вопрос, что сделано это было не совсем грамотно, а участие в этой акции Ф. Еглички и вовсе компрометировало словацкую делегацию и идею автономии в целом. Но в тоже время, пражским властям было выгодно идентифицировать словацкое автономистское движение с венгерскими ревизионистскими силами, потому что такая позиция давала возможность игнорировать легитимные требования словацких национально-политических кругов, обвинять их в сотрудничестве с врагами республики. Такая модель взаимоотношений центральной власти и СНП сохранялась на протяжении всего существования первой Чехословацкой республики. Понятно, что это не могло способствовать решению «словацкого вопроса», а только еще больше обостряло чешско-словацкие отношения и в результате стало одной из главных причин распада Чехословакии в 1939 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dejiny Slovenska. Bratislava, 2000.
2. Bobak J. Slováci ako za Uhorska // Národný kalendár 1999. Martin, 1998.
3. Lipták L. Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000.
4. Galandauer J. Vznik Československé republiky 1918. Programy, projekty, perspektivy. Praha, 1988.
5. Kramer J. Slovenské autonomistické hnutie v rokoch 1918–1929. Bratislava, 1962.
6. Naša Slovenská ľudová strana. Čo ona chce? A za čo bojuje? Ružomberok, 1919.
7. Švorc P. Profily prvých. Prešov, 1990.
8. Pittsburská dohoda zo dňa 31. mája 1918 // Národný kalendár 1995. Martin, 1994.
9. Slovenská národná knižnica // Archív literatúry a umení. Signatúra: 132 DL 5.
10. Bartlova A. Hlinkova cesta do Paríža // Historická revue. 1990. R. 1. Č. 4.

11. *Rudinsky J.* Andrej Hlinka na mierovej konferencii // Andrej Hlinka v slove a obraze. Toronto; Ružomberok, 1991.
12. *Deak L.* Hra o Slovensko. Bratislava, 1991.
13. *Wolanowski L.* Po stopach špinavej afery. Bratislava, 1956.
14. Slovenský národný archív. F.V. Šrobar. Inv. Č. 601. Kr. 8.
15. *Deak L.* Cesta Andreja Hlinku do Paríža roku 1919 // Andrej Hlinka a jeho miesto v slovenských dejinách. Bratislava, 1919.
16. Внешняя политика Чехословакии 1918–1939. М., 1959.
17. *Hronský M.* Boj o Slovensko a Trianon. 1918–1920. Bratislava, 1998.
18. *Сыч А.* Версальская система и послевоенное устройство в Центральной и Восточной Европе // Stredoeurópské národy na križovatkách novodobých dejin 1848–1918. Prešov; Bratislava; Wien, 1999.
19. *Derer J.* Slovenský vývoj a ľudacká zrada. Praha, 1946.
20. *Kramer J.* Jredenta a separatismus v slovenskej politike (1919–1938). Bratislava, 1957.
21. *Яровий В.І.* Історія західних та південних слов'ян у ХХ ст. Курс лекцій. Київ, 1996.
22. Dejiny Slovenska V (1918–1945). Bratislava, 1985.
23. *Sidor K.* Slovenská politika na pode pražského snemu. 1918–1938. Bratislava, 1943.
24. Slovenský národný archív. F.A. Hlinka. Inv. Č. 1053. Kr. 24.
25. *Kazmerova L., Katunec M.* Žurnalistická činnosť Karola Sidora v prvej polovici dvadsiatych rokov 20 storočia // Historický časopis. 2001. R. 49. Č. 4.
26. Slovenský národný archív. F. Ministerstvo s plnou mocou pre spravu Slovenska. kmen. č. 3007, kr. 327. Hlinkova ľudova strana – agitace.
27. Чехия и Словакия в ХХ веке: очерки истории. В 2 кн. М., 2005. Кн. 1.
28. *Unuk F.* Andrej Hlinka tribun slovenského národa. Bratislava, 1998.

© 2009 г. М.Ю. ДОСТАЛЬ

СЛАВИСТИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ КОНЦА 1940-х ГОДОВ

Окончание изнурительной войны, триумф Победы, поддержка патриотических настроений в военный период привели к подъему самосознания воинов-победителей, возбудили в советском обществе надежды на ослабление идеологического прессинга, на признание приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, на восстановление культурных связей с западной цивилизацией. Этим надеждам не суждено было сбыться. Руководство страны взяло курс не на либерализацию страны, а на «закручивание идеологических и репрессивных гаек», ужесточение вмешательства государственно-партийного аппарата в культурную жизнь. И едва приоткрывшееся во время освобождения Красной армией европейских государств от фашистской оккупации, переговоров лидеров великих держав о мирном урегулировании «окно в Европу» снова стало закрываться «железным занавесом», обрекая страну на годы изоляции. Вместе с СССР в эту систему втягивались и государства формирующегося блока «народной демократии». Этот период очень метко назван одним из современных исследователей «поражением от победы» [1].

Охранительная линия системы проявилась, прежде всего, в кампании против «низкопоклонства перед Западом». Теоретической основой жесткого курса в области идеологии стало известное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое 14 августа 1946 г. по докладу А.А. Жданова. Оно по существу было направлено против любого проявления общественного инакомыслия как такового. Партийное руководство требовало от литературных журналов активного включения в «правильное воспитание молодежи», ибо нельзя терпеть «воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности» [2. С. II], она должна быть готова «преодолеть всякие препятствия», «в духе бодрости и революционности» [3. С. XII]. Писателям рекомендовалось возвеличивать «новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед» [3. С. XII, XVIII].

Постановление произвело удручающее впечатление на мыслящую интеллигенцию. Последовала смена руководства названных в нем журналов, начались травля и преследования М.М. Зощенко, А.А. Ахматовой и других упомянутых там литераторов, которых попросту лишали средств к существованию. Входило в

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

практику широкое обсуждение постановлений партии «по вопросам литературы и искусства» (например, «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме “Большая жизнь”», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели») в художественных и писательских организациях, в научных институтах и вузах. Профессор МГУ С.Б. Бернштейн зафиксировал в своем дневнике от 15 марта 1947 г.: «На [филологическом] факультете напряженная обстановка. Широко обсуждают прошлогодние постановления партии по вопросам литературы и искусства. В первую очередь это относится к кафедрам литературоведческого и искусствоведческого цикла. Однако приходится заниматься этим и лингвистам. К счастью, славистов в этом аспекте пока не трогают, но кафедре русского языка достается. В специальном постановлении сказано, что «вся научная работа кафедры должна быть проникнута высокой идейностью, большевистской партийностью»... Как это напоминает 1931 год! Вновь мы приходим в полосу левацких загибов, которые позже, конечно, будут осуждены» [4. С. 99–100]. Но «перегибы» продолжали тиражироваться, снова актуализировались обвинения советских ученых в формализме, объективизме и пр. (см. [5. С. 45]).

Слухи о происходящем в СССР доходили до творческих организаций в странах «народной демократии». Надо было дать им «правильное» с идеологической точки зрения объяснение. Эту миссию взялся исполнить только что избранный генеральным секретарем Союза писателей СССР А.А. Фадеев. Он выступил с докладом «О традициях славянской литературы» на собрании Общества культурных связей с СССР в Праге. Советский писатель постарался ответить на некоторые злободневные вопросы о перспективах развития литературы в дружественных славянских странах. Прежде всего, в этот переходный период в чешском и словацком обществе дискутировался вопрос: «На что должна ориентироваться чехословацкая культура – на западную или восточную культуру?» На что Фадеев дипломатично, но по-марксистски прямо, ответил, заработав бурные аплодисменты: «Ориентируйтесь, прежде всего, на самих себя, на ваше великое прошлое и будущее».

Лукавство этого ответа заключалось в том, что он сразу же стал обосновывать общность русской и других славянских культур. Писатель нашел ее в «великой народности», в «демократическом свободолобии и национально-освободительном духе» и в «величайшем гуманизме» [6. С. 211]. Эти черты, по его мнению, вообще не свойственны литературам Запада, но зато в полной мере присущи лучшим произведениям советской литературы, пропитанной духом «советского патриотизма, национальной гордости, великих гуманистических идей, идей коллективизма и братства» [6. С. 212]. Раскрыть их помогает метод социалистического реализма, которым руководствуется советская литература, и которого современным славянским писателям не следует опасаться. Ибо «социалистический реализм – это метод, который родился, который был создан самой литературой на основе новой жизни... Это, прежде всего, правдивое изображение современной советской социалистической жизни и новых человеческих чувств в их развитии и в их борьбе со старыми чувствами. А формы социалистического реализма чрезвычайно многообразны» [6. С. 213].

Разъяснив свое понимание социалистического реализма, Фадеев перешел к столь же интересующему аудиторию августовскому постановлению ЦК ВКП(б): «Говорят, что газеты за границей, в частности газеты в Праге, уделяют много времени той критике, которая появилась на страницах нашей печати по отношению к писателям Зощенко и Ахматовой». Фадеева возмутило, что пражская газета «Svo-

bodné poviny» осмелилась поместить на своих страницах один из рассказов опального писателя, а известный публицист Ян Славик в «Svobodní zítřek» назвал его «русским сатириком», позитивно охарактеризовав его творчество. Фадеев в своем ответе даже превзошел партийного идеолога А.А. Жданова в унижении Зоценко, подчеркивая, что в «счастливом советском обществе», где создается «новый советский человек», нельзя мириться с тем, чтобы «писатель, в сущности пятого разряда, низкого пошиба, позволял себе хулить из года в год тяжкий труд этого советского человека», и назвал его не «сатириком», а «сплетником» [6. С. 213].

Что касается А.А. Ахматовой, то Фадеев не опустил до откровенных издевательств Жданова, указав только, что она – «поэт, можно сказать, старой России, последнее наследство декадентства, оставшееся у нас. Стихи ее полны пессимизма, упадка» и потому ей не по пути «с нашей советской жизнью»; ее поэзия не способна воспитывать молодых людей «сильными, бодрыми, великими сердцем и духом» [6. С. 214].

Не мог не коснуться Фадеев и такого, часто обсуждаемого на Западе вопроса, как «свобода творчества» в СССР. Аргументацию он строил на лозунгах партпропаганды, подчеркивая, что истинные писатели всегда должны выражать народные идеи, быть совестью народа. В этом проявлялась, по его мнению, и свобода чешских и словацких «будителей», свобода Н.А. Некрасова и других великих русских писателей. В подлинно демократическом государстве, образцом которого, по утверждению Фадеева, является Советский Союз, писатели служат своему государству, а критика является выражением советской демократии, ибо иначе «наше государство было бы обречено на застой. Но оно развивается, движется вперед, потому что кладет в основу своей демократии широчайшую критику своих людей», которая, заявлял он, совсем не ведет к «лишению хлеба и воды» [6. С. 214]. Далее Фадеев раскритиковал Яна Славика за приверженность к западным ценностям, за то, что он «прикован цепью к тачке своих предрассудков» в то время как «советские писатели творят в интересах своего народа и государства» [6. С. 214–215] и не ощущают себя несвободными.

В заключение Фадеев назвал имена выдающихся чешских (Ян Амос Коменский, Ян Коллар, Ярослав Врхлицкий, Карел Гавличек, Божена Немцова, Ян Неруда, Сватоплук Чех) и словацких (Андрей Сладкович, Ян Ботто, Янко Краль, Людовит Штур, Павол Орсак Гвездослав, Мартин Кукучин) писателей, призвал гордиться своим богатым литературным наследием, а не подбирать «объедки с нашего стола» в виде произведений Зоценко.

Фадеев сокрушался по поводу недооценки на Западе значения славянских культур, и даже русской, и почти как славянофилы в XIX в. обвинил в таком непонимании сам Запад, вопрошая: «Какие же особенные ценности в области морали и гуманизма несут нам представители современного западноевропейского декаданса? Этот декаданс давно стал провинциальным явлением. Почему же нужно кланяться в пояс всему тому, что несут к нам с Запада. Давайте высоко нести благородное гуманистическое знамя нашей славянской культуры!» [6. С. 215].

Выступление главного функционера от советской литературы было одобрительно принято в Обществе культурных связей с СССР и рассматривалось как руководство к действию, хотя до февраля 1948 г., когда к власти в Чехословакии пришли коммунисты, в стране могли публично выступать интеллектуалы, ставившие неудобные вопросы относительно развития советской литературы.

Следует отметить, что так или иначе дальнейшее развитие литературоведческой славистики во второй половине 1940-х годов протекало под влиянием соот-

ветствующих постановлений ЦК ВКП(б) и разных идеологических кампаний. Но вопрос в том, насколько велико было это влияние?

Указанием для дальнейшего разворачивания кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» стал доклад В.М. Молотова в ноябре 1947 г. «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции», в котором он призвал скорее покончить с пережитками прошлого, мешающими формированию настоящего советского гражданина, и потому «развернуть беспощадную критику всех и всяких проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой» (цит. по [7. С. 123]). Союз советских писателей немедленно откликнулся на это «указание партии», поставив на пленуме своего правления вопрос о теоретическом наследии А.Н. Веселовского (1838–1906), главы русской культурно-исторической школы, родоначальника исторической поэтики, труды которого являются нашим национальным достоянием и неоценимым вкладом в мировую науку. Здесь резко критиковалось мнение ведущих академических ученых, что его работы «святая святых отечественного литературоведения» и потому не нуждаются ни в каком теоретическом пересмотре.

Напомним, что 27 февраля 1938 г. в Отделении общественных наук АН СССР была проведена специальная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения «знаменитого соотечественника». С докладами на ней выступили ведущие советские литературоведы В.Ф. Шишмарев («Александр Николаевич Веселовский»), В.М. Жирмунский («Историческая поэтика А.Н. Веселовского»), В.А. Десницкий («А.Н. Веселовский и русское литературоведение»), М.К. Азадовский («А.Н. Веселовский как исследователь фольклора»), М.П. Алексеев («А.Н. Веселовский и западное литературоведение»), которые публиковались в отдельном номере «Известий АН СССР» по этому Отделению [8]. Главные авторитеты тогдашнего литературоведения, проведя серьезный анализ творчества ученого, дружно признали выдающийся теоретический вклад А.Н. Веселовского в отечественную науку, на который необходимо опираться и развивать в дальнейших трудах. Эти основательные статьи маститых советских литературоведов о А.Н. Веселовском, несмотря на попытки актуализации, послужили в дальнейшем источником информации и точкой отсчета для критики идей выдающегося отечественного ученого. В 1944 г., на исходе войны к ним добавилась еще статья В.Ф. Шишмарева «А.Н. Веселовский и литературоведение», а также его книга «Александр Веселовский и русская литература» (Л., 1946) [9. С. 273]. С этими работами, несомненно, ознакомился литературный критик и публицист А.К. Тарасенков и сотрудники Института этнографии АН СССР.

А.К. Тарасенков в статье «Космополиты от литературоведения» под впечатлением обсуждений на пленуме правления Союза советских писателей со всей «партийной прямотой» обрушился на А.Н. Веселовского и его последователей в отечественном литературоведении. Он утверждал, что «исторически Веселовский противостоит всей линии Белинского–Чернышевского–Добролюбова. Веселовский – один из столпов буржуазно-либеральной науки. Как философ Веселовский находился под огромным влиянием спенсоровского позитивизма» [7. С. 124]. Ученый оценивался не как основоположник и теоретик российского литературоведения, предшественник его марксистского понимания (что пытались доказать на сессии 1938 г.), а как его антипод. «Наше марксистско-ленинское литературоведение, – писал Тарасенков, – считает своими предшественниками революционно-демократических философов и критиков – Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Веселовский же является отцом теорий декадентов и

формалистов, основоположником многочисленных антинаучных разысканий о так называемом «западном влиянии» на русскую культуру» [7. С. 124–125]. В соответствии с таким толкованием творчества Веселовского, а также негативным отношением к сравнительно-историческому методу его исследований критически пересматривались старые и новые работы советских литературоведов на предмет наличия в них идей «буржуазного космополитизма», означющего «презрительное отношение к своей родине, ее культуре, к ее традициям» [7. С. 125].

Примечательно, что на ранних этапах кампании «борьбы с космополитизмом» акцентировалось внимание на его связь с «иезуитом Бухариным» и «бандитским космополитом Троцким», а также необходимость противостояния формирующемуся «западному блоку»: «Под флагом космополитизма действуют сейчас темные дельцы от черчиллевско-трумэнской шайки, всячески стремящиеся ущемить суверенитет малых и больших народов, попортить их национальную самобытность, стереть их национальную культуру, принести ее в жертву господину доллару» [7. С. 127]. Антисемитский момент просматривался только на уровне лиц, «подвергнутых критике».

А.К. Тарасенков походя осудил труды покойного П.Н. Сакулина, и, что хуже, «обрушился» на здравствующих: профессора И.М. Нусинова (книга «Пушкин и мировая литература»), литературоведов А. Старцева (один из авторов труда «История американской литературы». Т. 1), Сильмана (работа об Эдгаре По), Мокульского (соавтор труда «История французской литературы»), Эйхенбаума (статья о Л.Н. Толстом). Но особенно «досталось» проф. ЛГУ В.Я. Проппу (как последователю методологии не марксизма, а А.Н. Веселовского) за его книгу «Исторические корни русской волшебной сказки» (Л., 1947), а заодно и профессору В.М. Жирмунскому, написавшему на этот труд положительную рецензию (Советская книга. 1947. № 5). «Книга Проппа, – с пафосом заключил А.К. Тарасенков, – это Веселовский, доведенный до абсурда и мракобесия», она «вредна и ошибочна от первой до последней своей строчки» [7. С. 136]. Он призвал советских ученых-фольклористов сказать «свое резкое и правдивое слово». Следует отметить, что всех названных довольно именитых литературоведов малоизвестный критик обвинил в «раболопном ползании на брюхе перед западной культурой» [7. С. 133].

В качестве некоего идеала будущего развития советского литературоведения автор «наставлял» ученых, следуя «указаниям партии», что им надо «правильно донести до народа творения русских классиков, дать им обстоятельный классовый и эстетический анализ, очистить их творения от лжи и фальши, которыми их обволакивала буржуазная наука», разрабатывать «теорию социалистического реализма», а главное «научиться по-настоящему гордиться великими ценностями нашей русской классической культуры, литературы, а также культуры братских народов СССР и родственных нам славянских народов, литература которых, к стыду нашей науки, даже еще не начала как следует изучаться» [7. С. 137]. Так изучение «братских славянских литератур» включалось в «патриотическую» борьбу с космополитизмом.

Статья А.К. Тарасенкова имела отклик в академических кругах. 23 и 26 марта 1948 г. на заседании Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького был заслушан доклад Л.И. Тимофеева «Против идеализации учения А. Веселовского», в котором повторялись и усугублялись многие обвинения критика. В отличие от «гуманной», «подлинно исторической» и «прогрессивной» эстетики революционных демократов концепция А.Н. Веселовского представлялась докладчиком «объективистской, формалистической и антиисториче-

ской). Он заявлял, что «учение Веселовского антигуманистично по существу. Компаративистский метод Веселовского отрывал литературу от всех ее корней и, в частности, от проблем национальной самобытной культуры» [10. С. 362]. В обширной дискуссии критиковались «апологетические» работы и выступления о Веселовском ведущих литературоведов В.Ф. Шишмарева, В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева, А.И. Белецкого, В.А. Десницкого и др. Однако В.Ф. Шишмарев имел мужество не отказаться, а защищать свои убеждения. Ученый совет Института принял решение разоблачать «реакционное учение А. Веселовского» всеми возможными способами, как в научных трудах, так и в педагогической практике и даже весьма опрометчиво – на готовящемся, но не состоявшемся Конгрессе славистов [10. С. 363–364] (что могло негативно сказаться на имидже советской славистики за рубежом).

«Резкое и правдивое слово» в отношении книги В.Я. Проппа, методологии А.Н. Веселовского оперативно (в феврале 1948 г.) прозвучало и в стенах Института этнографии АН СССР под руководством его директора, проф. С.П. Толстова.

Здесь также искали и своего «козла отпущения». Его быстро нашли в лице крупного слависта, этнографа и фольклориста П.Г. Богатырева (1893–1971). Его биография словно располагала к обвинениям. Выпускник Московского университета (1918), он в 1922–1927 гг. работал в Праге в качестве референта и переводчика в советском полпредстве, затем как «невозвращенец» преподавал в Братиславском, Брненском, Мюнстерском университетах. Контакт с родиной не терял, ревностно собирая «россику» в европейских архивах и библиотеках по заданию директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. В 1940 г. он решил вернуться из Праги в Москву (подробнее см. [11. С. 31–42]).

Работая в Чехословакии, ученый сблизился с чешскими писателями-авангардистами и включился вместе со своим другом, лингвистом Р.О. Якобсоном в работу знаменитого теперь Пражского лингвистического кружка, активно внедрявшего методы структурализма в разные отрасли науки. «Функционально-структуральный» или в современном звучании «структурно-семиотический» метод он пионерски применил в изучении художественной структуры и языка фольклора, верований, магических действий и обрядов, костюмов, различных форм чешского и словацкого народного театра, книгу о котором успешно защитил накануне войны в 1940 г. в МИФЛИ в качестве докторской диссертации. Оппоненты единодушно признали его труд новаторским и дали положительные отзывы. П.Г. Богатырев стал признанным в СССР фольклористом и этнографом, принимал активное участие в антифашистской идеологической работе в Всеславянском комитете (ВСК) во время войны – печатался в журнале «Славяне», выступал по радио, вещавшем на славянские страны, и пр. В Институте этнографии АН СССР он возглавил в 1943 г. Сектор фольклора, организовал и с успехом провел научную конференцию по актуальной теме «Фольклор Великой Отечественной войны». В 1946 г. ему оказали особое доверие, послав в составе советской делегации в археолого-этнографическую экспедицию на Балканы. Но в начавшейся кампании борьбы против «низкопоклонства перед Западом» и с «космополитизмом» он оказался удобной мишенью для идейных нападок.

В Институте этнографии кампания по пересмотру идейных основ литературоведения и фольклористики началась с обсуждения книги В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», которая подверглась критическому разбору в рецензии М.М. Кузнецова и И.П. Дмитракова «Традиции идеалистической

фольклористики в работах проф. В.Я. Проппа» (Советская этнография. 1948. № 2). Поскольку сектор фольклора, возглавляемый П.Г. Богатыревым, не поддержал критический пафос рецензентов, руководство Института обратило пристальное внимание на деятельность самого сектора и прошлые научные работы его руководителя.

9, 16 и 28 февраля 1948 г. в Институте этнографии на заседаниях сектора фольклора было проведено последовательное обсуждение трудов В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева и А.Н. Веселовского. Как уже указывалось, о заслугах последнего не раз говорили до и в годы Великой Отечественной войны, в частности, в неупомянутом еще докладе А.Н. Соколова «А.Н. Веселовский – основоположник исторической поэтики» на масштабной патриотической конференции в МГУ (июнь 1944 г.) [12. С. 214]. Выступившие в ходе дискуссии о научном наследии А.Н. Веселовского (как А.К. Тарасенков и литературоведы ИМЛИ) подвергли критике как раз те доводы его защитников (В.Ф. Шишмарева, В.М. Жирмунского, М.К. Азадовского и др.), которыми они стремились защитить наследие ученого от нападков, пытались актуализировать его взгляды, сближая его воззрения на литературу с воззрениями революционных демократов (т.е. изображая его предшественником марксизма) [13. С. 143–144]. В.И. Чичеров, М.О. Косвен, И.П. Дмитраков, Е.В. Гиппиус, М.М. Кузнецов выразили обеспокоенность тем, что «ошибочные теоретические построения [Веселовского] до сих пор некритически повторяются в работах его учеников и тормозят развитие нашей науки» [13. С. 143]. Выступавшие «развели» Веселовского с революционными демократами, указав, что он «остался от них в стороне», что «сущность социалистических идей ему оставалась чужда», что он «никогда не шел дальше либерального литературоведения и в конечном итоге всегда оставался позитивистом, т. е. идеалистом» [13. С. 144], что «его подчеркнутый объективизм и аполитичность стали знаменем буржуазной науки» [13. С. 145]. Особым нападкам подверглись «формалистическая концепция родов поэзии и теория первобытного синкретизма» [13. С. 145].

Но в ходе обсуждения взглядов А.Н. Веселовского случился курьез, почему-то пропущенный советской цензурой. Авторитетный этнограф С.А. Токарев связал теорию первобытного синкретизма Веселовского с концепцией французского этнографа и психолога Л. Леви-Брюля (1857–1939), утверждавшей приоритет «дологического мышления» в сознании людей первобытной эпохи. Тем самым он вольно или невольно «подставил» марристов, указав, что одной из причин некритического отношения советской науки к Л. Леви-Брюлю и А.Н. Веселовскому является то, что «их работы были почти безоговорочно приняты Н.Я. Марром и его учениками [...] создававшими новое учение о языке. Авторитет этих ученых, которые дали очень много важного и ценного в своих исследованиях и разбили основы буржуазной лингвистики, мешал развертыванию критики Веселовского» [14. С. 156] (Вероятно, ученый вспомнил статьи М.К. Азадовского и В.А. Десницкого 1938 г., представлявшие Н.Я. Марра последователем А.Н. Веселовского).

В этой связи С.А. Токарев подверг критике статью последователя Н.Я. Марра А.П. Рифтина «Основные принципы построения теории стадий в языке» [15. С. 19–29]. На общность идей Рифтина и В.Я. Проппа указал и П.И. Кушнер [14. С. 153]. Таким образом, в поле критики впервые ненамеренно попали и марристы. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в использовании буржуазной методологии обвинялись «неприкасаемые», выступавшие как адепты «истинно марксистского» языкознания. К счастью для С.А. Токарева, его антимарристский выпад в пылу иной направленности полемики прошел незамеченным.

В защиту Веселовского осмелился выступить лишь А.В. Поздеев, но его аргументы были восприняты только как «стремление снизить принципиальное значение анализа его ошибок» и подверглись сокрушительной критике [13. С. 145].

Принципиальные итоги дискуссии по переоценке творчества А.Н. Веселовского, этого, по выражению В.И. Чичерова, «духовного отца формализма в области литературоведения и фольклористики» [14. С. 150], подвел на Ученом совете Института этнографии, состоявшемся весной 1948 г., С.П. Толстов. Он отметил, что «пересмотр и оценка концепции А.Н. Веселовского [...] это не только историографическая проблема. Эта проблема жгучей современности для наших фольклористов, ибо традиции Веселовского чрезвычайно сильно сказываются в работах наших ученых. Взгляды А.Н. Веселовского на происхождение устного народного творчества и пресловутая теория первобытного синкретизма, его взгляд на развитие фольклорных сюжетов сплошь и рядом находят свои отголоски в работах, выходящих в наши дни».

С критикой концепции В.Я. Проппа в секторе фольклора выступили И.И. Потехин, В.И. Чичеров, С.А. Токарев, Е.В. Гиппиус, Л.Г. Бараг, А.М. Смирнов-Кутачевский. Выдающегося отечественного исследователя русской волшебной сказки, автора фундаментальных трудов по теории и истории фольклора обвинили в формализме, антиисторизме, эклектизме, схематизме и прочих «измах», в том, что он пытается свести «все богатое и разнообразное содержание русской волшебной сказки к обряду инициации и представлениям о смерти» [13. С. 140]. С.П. Толстов, «с партийной прямоотой» обобщив итоги дискуссии, квалифицировал книгу Проппа как «антимарксистскую» по концепции и методу исследования. По его мнению, автор «отрывает сказки от национальной почвы, от определенной социально-экономической действительности, игнорирует их содержание». Вредоносными истоками концепции Проппа он признал идеи «финской школы», А.Н. Веселовского и «французского буржуазного психологизма» [13. С. 141] в лице Дюркгейма² и Леви-Брюля. Позднее на Ученом совете Толстов припомнил влияние «нашего отечественного формализма 20-х годов» [14. С. 147, 150] (в лице В.Б. Шкловского, М.К. Азадовского, Р.М. Волкова).

С точки зрения темы нашего исследования наиболее интересным представляется обсуждение трудов слависта П.Г. Богатырева. Но суть его осталась бы непонятной вне общего контекста тогдашней борьбы за «чистоту» марксистского литературоведения и фольклористики. Трагичность ситуации заключалась еще в том, что если ленинградца Проппа и покойного Веселовского клеймили, так сказать, заочно, то П.Г. Богатыреву пришлось лично выслушать критику своих коллег, могущую иметь непредсказуемые для него последствия. Выступившие в дискуссии М.Г. Левин, В.Ю. Крупянская, В.К. Соколова, И.И. Потехин, Н.И. Рождественская, С.А. Токарев, В.И. Чичеров дружно обрушились на «функционально-структуральный метод», пропагандируемый в работах ученого, изданных во время его пребывания в Чехословакии. Это: магистерская диссертация на латыни «Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatice» (Paris, 1929), признанные в мировой науке книги «Funkcie kroja na Moravském Slovensku» (1937), «Lidové divadlo, české a slovenské» (Praha, 1940).

П.Г. Богатырев, предваряя обсуждение, пытался убедить собравшихся, что метод, которым он пользовался в своих работах по этнографии и фольклору и

² Дюркгейм Э. (1858–1917) – французский социолог, основатель французской социологической школы. Выступал против индивидуально-психологического и биологического направлений. Рассматривал общество как реальность, не сводимую к совокупности индивидов.

изучение «функций и их структуры следует рассматривать как методику, отнюдь не противоречащую методу диалектического материализма» [14. С. 141]. Но большинство оппонентов как раз делали акцент на том, что «функционально-структуральный метод» нельзя рассматривать только как частную методику, ибо «функциональная школа (так тогда называли структуралистов. – М.Д.), широко распространенная в современной буржуазной этнографии, по самой своей сущности противоречит методу марксизма-ленинизма» [13. С. 141].

В тогдашнем советском обществе обвинение в антимарксизме рассматривалось как самое серьезное, и нетрудно догадаться, какую трагедию в душе переживал заклеянный «принципиальными» коллегами Богатырев. Далее сотрудники Института находили в работах Богатырева «отсутствие исторического подхода к рассматриваемым явлениям, изучение функций в отрыве от окружающей обстановки, механическое разделение их на эстетические и внеэстетические» [17. С. 143] и пр. Только Л.Г. Бараг, А.М. Смирнов-Кутачевский, Э.В. Гофман-Померанцева имели мужество вступить за Богатырева, стремясь оправдать его метод или найти исторический подход в работах коллеги [17. С. 143]. Следует отметить, что выступления Богатырева и его защитников освещались в хронике тенденциозно: весьма кратко и с осуждающим комментарием.

В духе проводимой идеологической кампании итоговое толкование «заблуждениям» ученого дал С.П. Толстов, указав, что «метод, предложенный проф. П.Г. Богатыревым, является разновидностью весьма распространенной сейчас на Западе школы функционализма. Одно из основных положений этой школы – положение о непознаваемости исторического прошлого и неправомочности использования этнографических и фольклорных материалов в качестве исторических источников, вместо чего выдвигается необходимость синхронического изучения и взгляд на явление как на своеобразное равновесие «функции». «Перед нами *буржуазная* (курсив мой. – М.Д.) концепция, возникшая в условиях кризиса капитализма, которая никакими приемами не может быть объединена с марксизмом, ибо она принципиально враждебна ему... Его метод роднит с методом функционализма даже такая деталь, как отсутствие точного определения “функции” и “структуры”. Метод – явно бесплодный и от него нужно как можно скорее отказаться [...] Нельзя рассматривать его как частную методику и сводить все к собирательской работе» [13. С. 143].

После обсуждения в Секторе фольклора Богатырев пережил еще одну «накачку» на расширенном Ученом совете Института. С критикой выступили его сотрудники: С.П. Толстов, И.И. Потехин, В.И. Чичеров, Е.В. Гиппиус, Л.П. Потапов, П.И. Кушнер, В.К. Соколова, С.А. Токарев, Б.Н. Белицер, М.Г. Левин, М.Г. Рабинович. Особенно активно в обвинениях проявили себя М.М. Кузнецов и Б.И. Богомоллов (Академия общественных наук), Б.И. Ширевская (МГУ), Н.Д. Комовская (Союз советских писателей). Лишь Л.Г. Бараг (Белорусский гос. университет) и А.В. Поздеев (Библиотека ООН АН СССР) в критике не усердствовали. Выступавшие пытались свести «недостатки» А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева и других в одну антимарксистскую линию в отношении методологии, подвергнуть критике «все явления, связанные с некритическим восприятием как наследства отечественной буржуазной науки, так и влияний зарубежных реакционных школ» [14. С. 149]. В.К. Соколова даже определила то общее, что якобы было присуще трудам всех критикуемых ученых: «абстрактность, формализм, полное игнорирование идейного содержания произведения, его национальной специфики» [14. С. 155]. С.П. Толстов в своем выступлении пытался сблизить

методологические принципы Богатырева с идеями основоположника функциональной школы в этнографии, английского этнографа и социолога Б.К. Малиновского (что категорически отрицал сам ученый). Толстов заявил что у этой школы и «функционально-структурального метода» одна общая основа – «тот же отказ от исторических обобщений, тот же отказ признать фольклорные и этнографические материалы историческим источником. В работах П.Г. Богатырева имеется отрицание категории пережитков, т.е. то, что является одним из основополагающих принципов функциональной школы Малиновского» [14. С. 148].

Необходимо отметить, что даже предельно краткое изложение в хронике ответных выступлений П.Г. Богатырева в секторе и на Ученом совете свидетельствует о том, что он сохранил свое достоинство настоящего ученого, не впад в паническое покаяние. После заседания в секторе он «признал справедливыми отдельные сделанные ему замечания и заверил, что все сказанное будет им продумано и учтено в дальнейшей работе» [13. С. 143]. На Ученом же совете он принял тактику некоторой отрешенности от выпадов в его адрес, выразив удовлетворение тем, что «участие в творческих дискуссиях фольклористов, этнографов, лингвистов, литературоведов всегда плодотворно и содействует развитию разных наук» [14. С. 153]. Затем он осветил работу возглавляемого им Сектора в области изучения современного фольклора. «Современный фольклор, – как ни в чем не бывало, сказал он, – характеризуется тем, что он является достоянием всего советского народа. Это приводит к сближению фольклора и литературы. Одной из важных задач является задача показать историю советского фольклора и выявить специфику каждого его периода. Необходимо тщательно изучать процесс совместного творчества братских народов СССР» [14. С. 154]. Ученый высказал убеждение, что «пожелания об установлении и укреплении связей с широкими кругами любителей фольклора и специалистов, работающих на периферии, полностью соответствуют плану работы фольклорного сектора Института».

Что касается сути обсуждения, то Богатырев признал справедливыми только некоторые положения дискуссии: «Несомненно, что в области методологии должна проводиться серьезнейшая работа. Надо изучить наследство революционных демократов, о чем правильно говорил Е.В. Гиппиус, и работать над освоением диалектического материализма». Он не опустил до уровня хулиганов В.Я. Проппа, признав, что работа о русской волшебной сказке «привлекает к себе темой, взятой для исследования. Генезисом сказки давно никто не занимался». Все же он мягко признал, что «факты в ней взяты вне обстановки, в которой они создавались. В.Я. Пропп не привлек в своем исследовании славянского фольклора, некоторые моменты фольклора неправильно приурочил к слишком далекой древности, выводит русскую сказку из обрядов древнего мира» [14. С. 154].

Что касается обвинений в использовании «антимарксистского» «функционально-структурального метода», то Богатырев и после выступления Толстова продолжал отрицать свою связь со школой Малиновского и, более того, настаивать на положительных чертах в его применении, которые заключаются в «четкости и разработанности методики полевой работы». Он указал, что эта методика исходит из практики работы двух комиссий, широко известных в истории русской науки – Московской диалектологической, возглавлявшейся Д.Н. Ушаковым, и Комиссии по народной словесности. В то же время он констатировал, что метод «развивает и усложняет теорию формалистов-литературоведов 20-х годов и через нее восходит к работам А.Н. Веселовского, некоторое влияние на разработку это-

го метода оказали также Леви-Брюль и другие ученые», но не признал эти работы «буржуазными» и антинаучными.

Вместе с тем Богатырев указал, что отсутствие историзма в его работах проистекало не из ошибочности метода, а «из-за чрезвычайной сложности исторического анализа фольклора». Ученый заключил: «Было бы нечестно сказать, что в результате дискуссии все сразу прояснилось, и ошибок больше не существует. Надо много и серьезно работать над собой и бороться за овладение подлинно научным методом анализа фольклора» [14. С. 154].

С.П. Толстова и других участников дискуссии, конечно же, не удовлетворили полные внутреннего достоинства выступления Богатырева. Ему указывали на отсутствие «критики и самокритики» в выступлении, а один из самых яростных критиков, И.И. Потехин, вынес своего рода приговор: «П.Г. Богатырев должен понять порочность своего метода, основанного на идеалистических буржуазных концепциях, существующих в современной западноевропейской науке. Чем скорее П.Г. Богатырев откажется от функционального метода, тем будет лучше и для него, и для науки» [14. С. 150].

Острой критике подверглась и вся деятельность сектора фольклора, возглавляемого П.Г. Богатыревым с 1943 г., ранее не вызывавшая нареканий. Организованное им в декабре 1947 г. Всесоюзное совещание «Фольклор Великой Отечественной войны» было признано актуальным и важным научным мероприятием. Теперь же докладчиков упрекали в неумении ставить большие теоретические и исторические проблемы фольклористики. С.П. Толстов и Н.Д. Комовская подчеркивали, что в докладах «нередко проблема бытования, проблема исполнения заслоняли значение фольклорных произведений как таковых, идейности их содержания, их эстетических особенностей как художественных произведений. Фольклористы не обращали надлежащего внимания на раскрытие того качественно нового, что внес в народное творчество новый этап в истории нашего народа» [14. С. 148], не осветили «новые формы устного народного творчества – “Партизанская присяга”, новые виды песен» [14. С. 160] и пр. Давались и некоторые дельные пожелания по изучению современного фольклора в СССР.

Но в целом дискуссия, фактически идеологический погром (критике подвергли также труды М.К. Азадовского, Г.А. Самарина, А.П. Рифтина и др.), была бесплодной в научном отношении и оказала негативное влияние на работу сектора фольклора: не вышел в свет подготовленный здесь сборник «Славянский фольклор», статьи признавались теперь очень слабыми [14. С. 163]. Как ни странно, печальной участи избежала только работа репрессированного в 1930-е годы Н.И. Кравцова «Сербский эпос и история», опубликованная в журнале «Советская этнография» (1948. № 3). Сотрудники сектора были деморализованы и запуганы, и вряд ли их вдохновил призыв С.П. Толстова: «Необходимо провести фольклорные исследования, которые раскрывают историю мировоззрения русского трудового народа», изучать с марксистских позиций «ранние этапы истории фольклора, проблемы происхождения фольклора и искусства вообще» [14. С. 163].

Таким образом, спровоцированная постановлениями партии дискуссия показала всю свою абсурдность, невозможность делить живой организм науки на марксистскую и «буржуазную» составляющие. Она явно не способствовала прогрессу науки.

Труднее всего пришлось П.Г. Богатыреву. Хотя на Ученом совете даже не ставился вопрос о снятии его с должности заведующего сектором, можно представить себе, какие моральные страдания пережил ученый. А между тем его высоко

ценили как специалиста, например, в Чехословакии и даже собирались пригласить на должность директора нового Института этнографии Словацкой академии наук [11. С. 31–45].

Развивающаяся идеологическая кампания затронула и филологический факультет МГУ, где преподавал ученый, и ему еще ранее пришлось пережить нелюбимую критику коллег и аспирантов. Началось с того, что доцент С.И. Василенок опубликовал в «Литературной газете» статью с критикой программы по фольклору, составленной П.Г. Богатыревым. Поначалу литературоведческая секция Ученого совета филфака МГУ, учитывая скандальную (по свидетельству С.Б. Бернштейна) репутацию Василенка, признала статью «клеветнической». Тем не менее Богатырев учел критику и «начал серьезную переработку программы» [16. С. 148]. Но это не помогло.

На Ученом совете 30–31 января 1948 г., где обсуждалась книга В.В. Виноградова «Русский язык» от «сверхактивизировавшихся» поборников «критики и самокритики» попутно досталось и Богатыреву. Аспирант В.А. Архипов, забыв об этике, выступил с осуждением деятельности своего учителя на посту зав. кафедрой фольклора. Он заявил, что программа по фольклору не содержит раздела о критике мифологической школы, которая была даже у его предшественников Ю.М. Соколова и Н.К. Гудзия. С.И. Василенок публично повторил свои, по сути политические обвинения, высказанные в газете: труды Богатырева «не отвечают принципу партийности в науке и основаны отнюдь не на [...] марксистской методологии», что в лекциях он ориентируется на западноевропейских «буржуазных» ученых (в частности, на выдающегося чешского фольклориста И. Поливку, якобы, враждебно настроенного по отношению к СССР. – *М.Д.*). «Стойкий борец» с суевериями, он упрекнул Богатырева в констатации того факта, что «народные поверия, магия, суеверия не идут на убыль, а развиваются» в современном обществе. И уж совсем странным по отношению к Богатыреву, организовавшему большую конференцию «Фольклор Великой Отечественной войны», звучало обвинение в том, что «фольклор советского периода не интересует профессора П.Г. Богатырева» [16. С. 153–154]. Остается только догадываться, как ученый пережил всю эту абсурдную критику.

Пройдя через испытания «борьбы с космополитизмом», Богатырев как противник марризма впоследствии с воодушевлением выступил с поддержкой лингвистической дискуссии 1950 г., но, тем не менее, в 1952 г. по необоснованному обвинению в политической неблагонадежности его уволили из МГУ. Ему оказали приют в Воронежском университете (1952–1959), однако он периодически сотрудничал с ИМЛИ. В Москву он окончательно вернулся только в 1963 г., проработав на кафедре фольклора филфака МГУ вплоть до своей кончины в 1971 г. [17. С. 225].

Таким образом, находящееся в процессе становления советское славистическое литературоведение после патристического подъема времен Великой Отечественной войны развивалось вместе со всей отраслью науки под прессом идеологических кампаний, которые оставили глубокие шрамы в судьбах и душах ученых. Одним из пострадавших славистов оказался П.Г. Богатырев. Надо отдать должное мужеству этого, казалось бы далекого от реальной жизни человека, совершившего в те годы по истине нравственный подвиг: он не «прогнулся» конформистски под давлением идеологических обвинений, не стал на путь сервизма, как многие его коллеги; сохранил достоинство и честь ученого, не поступившись научными принципами и не отрекшись от своих учителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. М., 1998. Гл. VIII. Поражение от победы.
2. О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. // Новый мир. 1946. № 9.
3. Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новый мир. 1946. № 9.
4. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Под ред. акад. В.Н. Топорова. Составители-комментаторы А.Н. Горяинов и М.Ю. Досталь. М., 2002.
5. *Досталь М.Ю.* С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004.
6. *Фадеев А.* О традициях славянской литературы // Новый мир. 1946. № 12.
7. *Тарасенков А.* Космополиты от литературоведения // Новый мир. 1948. № 2.
8. Известия АН СССР. ООИ. 1938. № 4.
9. *Шишмарев В.Ф.* А.Н. Веселовский и литературоведение // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. III. Вып. 6.
10. Против идеализации учения А. Веселовского // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1948. Т. VII. Вып. 4.
11. *Досталь М.Ю.* П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1998. № 4.
12. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Научная конференция 5–12 июня 1944 г. Программы и тезисы докладов // Октябрь. 1944. № 11–12.
13. *Соколова В.К.* Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3.
14. *Чичеров В.И.* Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3.
15. *Рифтин А.П.* Основные принципы построения теории стадий в языке // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Л., 1947.
16. *Вершинин А.* Обсуждение книги академика В.В. Виноградова «Русский язык» в Московском университете // Вестник МГУ. 1948. № 4.
17. *Аникин В.П.* Кафедра русского устного народного творчества // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2000. Ч. 1.

Македонското прашање во советската надворешна политика (1922–1940). Документи. Едиција документи за Македонија. Скопје, 2008. Кн. II. С. 1–671; Кн. II. С. 672–1432.

Македонский вопрос в советской внешней политике (1922–1940). Документы

Объемистый сборник документов, посвященных македонскому вопросу в советской внешней политике, был издан в тесном сотрудничестве македонской и российской сторон, в частности: Историко-документальным департаментом МИД Российской Федерации, Архивом внешней политики Российской Федерации, Юридическим факультетом им. Юстиниана Первого Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье и Историческим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова.

Этот объемный проект реализовали В. Поповский и Л. Жила. Составители указывают (с. XXVI), что толчком к появлению настоящей публикации явилась работа над предыдущим проектом «Македонский вопрос в документах Коминтерна» (Скопье, 1999), ибо, как они отмечают, «осознание политики Коминтерна невозможно без ясного понимания внешней политики СССР».

Период начала 1990-х годов был отмечен введением в оборот ранее недоступных документов, позволивших не только скорректировать некоторые из устоявшихся представлений относительно внешней политики СССР, но и, как отмечают авторы сборника, «восполнить ряд имевших место пробелов, а также расширить круг проблем, требующих своего изучения». Вместе с тем, составители сборника указывают, что «многие стороны внешней политики СССР все еще остаются “закрытыми” с точки зрения источниковой базы, что в свою очередь, восполняется пред-

положениями и домыслами» (с. XXVI). Трудно с этим не согласиться, хотя стоит отметить, что отдельные великие державы берегут некоторые секреты своей истории куда более серьезно, чем нынешняя Россия, да так, что возникают не только «предположения и домыслы», а снимаются целые киноэпопеи, порой открыто фальсифицирующие историю.

Но вернемся к рассматриваемому нами сборнику документов, в который его составители, несомненно, вложили титанический труд.

По их мнению, с которым невозможно не согласиться, «балканская линия» остается пока лакуной «в области изучения внешней политики Советского Союза» (с. XXVI). «В связи с этим, а также и в связи с комплексным характером македонского вопроса, в данный сборник включены документы, содержание которых шире заявленной названием сборника проблематики», отмечают составители (с. XXVI). И этот момент надо выделить особо. Собственно, когда исследователь откроет этот сборник и ознакомится с названиями архивных фондов, он поймет это сам.

Основу сборника составляют документы из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), как отмечают составители, «важной особенностью которого является то, что он всегда был и остается структурным подразделением Министерства иностранных дел Российской Федерации» (с. XXVI). В сборник включены документы, как из

фондов АВП РФ, относящихся к аппарату наркомата иностранных дел, например, фонды секретариатов Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова, так и отделов НКВД, отслеживающих события в отдельных странах: референтуры по Албании, Болгарии, Германии, Турции, Италии, Польше. Естественно, в сборнике представлены и документы из фондов, относящихся к посольствам Советской России за рубежом — в Италии, Турции, Польше, Югославии и т.д. Документы АВП РФ дополнены материалами Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального государственного архива (ЦДА) Республики Болгария, а также публикациями журнала «Международная жизнь» как печатного органа НКВД, газеты «Известия» и другими материалами. В сборник вошли Протоколы заседаний и постановлений Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), Протоколы заседаний так называемой «тематической» (первоначально болгарской, затем балканской) Комиссии Политбюро ЦК РКП(б), просуществовавшей с 1924 по 1928 г., материалы ОГПУ, «ибо они, наряду с материалами Разведпура, составляли базу для заключений и выводов Балканской комиссии» (с. XXX.). В сборник включена переписка с А.А. Иоффе, руководителем Венского центра, являвшегося представительством Балканского центра за границей, а также переписка наркомов в 1921–1941 гг. и их заместителей с дипломатическими представителями.

В сборнике содержатся Доклады сотрудников миссий СССР в НКВД (надо учитывать, что многие из таких дипломатов были одновременно сотрудниками ОГПУ), представлены дневники бесед чиновников НКВД с представителями иностранных миссий в СССР.

Документы публикуются на русском языке с параллельным переводом на македонский. Они расположены в хронологическом порядке, снабжены заголовками, содержащими сведения о документе, его авторстве, адресате, дате написания и т.д. Документы опубликованы как полностью, так с извлечениями. Каждый документ сопровождается справочными сведениями, содержащими поисковые данные (название

архива, номер фонда, описи, дела, листа), подлинность или копияность, способ воспроизведения. Сборник содержит 454 документа. Первый датирован 16 сентября 1922 г., последний — мартом 1941 г.

В приложении опубликованы «Последняя служебная записка Г.В. Чичерина», записка о черногорском движении, документы о так называемой Соболевской акции, протоколы заседаний Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства и др. Сборник снабжен именованным указателем и именованным комментарием, являющимся дополнением к «Приложению и указателю имен» сборника документов «Македонский вопрос в документах Коминтерна».

Сборник открывается предисловием Вл. Поповского (с. LXI–CXX), представляющим собой исторический очерк, в котором автор пытается проанализировать советскую политику по македонскому вопросу в межвоенный период, справедливо отмечая, что она была вариативна и переживала изменения в период с 1922 по 1940 г. (с. LXI). Он выделяет в этом временном промежутке *три различных подхода СССР к македонскому вопросу*.

Первый. 1923–1928 гг. Этот период отмечен серьезным интересом СССР к Балканам, а в этом контексте и к македонскому вопросу. «В это время на македонский вопрос и македонские организации смотрели как на мощные и реальные инструменты осуществления советской идеи «советизации» Болгарии и Балкан в целом. Тогда в Политбюро РКП(б) существовала особая комиссия, некоторое время называвшаяся Болгарской, а потом Балканской. Она держала в курсе балканской проблематики, в том числе и македонской, важнейшие советские государственные органы» (с. LXI).

Второй период в отношении СССР к македонскому вопросу, по Поповскому, приходится на 1928–1937/38 гг. В этот период советский интерес к Балканам и македонскому вопросу стал «малозначимой темой внешней политики Советского Союза». «В этом временном интервале советский интерес к македонскому вопросу приобрел второстепенное значение, а на первый план в интересах СССР вышло установление дипломатических

отношений с балканскими государствами, заключение договоров о сотрудничестве». В этом контексте и проявлялся интерес к македонскому вопросу. Но и тогда, подчеркивает Поповский, «сохранялось позитивное отношение к целям македонских организаций, в частности, это касается поддержки ВМРО(об) [объединенной], наряду с поддержкой политики балканских компартий по македонскому вопросу» (с. LXI).

Новый, *третий, период* в подходе советского руководства к македонскому вопросу приходится на 1939–1940 гг. Как отмечает Поповский, этот период характеризуется пересмотром подхода к нему. «Тогда, накануне Второй мировой войны, в силу своих геополитических интересов, Советский Союз, под влиянием своих великодержавных устремлений, попытался использовать македонский вопрос в качестве разменной монеты. То есть, столкнувшись с мощной политикой гитлеровской Германии и фашистской Италии на Балканах, СССР определил своим главным интересом на Балканах – Болгарию и проливы. Исходя из этого, в 1940 г., после окончательного сближения Румынии и Германии, СССР предложил Македонию царской Болгарии в надежде получить последнюю в качестве союзника» (с. LXII). В ходе тайной миссии генерального секретаря НКВД А.А. Соболева 25 марта 1940 г. («Соболевская акция») царская Болгария получила подтверждения советской поддержки в ее территориальных претензиях, пишет Поповский. Таким образом, советская политика в отношении Македонии вернулась на позиции царской России времен Восточного кризиса XIX в., утверждает он (с. LXII). Так же автор еще раз указывает, что в 1938–1939 гг., в новой ситуации, Советский Союз подчинил всю свою политику великодержавным интересам. Пытаясь заполучить Болгарию в свою сферу влияния, СССР сделал ей соответствующие предложения. Как пишет Поповский, «по этим причинам Советский Союз был готов не задумываясь забыть свою прежнюю политику по македонскому

вопросу и предложить Македонию Болгарии...» (с. СХХ).

Далее, Поповский дает общий обзор европейской политики Советского Союза в межвоенный период, рассматривает балканский аспект, в частности отношение СССР с Болгарией, отношение к албанскому и хорватскому национальному движениям (с. LXII–LXXVIII).

Заканчивая изложение своей концепции отношения СССР к македонскому вопросу В. Поповский подчеркивает, что «Советы смотрели на македонский вопрос как на сложнейшую проблему, которую нельзя разрешить простым признанием права на самоопределение македонского населения, а только через трансформацию балканской системы государств, созданной по итогам решений Версальской конференции, в направлении создания Балканской Федерации» (с. ХСVIII). Он справедливо указывает несколько факторов особой сложности разрешения македонского вопроса. Среди них главный: этнически смешанный состав населения, который служил предлогом для территориальных претензий соседних государств и выступал как выгодное условие для политики великих держав в их соперничестве за влияние на Балканах. В таких условиях Македония представляла собой «яблоко раздора» для балканских народов и их государств (с. ХСVIII).

Подводя итог, Поповский пишет: «Таким образом, политика Советского Союза по отношению к македонскому вопросу в межвоенный период (1922–1944 гг.) проявилась в широком диапазоне: от политики, считающей этот вопрос легитимным национально-политическим, с правом народа Македонии на формирование независимого македонского государства, до чисто политического вопроса, подразумевающего право царской Болгарии включить Македонию в границы болгарского государства» (с. СХХ).

© 2009 г. М.Л. Ямбаев

Н.Н. СТАНКОВ. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии. 1918–1924. Волгоград, 2007. 471 с.

Книга доцента волгоградского университета Н.Н. Станкова посвящена становлению и развитию чехословацко-германских дипломатических отношений в 1918–1924 гг. и влиянию на них внутривосточных и международных обстоятельств. Объявленные хронологические рамки исследования ограничиваются, с одной стороны, осенью 1918 г. (октябрь – провозглашение Чехословацкой республики, ноябрь – революция в Германии, образование Веймарской республики), с другой, – 1924 г. Выбор автора вполне оправдан, так как 1925 год, ознаменовавшийся заключением Локарнского договора, открыл новый этап эволюции Версальской системы.

Но работа далеко выходит за эти рамки направления научного поиска: изучение дипломатических отношений Германии и Чехословакии, составляя ведущую линию исследования, сопровождается глубоким и детальным осмыслением политики тех лет подавляющего большинства государств Европы. Всеобъемлющий подход к анализу международной жизни и политики отдельных государств точно воспроизводит обстановку того времени, характеризующуюся постоянным недоверием друг к другу как вчерашних врагов, так и союзников, бесчисленными территориальными претензиями, склонностью к секретным соглашениям различного свойства. После человеческих потерь и экономической разрухи Первой мировой войны самыми ужасными были, как справедливо пишет автор, психологические последствия. Они породили различные – в том числе агрессивные – формы национализма, сделавшегося одной из популярных идеологий между двумя мировыми войнами.

Тщательная проработка материала множества источников, опубликованных и архивных, дает возможность ощутить живую историческую ткань эпохи. Четко вырисовывается сложный процесс рож-

дения из бывшей Габсбургской империи самостоятельных государств, возникновение новой геополитической картины Центральной и Юго-Восточной Европы. Главное достоинство работы Н.Н. Станкова состоит в том, что в ней удачно сочетаются приемы «нарративной» истории, предполагающей освоение огромного фактического материала, и системного анализа, высокой степени обобщения.

Автор рассматривает процесс складывания «новой Европы», возникшей в ходе реализации разнонаправленных интересов стран-победительниц и побежденных. Проблемно-хронологический принцип изложения материала, избранный автором, позволил ему четко определить как основное направление развития событий, так и наиболее важные сопутствующие явления различного значения и масштаба. Он внимательно прослеживает связь между внешнеполитическим курсом государств и их внутривосточным состоянием и положением в экономике; это дает возможность более точного анализа происходящего.

Определяющим фактором развернувшихся в Центральной Европе событий, как аргументированно утверждает Н.Н. Станков, были отношения между Германией и Чехословакией – ближайших соседей и, в то же время в силу исторически сложившихся причин, серьезных антагонистов. Автор впервые в отечественной историографии, вовсе не бедной исследованиями по отдельным вопросам международной жизни этого региона, выделил главные направления дипломатического развития послевоенной Средней Европы. В то же время он описывает происходящее во всем его противоречивом многообразии. Н.Н. Станкову удалось не только уточнить некоторые устоявшиеся представления о событиях тех лет (например, долгое время считалось, что в Берлине с самого начала воспринимали Малую Антанту как

антигерманский союз), но и предложить оригинальное решение уже многократно исследованных проблем (к примеру, роли судетских немцев во внутривосточной и внешнеполитической деятельности Праги). В книге доказательно опровергается ставшее для нашей историографии стереотипом утверждение о пагубности «плана Дауэса» и связанных с ним инициатив США. В целом, исследование Н.Н. Станкова закрывает большое «белое пятно» в политической истории этого региона.

При всем том некоторые положения работы вызывают возражения. Так, например, вывод автора о том, что Ланский договор, заключенный Чехословакией с Австрией

(декабрь 1921 г.), позволил «изолировать Австрию от Германии», выглядит явным преувеличением. Н.Н. Станкову удалось портреты ведущих политиков того времени; скрупулезно проанализированы как их тактические успехи, так и просчеты; в то же время не уделено должного внимания их воззрениям. А ведь некоторые из них были мыслителями европейского масштаба, не говоря уж о неразрывности действий и мировоззрения.

Книга, на наш взгляд, будет интересна и полезна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

© 2009 г. О. Величко

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ВЕНИАМИНОВНЫ ПОПОВОЙ

7 февраля 2009 г. – юбилейная дата для Татьяны Вениаминовны Поповой. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Т.В. Попова относится к числу наиболее авторитетных российских лингвистов-славистов современности. Ее научные труды являются необходимым компонентом фонда знаний о структуре и функционировании славянских языков и диалектов (список научных трудов Т.В. Поповой за 1961–2004 гг. опубликован в девятом выпуске «Исследований по славянской диалектологии» (М., 2004) и насчитывает 119 позиций. В 2005–2008 гг. к этому списку добавились монография и 19 статей).

Большая часть исследовательской работы Т.В. Поповой связана с Институтом славяноведения РАН, где она с 1953 г. занималась в аспирантуре, а затем стала сотрудником сектора славянского языкознания. Научные взгляды и интересы Татьяны Вениаминовны формировались под влиянием ее учителей – Р.И. Аванесова и С.Б. Бернштейна. Эти выдающиеся российские ученые были авторами оригинальных направлений и концепций в исследовании славянских языков. Многие из их идей восприняла и развивала Т.В. Попова.

Научный путь Т.В. Поповой характеризуется не только разнообразием исследуемой проблематики, но и последовательным расширением изучаемого языкового пространства.

Будучи болгаристом по образованию, Т.В. Попова свои первые работы посвятила исследованию болгарской фонетики в сравнительно-историческом плане. Ее кандидатская диссертация «Коррекция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке» (1963) содержит анализ того, как фонетический строй болгарского языка и его диалектов относится к фонологической категории, являющейся важным показателем типологической классификации славянских языков. Эта работа и сопровождающие ее публикации внесли новый аспект в изучение болгарской фонетики, включив ее в общую систему славянской типологии.

Другой проблемой, заинтересовавшей Т.В. Попову, стала морфонология – использование фактов фонетики в оформлении фиксированных грамматических морфем. Сначала этой проблемой она занималась на материале болгарского языка, что отражено в многочисленных статьях 1960–1970-х годов и в монографии «Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект» (1975), которая в 1978 г. была защищена как докторская диссертация. Это исследование Т.В. Поповой, как по своим теоретическим установкам, так и по их конкретному приложению к языковому материалу, является новацией в определении специфики болгарской грамматической системы.

В дальнейшем Татьяна Вениаминовна продолжила изучение морфонологического устройства глагольных и субстантивных парадигм не только в болгарском, но и в русском, украинском, белорусском языках. Явления морфонологии разных языков изучались в сопоставительном плане, что создавало возможность использования морфонологических показателей в классификации славянских языков/диалектов. В своем интересе к морфонологии Т.В. Попова не обошла вниманием и памятники письменности – в статье 1992 г. (сборник «Болгарский литературный язык. Предвозрожденческий период») она показывает специфику образования одной грамматической формы в Тихонравовском Дамаскине XVII в.

В работе сектора славянского языкознания Татьяна Вениаминовна много внимания уделяла составлению диалектных атласов. Т.В. Попова принимала активное участие в этой работе на всех ее этапах, начиная с полевого обследования диалектов по специальной программе и кончая состав-

лением карт и комментариев к ним. В первом томе «Болгарского диалектного атласа (Югоизточна България)» (1964) ею составлено 33 карты; в «Карпатском диалектологическом атласе» (1967) – 64 карты. Она принимала участие и в работе над «Общеславянским лингвистическим атласом».

Т.В. Попова рассматривает диалектные карты как источник информации, дающей основания для получения новых лингвистических характеристик картографируемого континуума. Так, на основе «Карпатского диалектологического атласа» были выявлены особенности группировки юго-западных украинских говоров. Данные карт «Болгарского диалектного атласа» послужили для выводов относительно истории болгарского языка (в соавт. 1968). Историческим комментарием к картам «Карпатского диалектологического атласа» является статья о континуантах *ѣ, *’а в юго-западных украинских говорах (1994 г.)

Занятия лингвогеографией Т.В. Попова продолжила в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова (с 1991 г.), возглавив проект «Восточнославянские изоглоссы». Этот труд основан на рекартографировании той лингвогеографической информации, которая содержится в русском, украинском, белорусском атласах (ДАРЯ, АУМ, ДАБМ), а восточнославянский континуум рассматривается как единое языковое пространство. По существу это – восточнославянский диалектологический атлас. Под руководством Т.В. Поповой были подготовлены и опубликованы четыре выпуска этого труда (1995, 1998, 2000, 2006), в которые включены 54 карты, показывающие территориальную локализацию в восточнославянском пространстве диалектных различий разного уровня (фонетика, морфонология, морфология, синтаксис, лексика). Каждая из карт сопровождается статьей, представляющей собой монографическое описание картографируемого явления в синхронном, диахроническом, типологическом аспектах. Конфигурация полученных изоглосс вносит коррективы в сложившиеся представления об особенностях дифференциации восточнославянского пространства и о некоторых аспектах его диахронии.

Занятия Т.В. Поповой славянской диалектологией не ограничиваются лингвогеографией. У нее имеются труды, относящиеся к описательному разделу диалектологии. В их основу положена концепция, согласно которой описание диалекта или отдельных его компонентов должно удовлетворять требованиям, предъявляемым к описанию языкового идиома как такового, т.е. нести полную информацию о структуре и системном устройстве описываемого объекта. Это исключает дифференциальный метод обследования диалекта и его описания, когда в диалекте фиксируются только те явления, которые отличают его от литературного языка. Данные принципы реализованы Т.В. Поповой в виде описания глагольных категорий инфинитива и парадигмы презенса в одном украинском юго-западном говоре (в соавторстве).

Анализ синтагматики гласных в восточноболгарских говорах дал основания для констатации разных типов редукции безударных гласных, чему соответствует передвижение безударных гласных в верхнюю или заднюю зону артикуляционного пространства (статья в четырнадцатом выпуске «Исследований по славянской диалектологии»).

Полное описание фонетики диалектов как синхронно функционирующих языковых систем содержится в монографии «Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации» (1-е изд. 1993; 2-е исправленное изд. 2007; в соавт.). Объектом исследования являются исходный (в Болгарии) и переселенческий (в Молдове) болгарские говоры. Монография представляет собою новый для болгарской диалектологии тип исследования фонетического строя диалекта.

Особенностью научного почерка Т.В. Поповой является надежная аргументированность языковыми фактами предлагаемых автором выводов, что имеет первостепенное значение при работе с диалектным материалом.

Т.В. Попова является ученым, внесшим значительный вклад в исследование славянских языков в разных аспектах. Ее заслуги в области болгаристики отмечены в Болгарии Орденом Кирилла и Мефодия первой степени (1987). Информация о трудах Т.В. Поповой включена в энциклопедический справочник «Чуждестранна българистика през ХХ век» (София, 2008).

От имени друзей и коллег поздравляем Татьяну Вениаминовну с юбилеем, желаем ей здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов в ее научной деятельности.

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА ГУДКОВА

22 мая 2009 г. известному российскому слависту, заведующему кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ, авторитетному языковеду-сербокroatисту Владимиру Павловичу Гудкову исполнилось 75 лет. Большая часть его сознательной жизни, начиная со студенческих лет, связана с Московским университетом, а также с Институтом славяноведения. На славянском отделении филологического факультета МГУ, куда Владимир Павлович поступил в 1951 г., он получил основательное славистическое образование. Его преподавателем сербскохорватского языка был талантливый педагог Илья Ильич Толстой. Лекции В.К. Чичагова по старославянскому языку и С.Б. Бернштейна по истории сербскохорватского языка и сравнительной грамматике славянских языков во многом способствовали становлению будущего лингвиста. Владение сербским языком В.П. Гудков усвершенствовал благодаря трехлетней преподавательской работе в Московском государственном институте международных отношений (1956–1959), а затем в аспирантуре МГУ (1959–1962), составной частью которой была годичная стажировка в Югославии. Кандидатскую диссертацию о формах будущего времени в сербскохорватском языке он написал под руководством С.Б. Бернштейна и успешно защитил ее в 1964 г.

По окончании аспирантуры в 1962 г. В.П. Гудков был зачислен в штат кафедры славянской филологии и в соответствии с учебным планом славянского отделения преподавал все предметы лингвистической сербокroatистики: вел практические занятия по сербскохорватскому языку, читал теоретические курсы по сербской диалектологии и истории литературного языка у сербов, по описательной грамматике, а также ряд специальных курсов по сербской и хорватской лексикологии и лексикографии, по истории славянской филологии. В начале 1970-х годов проф. С.Б. Бернштейн поручил В.П. Гудкову читать обязательные для всех филологов-славистов, а в некоторые годы и для русистов, лекции по «Введению в славянскую филологию». Он является и автором учебных программ по этому и другим лекционным курсам. Для нужд учебного процесса был создан популярный, неоднократно переиздававшийся карманный «Сербско-русский словарь» (М., 1963), включающий наиболее употребительную лексику сербского языка, а в 1969 г. – книга «Сербскохорватский язык» (очерк грамматики с хрестоматией). В.П. Гудков – инициатор и один из авторов изданной в 1977 г. коллективной монографии «Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков». В 1986 г. был напечатан также подготовленный по инициативе юбиляра учебник сербскохорватского языка, созданный интернациональным коллективом авторов. В качестве редактора Владимир Павлович совершенствовал известный сербскохорватско-русский словарь И.И. Толстого при подготовке его третьего издания.

Получив в 1970 г. звание доцента, В.П. Гудков начал работать с аспирантами. Под его руководством написано и защищено 9 кандидатских диссертаций. Многочисленные ученики юбиляра трудятся в самых разных сферах науки и культуры как России, так и зарубежных стран. Среди них много преподавателей.

Педагогическая деятельность юбиляра сопряжена с научным творчеством в ряде направлений славянского языкознания и истории науки. Около 200 его работ (монографии, статьи, тезисы докладов) отражают четыре цикла исследовательской деятельности автора. Это, во-первых, более 20 публикаций о таком малоизученном явлении, как морфологическое варьирование в сербскохорватском языке, во-вторых, ряд статей об этнотерриториальной дифференциации литературного языка сербов и хорватов. Исследуя сходство и различия в языке Сербии и Хорватии, изучая особенности литературного языка бошняков, В.П. Гудков доказывает правомерность дальнейшего использования понятия «национально-территориальное варьирование сербскохорватского языка». Третье направление, лексикографическое, включает серию статей и монографию «Сербская лексикография XVIII века» (М., 1993). В этом труде не только подробно и внимательно обследуются словари XVIII в., но он и обогащает наши представления о сербской книжности того времени и ее языке. Четвертый цикл составляют статьи, посвященные выдающимся ученым-славистам. В качестве одного из авторов В.П. Гудков участвовал в создании коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (М., 1988), изданной Институтом славяноведения, и в коллективных очерках истории филологического факультета МГУ. Работы этого

цикла содержат сведения о славистической деятельности О.М. Бодянского, о вкладе в сербскохорватистику таких ученых, как П.А. Кулаковский, С.М. Кульбакин, А.А. Майков и др. В сферу интересов Владимира Павловича входит и изучение жизни и деятельности известных сербских деятелей культуры: Вука Караджича, Й. Раича, З. Орфелина. Актуальность данной тематики подтверждается тем, что в многотомной «Истории сербского народа», выпущенной в Сербии, содержится значительное количество ссылок на его публикации. Труды юбиляра издавались не только на родине, они часто появлялись в югославских лингвистических журналах, публикуются и в современной Сербии, где высоко оценен его вклад в развитие сербскохорватистики. Сборник статей «Славистика. Сербистика» (М., 1999) отмечен наградой имени академика П. Ивича, ежегодно присуждаемой Обществом славистов Сербии (2000). Указанная выше монография о сербской лексикографии удостоена отечественной награды, учрежденной Главным советом Минвуза по филологии. В ближайших творческих планах юбиляра монография, обобщающая исследования по дистрибуции вариантных образований в грамматике сербскохорватского языка.

С сентября 1990 г. по настоящее время В.П. Гудков возглавляет кафедру славянской филологии и учебное славянское отделение филологического факультета МГУ. За годы его руководства постоянно совершенствовался учебный план, расширялся кадровый состав кафедры. Открыты специализации по украинскому языку и литературе, читаются лекции по белорусской литературе. Планируется начать систематическое преподавание белорусского языка, а в перспективе, может быть, и русинского.

Взамен прежнего сборника статей «Славянская филология» кафедра начала выпуск нового продолжающегося издания «Славянский вестник». Опубликован ряд фундаментальных трудов по грамматике отдельных славянских языков. Выход в свет в 2003 г. записок С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти», представляющих большую ценность для истории науки и высшей школы, также во многом заслуга В.П. Гудкова. По его инициативе переиздан первый том «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» С.Б. Бернштейна (выпущен в 1963 г., переиздан в 2005).

Наряду с руководством кафедрой Владимир Павлович активно участвует в работе факультета в целом. Длительное время он был заместителем декана по учебно-методическому объединению филологических факультетов России (УМО) и продолжает исполнять обязанности заместителя председателя Ученого совета факультета.

В.П. Гудков наделен большими организаторскими способностями. В начале 1970-х годов он возглавил Курсы переводчиков-синхронистов по языкам соцстран и смог в самые сжатые сроки привлечь к преподаванию высококвалифицированных специалистов и организовать качественный учебный процесс. Необычайно плодотворной была деятельность юбиляра на посту президента Ассоциации друзей Югославии, всероссийской общественной организации, которая в трудный период дезинтеграции СССР и СФРЮ, а затем агрессии НАТО против Югославии способствовала поддержке и упрочению дружественных связей между братскими народами. Ассоциация участвовала в сборе и доставке гуманитарной помощи для детей-сирот, организовывала встречи ветеранов-освободителей Белграда, устраивала литературные и музыкальные вечера.

По инициативе В.П. Гудкова в МГУ действует славянский культурно-информационный клуб, призванный популяризировать и распространять знания о современном славянстве и его истории. За творческие и общественные заслуги В.П. Гудков удостоен государственной награды – Ордена Дружбы.

Друзья и коллеги-слависты желают Владимиру Павловичу крепкого здоровья, благополучия и творческих успехов.

© 2009 г. Г.П. Тыртова

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Владимиру Павловичу здоровья и творческих успехов.

АКАДЕМИК ВАСИЛИЙ МЕЛИК (1921–2009)

Василий Мелик, один из крупнейших словенских историков XX в., родился 17 января 1921 г. в Любляне. Он был сыном известного словенского географа Антона Мелика. После окончания люблянской гимназии, в 1939–1943 гг. он изучал историю, географию и литературу на Философском факультете Люблянского университета. В 1945–1947 гг. В. Мелик совмещал обязанности помощника архивариуса в люблянском Городском архиве и библиотекаря в Славянской библиотеке. В 1947–1952 гг. он работал ассистентом на историческом отделении Философского факультета и одновременно преподавал историю Словении в люблянской Высшей педагогической школе, а в 1952–1959 гг. – экономическую историю Словении на Экономическом факультете. В 1959 г. Мелик вернулся на историческое отделение Философского факультета, где и работал до своего ухода на пенсию в 1991 г.

После защиты докторской диссертации в 1959 г. В. Мелик был избран доцентом (1960), в 1969 г. экстраординарным, в 1974 г. ординарным профессором. Он преподавал историю югославянских народов, словенскую историю с середины XVIII в. до Первой мировой войны. В 1972–1974 гг. – прорекан, а в 1974–1977 гг. – декан Философского факультета. Помимо всего этого, много лет (1973–2000) Мелик был главным редактором центрального словенского исторического журнала «Zgodovinski časopis».

В 1993 г. Мелик стал членом-корреспондентом, а в 1997 г. – академиком Словенской академии наук и искусств. В 2001 г. Союз исторических обществ Словении избрал В. Мелика своим почетным членом, а в начале 2002 г. ученый был награжден серебряным почетным орденом Республики Словения.

Круг научных интересов В. Мелика был чрезвычайно широк. Будучи специалистом по словенской истории XIX в., он неоднократно обращался в своих исследованиях и к проблемам Средневековья, раннего Нового времени, истории XX в. Помимо политической истории он изучал вопросы истории экономики, управления, демографии, социальной истории, истории культуры и быта словенцев. Важным этапом в развитии словенской исторической науки стали работы Мелика по истории словенцев 1848–1918 гг. В 1966 г. был издан фундаментальный труд В. Мелика и Ф. Гестрина «Словенская история с конца XVIII столетия до 1918 г.», основные научные положения которого сохранили свою ценность и поныне. В 1965 г. была опубликована авторская монография «Выборы в словенских землях 1861–1918», в которой автор проанализировал не только особенности австрийской избирательной системы и проведения выборов в словенских землях, но и ключевые проблемы словенской политики того периода. В 1991 г. Мелик был награжден за эту работу премией Гинделя (за исследования по истории Австрийской монархии). Немецкий перевод книги вышел в 1997 г. в Вене. В публикациях воспоминаний крупных словенских политиков Й. Вошняка, И. Хрибара, Ф. Шукле, В. Равнихара Меликом помещены подробные и глубокие очерки жизни и деятельности авторов. Важнейшие исследования В. Мелика опубликованы в 2003 г. в сборнике его трудов «Словенцы 1848–1918». Работы этого замечательного ученого отличаются научной глубиной и оригинальностью, широтой охвата проблематики, комплексным подходом к ее изучению и, наряду со всем этим, простотой, логичностью и ясностью изложения материала. С конца 1960-х годов В. Мелик участвовал также во многих важных международных проектах, в том числе и в совместной советско-югославской публикации «Югословени и Русија» (Материалы архива М.Ф. Раевского. Београд. 1989. Т. 2. Кн. 1).

Василий Мелик скончался 28 января 2009 г. в Любляне. Он останется в нашей памяти не только как глубокий исследователь и талантливый преподаватель, но и как человек широкой души, неизменно полный интереса к жизни и к людям, доброжелательный, скромный и простой.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). Towards Adrianopol Piece Treaty	3
<i>Voronkova I.E.</i> (Orel). Constitutional Democracy Party on the Aims and Objectives of the Current Balkan Policy of the Russian Empire in the Early 20th Century.....	18
<i>Kostin A.A.</i> (Kirov). USA Diplomacy and the struggle for power in Yugoslavia in 1945.....	29
<i>Kaythcev N.I.</i> (Sofia). Politics of Bulgaria in Relation to the Societies of Macedonian Refugees (1944–1989).....	39
<i>Mikhalev O.Yu.</i> (Voronezh). The Question of Joining NATO in the Polish Political Discourse (1989–1993).....	51
<i>Sodol V.A.</i> (Tiraspol). Cloisters of Moldavia SSR in 1945–1948: Economical Activity.....	59
<i>Maltsev L.A.</i> (Kaliningrad). Witold Gombrowicz's «Memoirs»: the Reform of genre.....	69
<i>Sorokina A.Yu.</i> (Moscow). On the Problem of Slavic-Jewish Language Contacts in Slavic and Jewish Studies.....	78
<i>Boronnikova N., Ovtchinnikova E.</i> (Perm). Valuation Semantics of the Indefinite Pronoun <i>eden</i> in the Macedonian language	86

COMMUNICATIONS

<i>Shnitcer I.E.</i> (Uzhgorod). Failed Attempt to Put the Slovak Issue on the Paris Piece 1919 Conference.....	96
---	----

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Dostal M.Yu.</i> (Moscow). Slavic Literary Studies and the Ideological Campaigns of the Late 1940-s.....	104
---	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Yambaev M.L.</i> Македонското прашање во советската надворешна политика (1922–1940). Документи. Едиција документи за Македонија	117
<i>Velichko O. H.H.</i> Станков. Дипломатическите одношения Веймарской републики и Чехословакии. 1918–1924.....	120

ANNIVERSARIES

<i>Demina E.I., Ermakova M.I., Kalnyn L.E.</i> Towards the Anniversary of Tatyana Venyaminovna Popova.....	122
<i>Tyrtova G.P.</i> Towards the Anniversary of Vladimir Pavlovich Gudkov.....	124

OBITUARIES

<i>Tchurkina I.V., Kyrylina L.A.</i> Academic Vassily Melik (1921–2009).....	126
--	-----

Сдано в набор 27.05.2009 Подписано в печать 05.08.2009 Формат бумаги 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать. Усл. печ.л. 10.4 Усл.кр.-отг. 4.1 тыс. Уч. изд.л. 12.0 Бум.л. 4.0
Тираж 382 экз. Зак. 511

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

